

Андрей Стоев

За последним порогом

За последним порогом. Земли полуночи

Глава 1

С этой стороны Княжьего Двора нам бывать ещё не доводилось, но у крыльца нас уже встречали.

— Господин Кеннер, госпожа Лена, — важно выглядящий слуга в ливрее неглубоко поклонился. — Прошу следовать за мной.

У князя я, конечно, бывал не раз и не два, но это были исключительно формальные встречи, даже когда они подавались не как вызов, а как приглашение. Сегодня, однако, меня пригласили именно на семейный обед, причём с супругой. Я давно уже отчаялся понять мотивы князя — возможно, он просто решил, что слух о том, что я его сын, немножко подвыдохся, и надо бы его освежить.

Нас проводили в маленькую столовую, где уже ждали князь с княгиней. С княгиней Радмилой мы до этого общались исключительно формально — она не так уж редко посещала приёмы, но нас с Ленкой никак не выделяла. Впрочем, общалась она с нами всегда очень доброжелательно.

— Княже, княгине, благодарим вас за приглашение, — сказал я с поклоном, а Ленка просто молча поклонилась. — Это честь для нас.

— Без формальностей, Кеннер, — добродушно отозвался князь. — Это не званое мероприятие, а обычный семейный обед.

Прежде чем усесться, я мельком оглядел столовую. Люди всегда привносят в своё жильё какую-то ауру — мы с первого взгляда определяем, что комната нежилая, или что в ней долго не появлялись хозяева. В этой комнате всё говорило об обжитости — она совершенно очевидно была именно семейной столовой, а не просто каким-то подходящим помещением.

— Как там наши молодые? — с улыбкой спросила княгиня, когда мы расселись. — Наслаждаются медовым месяцем?

— Мы их после свадьбы даже не видели, княгине, — извиняющимся тоном сказала Ленка. — Дом слишком большой, очень уж в нём легко потеряться. Но вряд ли мама будет долго бездельничать — не сегодня завтра обязательно поедет в клинику.

— Зачем такой большой дом построил, Кеннер? — с улыбкой спросил меня князь.

— На вырост, княже, — развёл я руками. — Надеюсь, мы его рано или поздно заполним.

— И когда заполнять начнёте, Лена? — спросила княгиня посмеиваясь.

— Нам ещё два года учиться, княгине, — улыбнулась в ответ Ленка. — Пока рано об этом думать. После Академиума придётся, наверное, рожать — Кеннеру нужен наследник.

— Два наследника, Лен, — виновато сказал я. — Второму сыну мы баронство оставим.

— А девочку не хочешь, Кеннер? — обратила на меня внимание княгиня.

— Хочу, — вздохнул я. — Даже больше, чем мальчика. Но очень уж проблемно будет для неё мужа искать.

— Какая здесь может быть проблема? — поразилась княгиня. — Да чтобы войти в вашу семью, очередь до горизонта выстроится.

— У нас же дети, скорее всего, одарёнными будут, а у одарённых всё совсем по-другому. Посмотри, княгине, как мучаются Матери родов, чтобы хоть для наследниц нормальных мужей найти.

— Тирину имеешь в виду? — проницательно посмотрел на меня князь.

Совсем не удивлён, что князь плотно отслеживает ситуацию в родах.

— В том числе, княже, — подтвердил я. — Алина пока никого не сумела подобрать.

— А кстати, раз уж мы заговорили о наследницах, — как бы невзначай заметил он, — долго ещё Беримир будет со своей Владой мутить?

А положение в дворянских семействах он, похоже, отслеживает ещё плотнее. Ну, я сразу Беримиру сказал, что было бы очень наивным надеяться, что князь не обратит на Владу внимания.

— Я ему посоветовал не тянуть с объявлением её наследницей, — честно ответил я. — Но там же ещё есть упёртые старейшины, один Путята чего стоит.

— Беримир-то мужа дочке присмотрел уже?

— Не знаю, княже. Он не говорил, а мне самому допытываться было неуместно. Тем более, это вообще меня не касается.

— Яромиру Милослава говорила, что девочку родит, — вернулась к теме княгиня. — А почему её эта проблема не смущает?

— Не думаю, что у Милославы Арди будет проблема с поиском приличного мужа для дочери, — хмыкнул я.

— А для внучки, получается, проблема будет?

— Муж дочери будет членом её семьи, а муж внучки — нашей, — объяснил я довольно очевидную вещь. — От нашей матери можно получить что-то такое, что ни за какие деньги не купишь, а от нас — только деньги. Да и то не даром — паразита мы не потеряем.

Князь с княгиней понимающе покивали, а потом князь явно что-то вспомнил и расплылся в улыбке.

— Так что там за история с крокодилами, Кеннер? — спросил он, поглядывая на меня с явной насмешкой.

Я закатил глаза.

— Хоть ты-то меня этими крокодилами не изводи, княже, — попросил я с тяжёлым вздохом. — Достали меня с ними уже вконец.

— А как ты хотел, Кеннер? — назидательным тоном сказал он. — Ты достиг такого положения, когда за каждое своё слово надо отвечать. И уж тем более никогда нельзя шутить с подчинёнными — они, во-первых, шуток начальства не понимают, а во-вторых, всегда готовы слова начальника извратить.

— Можно подумать, я один такой, — негромко проворчал я.

— Это ты на меня, что ли, намекаешь? — изумился князь, а княгиня негромко засмеялась.

— Разве бы я посмел, княже? — я сделал вялую попытку оправдаться.

— Ты бы посмел, Кеннер, наглости бы хватило, — уверенно сказал он. — Да собственно, ты и посмел. Но справедливости ради замечу, что берега ты всё-таки видишь и границу не переходишь. Ладно, признаю свою ошибку. Точно так же глупо пошутил при подчинённых, и в такое вот непотребство простая шутка выросла. Не знаю, как это теперь исправить — разве что и вправду тебя усыновить.

— Надеюсь, ты это не всерьёз сказал, княже, — испугался я. — Это только проблем добавит. Всем добавит — тебе, мне, княжичу, да всем вообще.

— Верно, не вариант, — кивнул князь. — Тогда просто не знаю, как народу рты заткнуть.

— Не надо затыкать, от этого только хуже будет. Запрет ведь только раззадорит фантазию. Лучше просто не обращать внимания, как на досужий вымысел. Здесь ничего сделать не получится, а вот насчёт крокодилов ты мне идею подал, княже.

— Я подал идею? — с интересом посмотрел на меня князь. — Ну-ну, посмотрим, как ты сумеешь со своими крокодилами разобраться. Надо будет с Хотеном насчёт этого поспорить — он-то в тебя не очень верит, а вот я уже понял, что надо на тебя ставить. Ладно, у меня к тебе и серьёзный вопрос есть: как дальше собираешься с попами общаться?

— Лучше бы никак, княже, — признался я. — Слабоват я против них. Они ведь ни разу даже словом мне не соврали, но при этом каждый раз уводили меня куда-то в сторону. Я только тогда понял, что у них происходит, когда Скорцезе на свадьбе мне всё подробно разжевал. Да и насчёт этого что-то сильно сомневаюсь — точно я всё понял, или меня опять куда-то не туда завели?

— Да ты и сам мастер словами играть и тумана нагонять, — усмехнулся князь. — А как тебя тем же самым накормили, так сразу решил, что слабоват. В общем-то, мы с кардиналом всё обсудили, но ты на всякий случай будь готов к нему съездить при случае. И вот ещё: что он там говорил, будто Дитрих хочет сделать тебя графом?

— Я это всерьёз не воспринял, княже, — твёрдо ответил я. — И если Дитрих мне такое вдруг предложит, вежливо откажусь.

— А что так? — поднял бровь князь.

— Да масса причин, княже.

— Например? — настаивал он.

Отчего-то кажется мне, что запала князю в голову идея провести меня в имперские графы, и моими руками немного залезть в имперскую политику.

— Одно дело барон — титул невелик, да и баронство пограничное, — объяснил я. — Граф — это уже серьёзно, да и графство будет где-то вдалеке. Ты же первый задашься вопросом насчёт моей верности. И даже если я оправдаюсь, осадок наверняка останется.

— Ну а если, допустим, я таким вопросом задаваться не

стану?

Ну точно — решил немного помутить воду в империи через меня.

— В империи нет выморочных графств, княже, я этот вопрос сразу выяснил. Это значит, что мне либо дадут титул «из вежливости», без земли, либо предложат самому завоевать себе графство где-нибудь в Иберии. Меня ни тот ни другой вариант не устраивает. Да и за какие заслуги мне давать графство? Нет у меня таких заслуг перед империей, а значит, там в любом случае будут дополнительные условия. Пока что мне просто морковку показали и внимательно смотрят — потянусь я к ней или нет?

— Думаешь, они не всерьёз предлагают? — задумался князь.

— Ты, княже, даже Кире не хочешь простое дворянство дать, потому что заслуг нет — а с чего бы империя графства направо и налево просто так раздавала?

— Печально, печально, — князь полностью пропустил мимо ушей мой намёк насчёт Киры. — Скорцезе очень убедительно рассказывал, как Дитрих тебе благодарен.

— Не за что ему быть мне благодарным, княже, — вздохнул я. — Ну, или скажем так: его благодарность совершенно не стоит графства. Если уж тебе нужен имперский граф, действуй через Бернара. С ним, конечно, всё сложнее, и просто приказать ему не получится, зато это надёжнее. Он там действительно свой.

* * *

Эрика я заметил сразу — он стоял у главного спуска с двумя девушками и что-то им уверенно говорил, а они внимательно его слушали и кивали. Лица девушек показались мне знакомыми — я немного покопался в памяти и без труда вспомнил, что видел их в поместье Ренских. Всё-таки очень трудно с сильными Владеющими — по внешнему виду никак не поймёшь, девушки это, или, скажем, бабушки. Хотя если они общаются напрямую с Эриком, то это явно кто-то из их старших, так что, скорее всего, всё-таки бабушки.

— Эрик, здравствуй, — кивнул я ему. — Здравствуйте, девушки. Эрик вас не обижает?

— Не особенно, — ответила одна, и обе засмеялись. —

Здравствуйте, господин Кеннер. Господин Эрик, мы всё поняли. Если мы вам больше не нужны, то позвольте вас покинуть.

— Да-да, не буду вас задерживать, — улыбнулся им Эрик.

Мы проводили их взглядами.

— Как ты с Ренскими ладишь? — любопытствовал я.

— Просто не нарадуюсь на них, — ответил он. — Всё делают вовремя и как положено. За ними даже и проверять ничего не нужно. Не то что с этим жуликом Бояновым.

— А с ним какие-то проблемы есть? — удивился я. — Он же всё нам строил, начиная с «Мегафона». Уже должен был привыкнуть, что с нами его штучки не проходят.

— Да нет, так-то особых проблем нет, просто постоянно нужно за ним приглядывать. Стоит чуть контроль ослабить — обязательно где-нибудь схалтурит.

— Да, он такой, наш старый партнёр Тишило, — развеселился я. — Раздражает, конечно, но где же нормального строителя найти? Они все такие. Боянов ещё не самый плохой вариант, поверь.

Эрик только тяжело вздохнул в ответ — ну, я его понимаю. Впрочем, сейчас Тишило сильно присмирел, а вот раньше, когда он нас ещё не особенно боялся, Зайка с ним здорово намучилась.

— Кстати, как там ваш медовый месяц, молодожёны? Это княгиня Радмила у меня про вас спрашивала, а я-то так и предполагал, что тебя здесь найду.

— Да какой там медовый месяц? — махнул он рукой. — Мила один день вытерпела, а на следующий уже поехала в клинику. Ну а я сюда — не дома же мне сидеть? Да уж, — покачал он головой, — мог ли я когда-то подумать, что моей жизнью будет интересоваться княгиня? До сих пор в голове не укладывается.

— Привыкнешь, куда ты денешься, — утешил его я. — Нашей семьёй в принципе многие интересуются, а ты у нас вообще звезда. Вольники, по-моему, с тебя скоро иконы писать начнут.

Эрик неопределённо хмыкнул, явно не испытывая большой радости от этого известия.

— Ну ладно, давай о деле. Расскажи, как здесь дела обстоят — какие успехи, какие трудности?

— Да всё более-менее по плану, — пожал плечами он. —

Каких-то особых неожиданностей нет. Первый уровень почти готов, заканчиваем отделку. На втором работы ещё хватает, но всё по графику. Больше всего проблем с третьим уровнем, девочки Ренских в основном там заняты. Там очень много работы по выравниванию стен и потолков в пещерном комплексе. Строители предлагали сначала сдать первые два уровня, а с третьим разбираться потом, по ходу дела, но я решил строить всё сразу. Клиентам хранилища вряд ли понравится, если вокруг будут бегать рабочие с тачками. Не способствует уверенности в безопасности и защищённости.

— Совершенно верно решил, — одобрительно кивнул я. — Никаких «доделаем потом».

— И ещё я сказал проектировщикам, чтобы никакой штукатурки в отделке, только полированный камень. Штукатурку надо периодически подновлять, а нам ремонтные работы лучше свести к минимуму.

— Кира не возражала?

— Возражала, конечно, увеличение бюджета ей не понравилось. Но я сумел ей доказать, что это компенсируется уменьшением расходов на последующие ремонты.

— Разумное решение, — согласился я. — Ремонт подземного сооружения с ограниченным доступом дешёвым не будет. Доступ ведь будет ограничен?

— Доступ только лифтами, — подтвердил Эрик, — шахты уже пробиты. Как только закончим основные работы, все старые входы зальём бетоном.

— Вижу, что у тебя всё нормально идёт, — удовлетворённо сказал я. — А ты ещё волновался, что не справишься. Как с охраной дела, кстати?

— Комплектую пока, мои парни из рысей обучают новичков. Постепенно передаём им посты, а людей Кельмина отсылаем обратно Антону.

— С ним проблем не было?

— Он, по-моему, не особо доволен, что такой серьёзный объект не под ним будет, но молчит, вида не показывает. А вообще, так уж это было необходимо — отодвигать его?

— Необходимо, Эрик, — вздохнул я. — Всегда нужны какие-то противовесы. Да и вообще, у Кельмина уже слишком мощная структура — ещё немного, и она начнёт жить своей жизнью, и совсем не факт, что Антон сможет удержать над ней контроль.

Я скоро начну его структуру дробить на отдельные подразделения. Чтобы, к примеру, охрана «Милика» никак не была связана с охраной четвёртого механического, а общая служба безопасности должна быть совсем отдельной. Кельмин пусть осуществляет общее руководство, но это должны быть независимые службы.

— Это правильно, наверное, — неохотно согласился он.

— Так значит, больше никаких проблем нет?

— Если не считать крокодилов, — с отвращением сказал Эрик. — Я, наверное, за такой вопрос скоро начну сразу в морду бить.

— Да, шутка зашла слишком далеко, — поддержал его я. — И дело даже не в том, что она раздражает. Неприятно то, что это постепенно начинает сдвигаться в область комического. Семейство не должно ассоциироваться с чем-то смешным, это будет уже прямым ущербом репутации. Придётся как-то решать.

— А как это можно решить? — с любопытством посмотрел на меня Эрик. — Скормить всех интересующихся крокодилам?

— Хороший способ, — развеселился я, — но слишком уж радикальный. Да и не каждого скормишь — у меня ведь и князь интересовался. Нет, поищем другой вариант. Есть у нас некая Тамила Лапа — возможно, она сможет нам помочь.

— Мне этим заняться?

— Нет, Эрик, — отрицательно покачал я головой. — Не обижайся, но я не уверен, что ты сможешь правильно разговаривать с существом, которого побаивается Драгана Ивлич. Я сам с Тамиллой поговорю.

* * *

Я стоял перед калиткой в нерешительности. На ум упорно приходила история бабушки из Ручейного, которую мы слышали от извозчика в Итиле. Не знаю как кто, а я серьёзно отношусь к таким вот незамысловатым байкам — в них обычно хватает вранья, но если отбросить шелуху, добавленную рассказчиком для красоты повествования, то порой из них можно почерпнуть ценную информацию, которую более серьёзные люди выдают крайне неохотно. Да собственно, что далеко ходить? Ведь благодаря именно этому рассказу я

впервые и услышал об Осколках, о которых мало кто знает, и про которых Высшие очень не любят говорить.

О Тамиле Лапе я совершенно ничего не знал, за исключением единственного упоминания от Драганы:

— У нас Лапа всякими странными зверями занимается, — мимоходом заметила Драгана, когда мы обсуждали лесных, и я к месту припомнил, как Добрый Крот упоминал про тварей, которые иногда забредают к ним с севера. Затем она подумала и добавила: — Или не совсем зверями. Или даже совсем не зверями.

— А кто это такая? Я вроде всех наших Высших знаю хотя бы заочно, а про эту Лапу никогда не слышал.

— Тамилу Лапу, — пояснила Драгана. — Вот и дальше не надо про неё слышать.

— Нет, ну серьёзно, Гана, — настаивал я, почувствовав какую-то загадку.

— Я серьёзно, Кен. Сама про неё ничего не знаю и не особенно хочу знать. Не все знания сделают тебя счастливым, понимаешь? Некоторые люди... хотя не уверена, что она человек, как-то непонятно с этим... в общем, некоторые сущности слишком непредсказуемы и опасны, и интересоваться ими без необходимости не стоит. И хватит об этом.

Настаивать дальше я не стал, но отметочку у себя сделал. Если бы Драгана так говорила о ком-то вроде Морены, я бы это полностью понял, но здесь речь шла явно не о богине, и даже, возможно, не о Высшей. Привычка обращать внимание на такие странности не раз меня выручала, так что это имя в моей записной книжке появилось — правда, кроме имени, там стояло только «Занимается зверями. Возможно, опасна».

И вот сейчас я стоял перед её калиткой и задумчиво разглядывал небольшой двухэтажный дом. В таких домах жили мещане со скромным достатком — ну, по моим понятиям скромным, обычный рабочий о таком доме мог только мечтать. У нас так жили начальники цехов, сотники дружины — в общем, те люди, которых обычно относят к среднему классу. Такими домиками обзаводились и Владеющие ранга шестого примерно, хотя та же Марина Земец жила, пожалуй, и побогаче. В общем, это скромное обиталище никак не вязалось с образом того, кого считает нужным опасаться Драгана Ивлич.

Я перевёл взгляд на неширокий, саженей пять, палисадник.

Цветы, декоративные кустарники, несколько довольно примитивных фигурок собачек и кисок в роли садовых гномиков. Ничего подозрительного, но мне вдруг показалось, что на краю зрения одна из фигурок сдвинулась. Я посмотрел туда — кажется, эта кошечка раньше смотрела в другую сторону? Или нет? Трудно сказать, привиделось ли мне движение, но сейчас все фигурки как-то незаметно оказались развёрнуты мордами ко мне, и у меня появилось устойчивое ощущение чужого внимания. Если дом намекал на странность хозяйки, то палисадник прямо кричал о её опасности.

Возле калитки не нашлось никакой кнопки звонки, да и у входной двери не было заметно ни кнопочки, ни верёвочки.

— Кеннер Арди, — сказал я громко в пустоту. — Я договаривался о встрече с сиятельной Тамиллой Лапой.

Несколько секунд ничего не происходило, затем калитка с лёгким скрипом приоткрылась. Вполне возможно, что она приоткрылась от порыва ветра, который налетел как раз в этот самый момент, но я не очень верю в совпадения, так что счёл это за приглашение.

Я вошёл в калитку и спокойно, не торопясь, подошёл к двери, которая тоже слегка приоткрылась. Это уже точно не было совпадением. Я оглянулся и посмотрел на фигурки. Они опять оказались повёрнутыми ко мне мордами, хотя в этот раз я никакого движения разглядеть не сумел. Интересно, что поле Силы тоже осталось совершенно спокойным. Мне пришла в голову мысль, что, возможно, я зря не послушал Драгану, но поворачивать назад было уже поздно, так что я просто пожал плечами и уверенно вошёл в дом. Показывать страх или нерешительность в данной ситуации было бы самым глупым поступком из всех возможных.

За дверью обнаружился небольшой холл-прихожая, но меня никто не встречал. Если она собралась меня таким образом смутить, то попытка была слабоватой. Я снял плащ и сам повесил его на вешалку сбоку от двери, а затем заглянул в открытую дверь слева. За ней обнаружилась небольшая гостиная, а в ней и сама хозяйка — в мягком кресле с вязанием в руках.

— Сиятельная? — я вежливо поклонился.

— Заходи, не стой в прихожей, — хрипловатым голосом отозвалась она. — И я никакая не сиятельная.

Как-то очень уж по-простому меня принимают. Ну, надеюсь, стаканом водки под солёный огурец меня угощать не станут, не хотелось бы настолько уж упрощать отношения.

И гостиная, и хозяйка при ближайшем рассмотрении оказались не совсем такими, какими показались с первого взгляда. Хозяйка поначалу выглядела бабушкой божьим одуванчиком с ласковыми глазами, однако как-то незаметно она стала не такой уж и старой, и даже совсем не старой. И глаза у неё вдруг оказались молодыми и совсем не ласковыми, и вязанье в руках оказалось совсем не вязаньем, а каким-то странным переплетением, к которому почему-то никак не получалось присмотреться. А в уютной гостиной на стене висели мечи и копья странных форм из какого-то непонятного металла, и потёртые рукоятки говорили о длительном использовании.

— Прошу простить меня, — сказал я, без спросу усаживаясь в соседнее кресло, — но я не знаю, как к вам следует обращаться.

— Главное, не говори со мной так, будто меня здесь много, — недовольно ответила она. — Не привыкла я к этому. Зови просто Тамилой, мне имени достаточно.

— Мне как-то непривычно обращаться на ты, — озадаченно заметил я.

— Ну а я вот так привыкла, — усмехнулась она. — Старую сучку по-новому гавкать не обучишь, а ты молодой, тебе легче приспособиться. Так чего ты хотел-то?

Раз уж хозяйка требует, то гостю ничего не остаётся, кроме как согласиться. Может, нам, молодым кобелям, и в самом деле проще себя заставить по-новому гавкать.

— Сложно сказать, чего я хочу, я и сам это не вполне понимаю, — начал я. — Точнее, не вполне понимаю, насколько мои пожелания реальны. О вас... о тебе, Тамила, я услышал от Драганы Ивлич...

— Ивлич? — она нахмурила лоб вспоминая. — А, та наглая соплячка. Я бы не назвала это хорошей рекомендацией.

— Это не рекомендация была. Она просто мельком тебя упомянула по случаю.

— И что она тебе про меня рассказывала?

— Она всего лишь сказала, что ты занимаешься разными странными зверями.

— Зверьями? — она задумалась. — Ну, при некотором воображении можно и так сказать.

— Если под зверьями она имела в виду что-то вроде тех, что в палисаднике, то некоторое воображение действительно необходимо, — согласился я, а Тамिला неопределённо хмыкнула.

— И зачем тебе мои зверюшки?

— Это история долгая и, в общем-то, не особенно интересная, — вздохнул я. — Если сократить ненужные подробности, то мы строим сейчас подземное хранилище, и я бы хотел заказать для него что-нибудь вроде крокодилов.

— Вот прямо крокодилов? — изумилась Тамила.

— Именно крокодилы, наверное, плохо подойдут, — задумался я, пытаюсь понять хотя бы для себя, чего же хочу. — Если уж держать там каких-то тварей, то хотелось бы, чтобы они выполняли и полезные функции, а от крокодилов толку мало.

— Почему же мало толку? — с улыбкой возразила она. — Кусаются больно, бегают быстро.

— Кусать всех встречающих — это не то, что я хотел бы получить от по-настоящему полезного крокодила. Тамила, а что ты можешь вообще? Какой величины твои звери и какие у них способности?

— Мамонта не сделаю, конечно, а так кое-что могу, — она с интересом на меня посмотрела. — Ты придумал что-то?

— Вспомнил кое-кого. Доводилось мне видеть ящеров на двух ногах в броне и с оружием в лапах...

— Броню опиши, — резко перебила меня она. — И оружие.

— Жилеты и юбки, — я задумался, пытаюсь вспомнить статуи возле алтарной залы подземелья. — Жилеты вроде чешуйчатые, если я правильно помню. А оружие похоже на булаву, только форма какая-то странная.

— Хигриссы, — с отвращением сказала она. — Мерзкие твари. Они давно к нам не пролезали — где ты их увидел?

— Это статуи были, — пояснил я. — Мы их уничтожили.

— Правильно сделали, — одобрительно кивнула Тамила. — Иногда эти статуи подкидывают сюрпризы, бывало и такое. А кстати, где ты их нашёл?

Я немного поколебался, но всё же решил ответить:

— В нашем подземелье под старым фабричным городком.

Но это секрет, и даже не мой, так что прошу никому это не передавать.

— Некому мне передавать, — отмахнулась она. — А не было ли там рядом какого-нибудь алтаря? Нехорошего такого?

— Был, — с удивлением признал я. — Он тоже уничтожен.

Я, конечно, не видел своими глазами, как он был уничтожен, но глубоко сомневаюсь, что Морена поставила эту мерзость в своей гостиной.

— Вот, значит, где эта шайка сидела, — задумчиво покивала Тамила. — Долго их искали, даже награду большую давали, но так и не нашли. Лет так тысячи полторы назад эта информация больших денег стоила, припоздал ты немного.

А похоже, что она и впрямь старушка. Наверное, всё-таки помоложе Бальдебреты из племени гаутов, хотя кто его знает, сколько лет ей было в те времена? Правда, у Тамилы есть фамилия, но «Лапа» могла быть и просто кличкой. Да собственно, все старые фамилии от кличек и пошли.

— Так что там насчёт хигриссов? — напомнила она.

— Вот, может, что-нибудь вроде них, но с головами крокодилов? Что-то вроде египетского Себека[1]?

[1 — Себек — в Древнем Египте бог воды и разливов Нила. Часто изображался в виде человека с головой крокодила.]

— Не знаю я никаких себеков, — ворчливо сказала она. — И что эти твои себеки делать будут? Тоже бегать и всех кусать?

— Нет, не кусать, — покачал головой я, полностью захваченный новой идеей. — Пусть стоят в лифтовом холле и атакуют любого, кто попытается пройти мимо них дальше, и у кого не будет с собой опознавательного знака. Ну, кристалла там, или ещё чего-нибудь в таком роде. И чтобы глаза горели и следили за всеми проходящими. А что — здорово ведь получится, правда? И защита хорошая, и посетители сразу видят, что охрана серьёзная.

— Можно попробовать, — прикинула Тамила. — А вот чем ты платить будешь, друг сердечный?

— Лучше всего деньгами, — твёрдо сказал я. — Можно встречную услугу или какую-то вещь, но только то, что я буду готов заплатить прямо сейчас. Никаких неопределённых обязательств или будущих услуг. Назначается цена, и если я на неё согласен, то плачу сразу. После выполнения договора долгов между нами не будет.

— Жёстко вопрос ставишь, — недовольно отозвалась она.

— Я на себя кабальных обязательств брать не собираюсь, тем более ради вещей, без которых вполне могу обойтись.

— А чего ко мне пришёл, раз обойтись можешь? — она недружелюбно посмотрела на меня нахмурившись.

— Есть много вещей, без которых я могу обойтись, но всё равно покупаю. Если цена устраивает.

— Ладно, не буду жадничать, — уже более мирно сказала Тамила. — Договоримся.

Глава 2

Кабина маленького пикапа для троих была тесноватой, сиденье — неудобным, и уже через полчаса Ворон начал беспокойно ёрзать. Ещё через десять минут он не выдержал:

— Надо нормальную машину купить!

— Надо, — согласился Росомаха, которого безмерно раздражало абсолютно всё — и плохая дорога, и больная поясница, и ёрзающий Ворон. Но старейшина не был бы старейшиной, если бы не умел справляться со своим раздражением, и он рассудительно продолжил: — Но сначала надо посмотреть, как часто ездить придётся. Если часто, то купим, а так лучше будет потерпеть. Машина — вещь недешёвая.

Ворон вполне уловил намёк на свою несдержанность и помрачнел — тем более, намёк был совершенно справедливым, и возразить было нечего. Если уж старый и больной Росомаха готов терпеть ради блага племени, то молодому Ворону жаловаться вообще не пристало. Мелочь, конечно, но с некоторых пор в его отношениях со старейшинами появилась определённая напряжённость, и каждое лыко ложилось в строку. Ворон при этом понимал, что в этом есть прежде всего его вина, но думать об этом было неприятно, и он не думал.

Разговор затих не начавшись. Водитель тоже чувствовал дурное настроение старших и старался держаться как можно незаметнее — ну, насколько это возможно для водителя. Во всяком случае, руль он старался резко не крутить, и ямы объезжал аккуратно. Тягостное молчание тянулось до тех пор, пока пикап не выехал на отсыпанную щебёнкой дорогу, и прямо перед ним не вырулил большой грузовик с окрашенной в белый цвет цистерной.

— А это что ещё за машина, росток? — с недоумением спросил Росомаха нахмурившись.

— Баронский молоковоз, — пояснил водитель, бросив на него опасливый взгляд. — Молоко с ферм повёз на баронский молокозавод.

— Его уже построили, что ли? — с удивлением переспросил Росомаха. — А почему я не знаю?

— Так ведь только позавчера открыли, — пояснил росток. — Торжественное открытие было, всех старост собирали. Народ

разной сгущённой угощали. До чего вкусная, особенно которая с какао. — Он мечтательно закатил глаза.

— Вот так за сгущёнку барону и продаётся, — брюзгливо заметил Ворон, а водитель захлопнул рот и с преувеличенным вниманием уставился на дорогу.

— Так он нас вроде не покупает, — отозвался Росомаха. — Что мы от него ни получали, обо всём сами просили. Да и сейчас просить едем — скажешь нет, Ворон?

— Я это не так вижу, — неохотно ответил тот.

— А я вижу так, — неожиданно резко заявил Росомаха. — Это нам от барона то одно нужно, то другое, а вот он без нас прекрасно обойдётся. И всякий раз, когда ты злишь барона, Ворон, за это расплачивается всё племя. Лучше бы тебе об этом не забывать.

Разговор опять заглох. Лишь когда машина въехала в Раппин, Росомаха распорядился:

— Отвези нас к замку, росток, и жди. Потом, может быть, грузиться придётся — там посмотрим.

Управляющего искать не пришлось — он стоял во дворе замка и, заложив руки за спину, с недовольным выражением лица сурово выговаривал богато одетому крестьянину, явно какому-то деревенскому старосте. К нему Росомаха с Вороном и направились.

— Привет, Леннарт, — поздоровался Росомаха. — Занят?

— Здоров будь, Росомаха, — кивнул в ответ Фальк. — Занят, но для тебя немного времени найдётся. Подожди минутку. — Ворона он предпочёл вообще не заметить, отчего того слегка перекосило.

— В общем, так, Кайро, — строго сказал он старосте. — Либо ты сам у себя наводишь порядок, либо с тобой будет разбираться его милость. Ты же знаешь, чем разбирательства с бароном кончаются? — Глаза у того невольно дёрнулись в сторону виселицы — впрочем, в настоящее время пустой. — Вот его милости свои истории и будешь рассказывать, Кайро, а мне ты надоел. Это тебе последнее предупреждение, больше говорить с тобой не буду. Всё, пошёл вон.

— За что ты его так сурово? — любопытствовал Росомаха, провожая глазами незадачливого старосту.

— Да мутить всё пытается с баронской податью, — с досадой ответил Фальк. — Барон ему и рассрочку согласился

дать, а он всё равно норовит что-то зажать. Вот же люди — чем больше им навстречу идёшь, тем больше они наглеют. Вечно пытаются какие-то левые схемы крутить.

— Да внешники все такие, — подал голос Ворон.

Управляющий с изумлением посмотрел на него, как будто первый раз увидел, а потом искренне захохотал. Росомаха тоже усмехнулся, а Ворон надулся и покраснел.

— Ну ладно, весело с вами, но мне правда некогда, — снова стал серьёзным Фальк. — Послезавтра большая отправка, вагоны уже заказаны. Что ты хотел-то, Росомаха? Если сгущёнку с завода хотите купить, то только после отправки, а сейчас вся продукция в вагоны пойдёт. Да и потом много не сможем дать, рифы практически всё забирают. Молоко приходится у соседей докупать, наши дурни только зубами скрипят, глядя, как деньги другим уходят. А ведь говорили им не раз, дуракам, чтобы поголовье увеличивали.

— Сгущёнки немного купим, конечно, детей побаловать, — кивнул Росомаха. — Но мы на самом деле не за этим. Ты, может, помнишь, что мы кое-какие станки заказывали...

— Прядильные и ткацкие, — кивнул управляющий. — Помню.

— Ну вот, начинаем мы делать ткань, стало быть.

— Паутинный шёлк? — уточнил Фальк, и Росомаха кивнул. — Очень дорогой материал, его у нас в баронстве не продать. Да и в Дерпте его вряд ли купят. Если только в Ригу везти, но я бы не советовал — вас там не любят и особенно торговать не дадут. Ещё и ограбить могут. Вам бы лучше с кем-нибудь в Новгороде договориться. Обратитесь к барону — он может подсказать, кто станет покупать, да и вообще, его рекомендация вам бы многие двери открыла. А если уговорите его защиту дать, то у вас вообще проблем не будет. А вы, кстати, понимаете, что вам придётся с ваших продаж налог платить?

— Почему это мы должны что-то платить? — немедленно вскинулся Ворон.

— Потому что должны, — ласково объяснил ему Фальк. — Налоги все платят. И даже если барон вдруг с чего-то ради простит вам баронский налог, он не сможет простить церковную десятину и ту часть, которую пойдёт епископу. Если вы не будете платить, значит, барону придётся платить за вас

церковную и епископскую долю.

— Вот пусть и платит, — упрямо заявил Ворон.

— Знаешь, Ворон, — устало сказал управляющий, — я вот даже не понимаю, как у тебя это получается. Ты как ни раскроешь рот, так такую глупость сморозишь, что уже и не знаешь, что на это ответить. Барон не станет платить за вас налоги — он просто объявит вас преступниками, а ваших людей, которые будут пытаться что-то продать, будет вешать, как контрабандистов. Ты, кажется, такое своими глазами наблюдал — что, уже выветрилось из памяти? Да скорее всего, он просто вышвырнет вас из баронства — он давно уже говорил, что ему ваши выходки надоели.

— Не обращай внимания, Леннарт, — торопливо вмешался Росомаха, — мы будем платить налоги, конечно.

— Я тебе давно советовал, Росомаха — спрячьте своего Ворона подальше, и ни за что не подпускайте его к барону. У его милости терпение не беспредельное, и вы уже вплотную подошли к границе. Я тебе это в последний раз говорю — если не хочешь внять доброму совету, то нет смысла тебе это раз за разом повторять.

Ворон побагровел и уже открыл было рот, чтобы что-то сказать, но Росомаха остановил его резким жестом.

— Тут вот какое дело, Леннарт, — извиняющимся тоном сказал он, — мы на самом деле не хотим ткань продавать. Мы хотим заказать швейные машинки, чтобы наши женщины из этой ткани шили вещи на продажу.

— Зачем вам такая морока? — поразился Фальк. — Думаете, вы так больше заработаете?

— Да здесь даже не в заработке дело, — с досадой ответил Росомаха. — Понимаешь, у нас всегда было очень мало женщин, а сейчас так получилось, что у нас, считай, одни женщины и остались. У нас для них просто подходящей работы не хватает. А когда женщине становится скучно, окружающим становится совсем не скучно, но при этом вовсе не весело, если ты понимаешь, о чём я.

— Очень даже понимаю, — со вздохом ответил Леннарт, украдкой бросив осторожный взгляд на дочь, которая что-то обсуждала со служанкой в другом углу двора. — Но здесь всё не так просто. Что вы шить-то собираетесь? Ваши женщины в модных тенденциях вообще разбираются?

— Не понимаю, про какие такие тенденции ты говоришь, — озадаченно ответил тот. — Обычные вещи будем шить. Юбки, платья — ну что там женщины носят.

— Я так и подумал, — усмехнулся Фальк. — Про моду вы в своих лесах и не слышали. Ну как бы тебе это объяснить попроще... вот возьмём для примера воротнички — допустим, в этом году все женщины носят воротнички только с закруглёнными краями, и ни за что не наденут платье, у которого края воротничка острые.

— То есть закруглённые края нужно? — непонимающе переспросил Росомаха.

— Это для примера, — пояснил тот. — Сейчас вот только закруглённые, а в следующем году все вдруг начинают носить только с острыми краями, и если кто-то вдруг наденет платье с закруглённым воротником, то на неё смотрят, как на дуру полную, из деревни приехавшую.

— Не понимаю, — беспомощно сказал Росомаха. — Ваши женщины все поголовно сумасшедшие, что ли?

— Иногда я и сам так думаю, — согласился Фальк, с опаской бросив ещё один взгляд в сторону дочери. — Но других женщин у нас нет, к сожалению, так что приходится как-то приспосабливаться к этим. С крестьянками, конечно, попроще, но ваши платья ведь не для крестьянок. Если вы хотите продавать дорогие вещи, то нужно очень ясно понимать, какие сейчас будут носить, а какие ни за что не наденут.

— Ты, случаем, надо мной не подшучиваешь, Леннарт? — подозрительно осведомился Росомаха.

— Вон стоит моя дочь, могу попросить её рассказать тебе про моду, — усмехнулся тот. — Но предупреждаю: мозг она тебе при этом вынесет полностью. Мне регулярно выносит.

— Хорошо, я тебе верю, — вздохнул Росомаха. — И как узнать, что сейчас надо шить?

— Это надо, чтобы женщины сами разбирались, нам такого не понять. Тебе надо будет выписывать им модные журналы, а кого-то придётся отправить учиться. Это у вас несколько лет займёт — вам же, по сути, нужно будет с нуля во всё это вникать. Не надейся, что это просто будет, да и денег тоже понадобится изрядно. Мне так кажется, что ты в конце концов решишь, что лучше бы они скучали, только уже поздно будет. Но это на самом деле ещё и не самое сложное. Главный вопрос

будет такой: вот, допустим, пошил ты платье. Пусть это будет замечательное платье — модное, красивое, в общем, то, что надо. Как ты его продавать будешь, Росомаха?

— На рынке? — предположил тот.

— Я так и думал, что ты это скажешь, — захохотал Фальк. — Нет, друг — те, кто может купить платье из паутинного шёлка, на рынок не пойдут. А те, кто ходит на рынок, покупают совсем другие платья. Такие вещи продаются в модных салонах, но модные дома вряд ли захотят продавать ваши вещи. Они захотят брать у вас ткань и шить сами — с вами-то им зачем связываться?

— И что ты посоветуешь? — помрачнел Росомаха.

— Попробуйте заинтересовать госпожу баронессу, — серьёзно посмотрел на него Леннарт. — Если сумеете, то все проблемы разом решатся. Семье Арди вполне по силам создать свой модный дом, и в клиентах у них недостатка не будет. Они будут разрабатывать модели и продавать, а ваши женщины будут шить. В таком варианте будете столько зарабатывать, сколько сами в жизни не заработаете. Но только если тебе удастся уговорить баронессу. Главное, Ворона от неё подальше держи, и тогда у тебя будет шанс. С тобой её милость, может, и согласится дело иметь, а вот Ворона она не любит.

* * *

Начищенная до блеска бронзовая табличка гордо гласила: «Унитарное некоммерческое предприятие „Сундук изобилия“», а большую часть таблички занимал наш герб. Я окинул ещё раз взглядом довольно миленький особнячок — неплохо, совсем неплохо. В таких особнячках как раз и любили селиться разные мутные компании — у нас в Масляном их раньше много сидело.

— А почему в Масляном не сидите? — полюбопытствовал я у встречающего меня Степана Жовкина, управляющего компанией.

— Госпожа Кира приказала, чтобы все службы, связанные с рифами, сидели отдельно, и как можно дальше. Чтобы этих козлов ноги в Масляном не было — это она про рифов так изволила выразиться после того, как с их представителями повстречалась.

Вообще-то, у Зайки с нервами всё в порядке, и вывести её из себя не так уж просто. У рифов, очевидно, получилось.

— Определённые резоны в таком решении имеются, — признал я. — Рифы при первом знакомстве производят довольно сильное впечатление.

— Ещё какое сильное, — вздохнул Жовкин.

Я сочувственно покивал. И в самом деле — чтобы иметь дело с рифами, нужен характер поистине железный. Слабонервный вряд ли сумеет их долго выдержать. Кальцит всё-таки довольно нетипичен — видимо, сказывается долгая жизнь в Рязани, да он наверняка ещё и сдерживается при общении с важным партнёром, от которого многое зависит.

— Пойдёмте же внутрь, почтенный, — предложил я. — Показывайте своё хозяйство.

В общем-то, большой необходимости в инспекции не было, но я всегда предпочитаю увидеть всё своими глазами. Тем более, сейчас предстояла первая серьёзная отправка товаров, и мне хотелось убедиться, что никаких накладок не будет.

Внутри особняка работа кипела — сотрудники бегали взад-вперёд с бумагами, стучали пишущие машинки, — словом, все трудились, как пчёлки.

— У нас сейчас горячее время, — пояснил управляющий. — Послезавтра приходят вагоны из Раппина. Нам надо будет присоединить к ним вагоны с товарами, которые покупались здесь, ну и отправить всё в Рифейск.

— А как оттуда в Доломитный повезёте?

— Придётся постепенно перебрасывать дирижаблем, — развёл руками Жовкин. — Очень дорого, конечно, но другого варианта нет. Дорога ещё не готова — просеку будут рубить и зимой, но отсыпку получится сделать только летом. Если просеку за зиму сделают, то к весне можно было бы пустить вездеходы, но ими ещё дороже выйдет, чем дирижаблем.

— Это понятно, — согласился я. — Пока дорога полностью не готова, других вариантов, кроме дирижабля, нет. Но нас это не должно особенно беспокоить, почтенный — это не наша забота. Дорогу пробивают инженерные части князя, и дирижабль, кстати, тоже княжеский.

Мы неторопливо шли по коридору, и я с любопытством заглядывал во все двери. Никто без дела не сидел, и в целом всё смотрелось вполне на уровне.

— А что вы берёте в Раппине, почтенный? — спросил я.

— Да всё, что только можно, — ответил управляющий. — Берём всё, что готов нам дать почтенный Леннарт. В основном, конечно, продукты длительного хранения — овощи, консервы, копчёную рыбу, а также сухое и сгущённое молоко. Подумываем о доставке свежих продуктов рефрижераторными секциями, но это пока только в планах. Вот, господин, извольте взглянуть — в этой комнате у нас выставка образцов.

Я рассеянно кивал, с изумлением разглядывая консервную банку. На этикетке красовался скалящийся карла в шахтёрской каске, его кирка была прислонена к стене забоя. Ногой он наступал на кучу самоцветов, а в руке держал грубо вскрытую консервную банку. Надпись по кругу гласила: «Шахтёрская доля».

— Какао со сгущённым молоком и сахаром, — пояснил Жовкин.

— Оригинально, — озадаченно прокомментировал я, а затем перевёл взгляд на следующую банку и онемел.

На этикетке была изображена дама впечатляющих габаритов, по-доброму улыбающаяся зрителю. Улыбка пугала. Могучие руки бугрились мускулами, арбузного размера груди рвались из платья, а вся фигура в целом дышала первобытной мощью. Продукт назывался «Мамина титька».

— Сливки сгущённые с сахаром, — доложил управляющий, проследив направление моего взгляда. — Высший сорт.

— Гм, — сказал я в полном ошеломлении. Никаких слов в голову не приходило.

— Требование заказчика, — виновато пояснил Жовкин, правильно поняв мои эмоции.

— Требование? — в замешательстве переспросил я.

— Мы им нарисовали сначала стандартные этикетки — весёлые коровки на цветущем лугу, всё такое. Рифы заявили, что с таких страхуидлов у них детишки пугаться будут — это они наших коровок так обозвали. В конце концов, наш художник прямо вместе с ними по их запросам вот эти этикетки и нарисовал. Они очень довольны остались. Сильно хвалили — сказали, душевно получилось.

— Однако немного пошловоато вышло, как мне кажется, — деликатно выразился я, разглядывая богатырский образ.

— Это вы ещё мягко сказали, господин, — полностью

согласился Жовкин.

— Наверное, культурная парадигма[2] у них такая, — с сомнением предположил я.

[1 — *Культурная парадигма в данном случае — общая модель культуры и обычаев общества.*]

— Осмелюсь возразить, господин, — вежливо, но твёрдо заявил управляющий, — некультурная у них парадигма. Художника избили непонятно за что. Хорошо хоть, уже после того, как он всё нарисовал. Еле-еле уговорил его не увольняться.

— Ах вот как! — В этот момент на меня снизошло озарение. Все мои наблюдения за рифами как-то сразу состыковались вместе и образовали стройную картину. — В общем, будущее общение с рифами ведите следующим образом: пусть их везде сопровождают крепкие ребята, которые не прочь подраться. У Кельмина такие есть, я прикажу, чтобы он их вам выделял. Как только кто-то из рифов начинает буянить, пусть сразу суют ему в морду без разговоров.

— А это не повредит отношениям? — неуверенно спросил Жовкин.

— Наоборот, только улучшит, — усмехнулся я.

* * *

В Ярославовы Палаты на этот раз меня не пригласили, а вызвали, причём срочно. Вызов к князю меня порядком удивил — ни малейшей причины для срочного вызова я не видел. На политических фронтах наблюдалось полное затишье — если, конечно, не считать империи, где постепенно заваривалась крутая каша. Новый император взялся за дело весьма решительно.

Я раздумывал над этим всю дорогу до Княжьего Двора, но кроме имперских дел, никакого повода для вызова так и не придумал, так что в конце концов с отвращением пришёл к выводу, что князь опять пошлёт меня в империю. Я ошибся.

В кабинет князя меня запустили сразу, отодвинув в сторону других посетителей, которые проводили меня неприязненными взглядами. Я к таким взглядам давно привык. Вообще-то я предпочёл бы подождать — просто ради того, чтобы не возбуждать излишнюю неприязнь, но решал это, к сожалению,

не я. Допускаю даже, что князь это проделывает специально.

— Как дела, Кеннер? — поднял на меня глаза князь. — Садись, рассказывай.

— Что рассказывать, княже? — спросил я усаживаясь. — Дела обычным порядком идут, ничего стоящего твоего внимания.

— Что с твоей дружиной?

— Контракт завершён, собираются домой. Пакуют имущество, составы уже заказаны.

— Заработал-то хорошо? — полюбопытствовал он.

— Видал бы я такие заработки, княже, — в сердцах сказал я.

— А я ведь тебя всегда предупреждал, что с попами связываться не стоит, — напомнил он с усмешкой. — Впрочем, ты, как обычно, вышел с прибылью. Что там с паладином?

— Отправил за ним дирижабль. Мы решили, что лучше ему выехать из империи без лишней огласки. Кто его знает, как отреагируют попы, если узнают, что он к нам собирается. Он, конечно, имеет право поехать куда хочет...

— Но к праву надо ещё иметь возможность на своём праве настоять, — понимающе кивнул князь. — Ладно, я тебя вот по какому делу позвал: что там со сплавами рифов?

— Не знаю, княже, — с удивлением ответил я. — Этим Ренские занимаются. Конкретно Эльма Ренская в Рифейске сидит.

— Ренским ты зачем это отдал?

— Там старейшины рифов начали что-то крутить, а мне некогда было ждать, пока они что-то надумают, — объяснил я. — Мне же надо было товарищество регистрировать и деятельность начинать. Да они на самом деле шевелиться начали только после того, как мы с Кальцитом начали работать, и к Кальциту первые товары пошли. Если бы я их решения ждал, то они бы и до сих пор раздумывали.

— А если сейчас это от Ренских забрать? — князь остро взглянул на меня. — Я поддерживаю.

— Даже не принимая во внимание вероятную ссору с родственниками, я просто не смогу этим заниматься. Если раньше эту торговлю можно было прицепом в моё с Кальцитом товарищество взять, то сейчас такой возможности нет. А просто торговлей заниматься у меня нет права.

— Это можно решить.

— А главное, княже, если мы начнём вокруг рифов разводить лишнюю суету, это плохо кончится. Сейчас они сами к Ренским пришли и поэтому ведут себя более-менее прилично. Если они вдруг почувствуют себя звёздами, будут серьёзные проблемы. С ними и так-то иметь дело очень непросто. Нет, княже, этот вариант не подходит.

Князь вышел из-за стола и в задумчивости заходил по кабинету.

— Здесь вот в чём дело, Кеннер, — он, наконец, остановился, — рифы твои показали нам интересный сплав. С виду металл, да и по всем характеристикам металл, но упругий, как резина...

— Они такое умеют, — кивнул я. — У них вся мебель из мягкого камня.

— Мы поначалу особо не заинтересовались, но на всякий случай отдали образцы на исследование. И знаешь, что оказалось? Этот сплав может работать в качестве псевдомускулов бронеходов, но при этом усилие при тех же затратах энергии на двадцать процентов выше, а главное — из-за того, что это металл, от него нет проблемы отвести тепло. Понимаешь, что это значит?

— Такие псевдомускулы можно эксплуатировать дольше, и в более тяжёлых режимах, не опасаясь перегрева, — оценить все последствия для меня не составило ни малейшего труда. — Это стратегический ресурс — всё, с ним связанное, надо засекречивать.

— Совершенно верно, — вздохнул князь, усаживаясь обратно. — Поэтому твой Доломитный так и не станет полноценным посёлком. Это будет военный форпост со строго ограниченным доступом. Дороги туда тоже не будет, связь только по воздуху. Посёлок придётся делать в другом месте, и подальше от Доломитного. Теперь ты понимаешь, почему мне не нравится, что это дело ушло к Ренским? Они ведь даже не подданные.

— Прости, княже, за откровенность, но ты зря не доверяешь Ренским. Может, они формально и не подданные, но они полностью лояльны княжеству. Они себя не считают чужими. Княже, я понимаю, что в прошлом у вас был какой-то конфликт, но не пора ли его закончить? Даже мы с Ольгой примирились.

— Ты сейчас лезешь, куда лезть не стоит, Кеннер, — поморщился князь.

— Прости, княже, — без тени раскаяния сказал я.

Князь отмахнулся от меня и опять глубоко задумался. Я терпеливо ждал.

— Значит так, Кеннер, слушай моё решение, — наконец пробудился он. — Отбирать это дело у Ренских я не стану, раз уж ты за них просишь. Пусть они и дальше ведут дела с карлами. Но ты в этом деле будешь за Ренских полностью отвечать, и продавать все сплавы они будут только тебе. От кого эти сплавы к тебе приходят, говорить запрещаю. Ни Ренские, ни тем более карлы нигде фигурировать не должны. С Ренскими я сам всё улажу, об этом не беспокойся. Далее: у тебя на четвёртом механическом до сих пор какие-то арендаторы сидят?

— Сидят, — подтвердил я. — С десяток компаний по наследству от Лахти остались.

— Договоры аренды расторгай, — жёстко приказал он. — Если надо будет, неустойку заплатишь. На заводе сделаешь отдельную зону с особой охраной, где будут производиться псевдомускулы. Если справишься, останешься монопольным поставщиком, по крайней мере, лет на двадцать точно. Но с ценами нагнать не советую.

— Всё сделаю, княже, — я полностью проникся серьёзностью вопроса.

— За карл отвечаешь ты. Делай что хочешь, но никаких проблем с поставками я не потерплю.

— Я не подведу, княже, — не то чтобы я чувствовал такую уверенность, но другого ответа он бы не принял.

— Я тебя услышал, Кеннер, — кивнул князь. — Иди работай.

Глава 3

Парни на проходной опять оказались знакомыми. То ли Ренские предпочитают менять охрану пореже, то ли это постоянные залётчики. Наш Кельмин исповедует принцип глубокой ротации — он считает, что если охранник слишком долго сидит на одном посту, то он привыкает к однообразию и в конце концов начинает относиться к службе спустя рукава. Вроде как у него укореняется мысль, что здесь никогда ничего не происходит, а раз так, то какой смысл проявлять бдительность? Я в этом с Кельминым полностью согласен, а вот Ренские, похоже, считают иначе. Ну, не мне им указывать.

— Выясните, могу ли я встретиться с госпожой Ханной, — распорядился я.

— Простите, господин Кеннер, — отозвался охранник, — с какой именно Ханной? Ханной-старшей, Ханной-младшей, Ханной-Марией?

До чего же неудобно, когда у кучи народа одна и та же фамилия. То ли дело у нас — у всех разные фамилии, только мы с мамой просто Арди. И при этом нас всего пять человек, даже если считать Зайку.

— С госпожой я встречался в прошлый раз, и мне её представили, как просто Ханну. Учитывая её положение в роде, предположу, что это Ханна-старшая.

— Сейчас выясним, — охранник взялся за телефон.

— Я буду на улице, — кивнул ему я. — Если госпожа Ханна сможет со мной встретиться, то я буду ждать её там. Либо, если ей будет сложно подойти самой, пусть кто-нибудь меня к ней проводит.

Ханна всё-таки смогла встретиться — буквально через десять минут я увидел её, идущую ко мне быстрым шагом, и двинулся навстречу.

— Госпожа Ханна, — я вежливо поклонился. — Извините, что побеспокоил вас, тем более так неожиданно. Дело в том, что я приехал к Ольге, но только войдя в проходную, вдруг осознал, что дружина возвращается лишь через несколько дней, и до тех пор не стоит во всеуслышание сообщать, что я приехал к ней. Так что пришлось спрашивать вас — прошу прощения, если доставил вам какое-то неудобство.

— Никакого неудобства, господин Кеннер, — отозвалась

она. — Я как раз собиралась договариваться с вами о встрече, так что очень хорошо, что вы приехали сами. Пойдёмте, Мать вас ждёт.

— А с какой целью вы хотели со мной встретиться? — любопытствовал я.

— Меня вызывал князь... но давайте обсудим это вместе с Матерью.

Ну да, князь же сказал, что сам поговорит с Ренскими. А Ханна-то, оказывается, совсем не последний человек у Ренских, раз официально заменяет Мать рода на время её отсутствия. Вообще-то, и так было ясно, что не последний — вряд ли многие даже из Ренских знали, куда подевались сёстры, — но сейчас уже точно выяснилось, что она третий человек в иерархии рода. И наверняка она тоже Высшая — в отличие от Круга Силы, который публиковал Вести Возвышения, роды своих Высших объявляли очень неохотно. Собственно, их Владеющие и аттестацию-то проходили нечасто — свои и так всё знают, а чужим незачем.

— Должна извиниться перед вами, господин Кеннер, — вдруг сказала она со вздохом, и я почувствовал, что тема ей неприятна.

Я посмотрел на неё с интересом — когда это она успела передо мной провиниться? Спрашивать не стал — захочет, расскажет сама.

— Я обещала разобраться с вашим недопуском к архивам, но, как оказалось, могу не так уж много...

Ну, я так и думал, что не всё просто с этими архивами, и не пускают меня туда тоже не просто так.

— ... дело в том, что наши архивы слишком полные. Мы никогда ничего не приукрашиваем и не умалчиваем.

— Так это вроде бы хорошо, — непонимающе заметил я.

— В чём-то хорошо, а в чём-то и не очень. Например, тот же Кеннер Ренский был не совсем положительным персонажем. Настоящий Кеннер был совсем не таким, как мы рассказываем о нём нашим детям. Даже мои внуки, которые, как и вы, его потомки, не имеют доступа к его папке, понимаете?

— Кажется, понимаю, — кивнул я.

Да и что здесь можно не понять? Там, видимо, слишком много грязи, которую не хочется вытаскивать даже перед своими, а я-то ведь на самом деле даже и не свой.

— С другими вашими предками ситуация тоже немногим лучше. Все они были, как бы это сказать... — она замялась, подбирая слова, — ... очень деятельными людьми. Я, в общем-то, не имею права даже это вам говорить...

— Ну, насчёт меня вы можете не волноваться, — хмыкнул я. — Наш разговор останется исключительно между нами.

— Благодарю вас, — сказала она с явным облегчением в голосе. — Я распорядилась сделать для вас копии портретов ваших предков и подготовить их краткие биографии. Основные вехи жизни — родился, женился, умер. И, конечно, общее генеалогическое древо, чтобы вы хотя бы знали, кто вам кем приходится. Боюсь, это всё, что в моих силах.

— Это уже очень много, — с признательностью сказал я. — Спасибо за вашу помощь, госпожа Ханна, вы сделали даже больше, чем я ожидал.

Мы шли знакомым путём — какие-то неприметные коридоры, внимательные охранники и, наконец, тот же долгий спуск на лифте. Я опять, уже привычно, восхитился убежищем Ренских — в сравнении с ним какой-нибудь бункер Гитлера выглядел бы заурядным бабкиным погребом.

На этот раз Ханна зашла в кабинет Ольги вместе со мной и незаметно пристроилась в уголке. Стефа привычно обнаружилась рядом с Ольгой.

— Здравствуйте, дамы, рад вас видеть, — поздоровался я, непринуждённо занимая удобное кресло. — Сразу могу вас обрадовать: архиепископ Трира закрыл контракт, так что уже буквально через пару-тройку дней ваши девочки приедут домой. Все целы и невредимы, просто съездили в турпоездку за счёт его высокопреосвященства. Им там, правда, пришлось помочь нашим инженерным подразделениям с земляными работами — мы там все крестьянские поля перекопали. Вот кому, кстати, не позавидуешь, так это местным крестьянам — наши парни бетона не пожалели.

— Ну наконец-то, — отозвалась Ольга. — Нам уже надоело здесь сидеть.

— Не от меня зависело, — немного виновато сказал я.

— Да ясно, что не от тебя, — отмахнулась она. — Давай о деле: ты уже знаешь, что князь вызывал Ханну?

— Знаю, что он собирался поговорить с вами, — кивнул я. — Что именно он говорил — не знаю, но тема разговора мне

известна. Собственно, я и приехал, чтобы обсудить ситуацию с этим сплавом.

— Это не сплав на самом деле, — поправила меня Ольга.

— Да мне без разницы, что это такое, — небрежно сказал я. — Мне в этом разбираться ни к чему — я, в конце концов, гуманитарий.

— С каких это пор боевики стали гуманитариями? — поразила Стефа. — Вы же больше по избиениям и убийствам?

— Но это всё-таки работа с людьми, — легко парировал я, — а не с бездушными железками.

— Смешно, — хмыкнула Стефа. — И всё же шутка довольно сомнительная. Боевик есть боевик.

Что ни говори, а всё-таки этот мир намного честнее моего старого — здесь предпочитают называть вещи своими именами, даже если имена выходят не очень приглядными. Это в том мире уже никто не удивляется, когда бомбардировку города называют гуманитарной акцией, а фонд мира финансирует закупку оружия. В этом мире оруэлловский новояз[3] пока не избрели.

[3 — Новояз — искусственный язык из романа Дж. Оруэлла «1984», в котором в угоду идеологии многим словам придаётся противоположное значение.]

— Давай всё же не будем отвлекаться, Стефа, — поморщилась Ольга. — На самом деле, Кеннер, мы и сами не знаем, куда это вещество отнести, оно в стандартную классификацию плохо помещается.

— Насколько я помню, сами карлы свою продукцию называют сплавами и голову над этим не ломают, — заметил я.

— Мы предпочитаем использовать название.

— У него и название есть? — удивился я.

— Есть, — подтвердила Ольга. — Ренит.

Я не сдержался и захохотал.

— А скромно-то до чего, — сказал я сквозь смех.

— Ну, был ещё вариант «кеннерит», — смутилась Ольга. — А вообще, что тебе не нравится? — она почти сразу оправилась от смущения и посмотрела на меня с вызовом.

— Не то чтобы не нравится, — объяснил я, — просто такое название не годится. Я понимаю, что вы его придумали ещё до разговора с князем, но сейчас ситуация изменилась, и это название тоже надо менять. Это секретный сплав, помните?

Никто не должен знать, откуда он появляется. А «ренит» — это прямое указание на источник. «Кеннерит» чуть получше, потому что переводит внимание на меня, но тоже не годится.

— Мы, вообще-то, кеннеритом его не в твою честь хотели назвать, — с оттенком раздражения заметила Ольга.

— Да у меня и мысли не было, что вы решили меня прославить, — усмехнулся я. — Но подумают-то в первую очередь, что это я его в свою честь назвал.

— Ну и чем тебе не нравится? Подумают же на тебя, а не на нас.

— Кто поглупее, подумает на меня, — согласился я. — А кто поумнее, тот сообразит, что мне такое самолюбование не свойственно, и задумается. А потом вспомнит, что был ещё такой Кеннер Ренский, а потом ему в голову придёт мысль: а не замешаны ли здесь Ренские? Нет, это название всё-таки не годится.

— Тогда какое имя ты предлагаешь?

— Не знаю, не думал на эту тему. Какое-нибудь совершенно нейтральное. Хотя я бы назвал его «ивритом».

— В честь евреев, что ли? — все посмотрели на меня в изумлении. — При чём здесь евреи?

— Евреи ни при чём, просто это название сильно уводит в сторону. Любому интересующемуся будет очевидно, что в этом деле замешаны евреи, и нужно искать концы среди них. Но евреев много, и они рассеяны по всему миру — попробуй среди них найти причастных, особенно когда таких нет.

— Нет, в честь евреев мы не хотим, — сказала Ольга, переглянувшись со Стефой.

— Ну тогда назовите как-нибудь нейтрально, — пожал плечами я. — Мне всё равно как. Можете назвать «алинитом», например, или «тиринитом» — Алина всё-таки вас спасла в своё время.

— Мы подумаем над этим, — поставила точку Ольга. — Пусть пока будет просто «сплав». И мы опять куда-то не туда заехали. Так вот, князь сказал, что этим будешь заниматься ты, и мы обязаны продавать его только тебе.

— Да, я и буду этим заниматься, но не сказал бы, что так уж этому рад, — вздохнул я. — Слишком серьёзная ответственность — прибыль не окупает риска. Но я действительно самый подходящий вариант. Вы, к примеру, не

подходите, вы ведь не машиностроители. А я и сейчас произвожу псевдомускулы на четвёртом механическом, так что логично начинать новое производство на базе старого.

— Псевдомускулы? — непонимающе переспросила Ольга.

— Князь вам не сказал, для чего этот сплав?

— Нет, он сказал, что ты нам всё сам объяснишь. Кстати, он ещё сказал, что не стал отбирать у нас работу с карлами по твоей просьбе.

— На базе этого сплава можно делать новый тип псевдомускулов для шагающей техники, — объяснил я. — Представьте себе тяжёлый бронеход, который может бегать, как лёгкий, причём долгое время. Так что сами понимаете, как князь на такую новость отреагировал. И у него действительно сначала была мысль отобрать у вас поставки сплавов.

— Ну, мы тебе благодарны, что ты его отговорил, — испытующе посмотрела на меня Ольга.

Понятно — ей интересно, буду ли я претендовать на какой-то долг. Я не стал.

— Есть вполне веские причины, чтобы оставить это дело за вами, — объяснил я. — Да уговоры на князя и не подействовали бы, так что не надо приписывать мне какую-то особую роль. Главная причина состоит в том, что рифы к вам пришли как просители, и очень важно, чтобы они и дальше оставались просителями. А если мы начнём создавать вокруг них излишнюю суету, мы таким образом заявим о нашей в них заинтересованности, и они могут возгордиться.

Ольга хмыкнула, никак не комментируя мои слова.

— Вот, собственно, так дело и обстоит. У нас наметился огромный скачок в развитии боевой техники, причём с большой вероятностью соседи повторить его не смогут — если, конечно, не узнают происхождение сплава и не наладят свои отношения с карлами. Так что отсюда совершенно очевидна причина секретности. Я буду производить псевдомускулы для шагающей техники княжества, и на мне все ниточки должны обрываться. Карлам тоже лучше не знать, что от них зависит ключевая для княжества технология. В общем, всем нам не повезло — мне, вам, карлам.

— Почему же не повезло? — удивилась Ольга.

— Потому что не все деньги стоит зарабатывать, Ольга, — вздохнул я. — Неужели тебе это самой непонятно? Нам с вами

не повезло, потому что карлы ненадёжны, а за любые проблемы князь спросит безо всякой жалости, это же вопрос обороноспособности княжества. Спросит он в основном с меня, конечно, но вам тоже достанется столько, что не унесёте. Даже не надейся, что у тебя получится просто развести руками и сказать, что не смогла. Так что вряд ли вам стоит благодарить меня за то, что я уговорил князя не забирать это дело у вас.

Ольга помрачнела, и у Стефы тоже сделалось кислое лицо. Князь предпочёл свалить уточнение деталей на меня, и они только сейчас осознали, какой глубины яму нам выкопали карлы со своим чудесным сплавом, или как он там правильно называется.

— Ну а карлам не повезло, потому что они, сами того не подозревая, поставили княжество в критическую зависимость от себя. А ведь я их предупреждал: хотите сохранить независимость — держитесь подальше от стратегических ресурсов. Но они пожадничали и, не особо задумываясь, выдали вам все образцы, что могут производить. И сейчас нам ничего не остаётся, кроме как плотно насаживать их на крючок, чтобы они зависели от нас не меньше, чем мы от них.

— Ты прав, Кеннер, — неохотно согласилась Ольга. — Наверное, не стоит здесь особо радоваться. Скажи, а почему ты сам согласился за это взяться?

— А как бы я мог отказаться? — я удивлённо посмотрел на неё. — Я дворянин, служить княжеству — мой долг. Нет, понятно, что дворянин не обязан каждый раз подпрыгивать по команде князя, но в таком важнейшем для княжества деле никто бы не понял моего отказа. А вот вы, кстати, можете и отказаться. Работу с карлами, в принципе, возможно перевести на меня — там будут некоторые сложности, но это вполне реально.

— И ты считаешь, что никаких последствий у нашего отказа не будет? — скептически спросила Ольга.

— Какие-то последствия будут, конечно, — признал я.

— Вот именно, — кивнула она. — Отказаться-то мы можем, но князь нам этого не простит.

Может, мне и не стоило уговаривать князя, но с другой стороны, убирать Ренских было действительно опасно. Я работу с карлами вообще воспринимаю как ходьбу по минному полю — кто знает, что им в следующий момент придёт в голову? Мои

лесные мне тоже немало нервов сожгли, но для лесных у меня на крайний случай есть и палка, а вот для рифов никаких рычагов воздействия нет, только уговоры.

— Вот я и говорю, что всем нам не повезло, — подтвердил я. — Ну, мы, наконец, выяснили, что всех нас стоит пожалеть, давайте теперь поговорим о более конкретных вещах. Прежде всего, в ближайшие пару лет другие сплавы рифов на рынок попадать не должны. Если одновременно с вашим ренитом на рынке появятся прочие сплавы, все сразу сделают вывод, что это не наше изобретение, а поставки из нового источника. С другой стороны, прочие сплавы у рифов надо всё равно покупать, чтобы они не поняли, что для нас критически важен именно ренит. Если у вас нет подходящего склада для остальных сплавов, их можно будет временно складывать к нам, на третий уровень подземелья. Мы вам дадим хорошую скидку на аренду.

— Мы подумаем, — Ольга переглянулась со Стефой. — А почему ты, кстати, не хочешь в своём подземелье и производство организовать?

— Было бы неплохо, но нельзя, — с сожалением ответил я. — Это, конечно, сильно облегчит охрану, но так будет слишком легко отследить транспорт и понять, что поставки идут от вас. На четвёртый механический каждый день приходят сотни машин от разных поставщиков, там легче будет замаскировать ваши. Дерево надо прятать в лесу, а не в степи.

— Понятно, — кивнула Ольга. — Так что именно от нас требуется?

— Доломитный будет закрытым военным поселением, доступ туда будет только по воздуху. Вам нужно организовать там представительство, в Рифейске карлы появляться не должны. В Доломитном вы будете грузить сплавы, приобретите подходящий дирижабль и зарегистрируйте на какое-нибудь постороннее имя. Разгружаться будете в закрытой зоне воздушного порта и сразу везти груз на четвёртый механический. Поставками карлам занимается наша компания «Сундук изобилия», наладьте сотрудничество с её управляющим Степаном Жовкиным. Выделите людей, которые будут заниматься работой с карлами, другие ничего об этом знать не должны. Вы и сами понимаете, какотреагирует князь на любую утечку.

— Понятно, — тяжело вздохнула Ольга. — Сделаем.

— Ну, всё не так уж страшно, — успокаивающим тоном сказал я. — Вспомни о будущих доходах, и дело сразу предстанет в другом свете.

— Только это и утешает, — проворчала она.

— И ещё один момент — кто у вас занимается финансами? Пусть свяжется с Кирой и обговорит варианты платежа за поставки сплава. Прямых платежей от нас к вам быть не должно.

— Да вот Ханна и занимается, — посмотрела на неё Ольга.

— Я поняла, — отозвалась Ханна. — Сделаю.

— В таком случае у меня всё — ну, в основном. Детали будем уже согласовывать по ходу дела.

Сёстры переглянулись, и Стефа встала.

— Пойдём, Кеннер, — мягко сказала она. — Ольге ты работы подкинул, ну а сам наверняка хочешь насчёт учёбы поговорить.

— Хочу, — подтвердил я, тоже вставая. — Ольга, госпожа Ханна, до свидания.

Мы со Стефой не торопясь двинулись по коридору — глядя на эти широкие коридоры и просторные комнаты, сложно поверить, что ты глубоко под землёй. Окон, правда, нет, но всё равно, это далеко не подземный бункер. Скорее уж подземный дворец.

— Сказать по правде, Кеннер, — заговорила Стефа, — мы даже рады, что пересидели под землёй свадьбу Милы. Её ведь и пропустить было никак нельзя, и присутствовать на ней тяжело, особенно для Ольги. Представь, как все поздравляли бы её со свадьбой дочери.

Действительно, Ольге это вряд ли доставило бы удовольствие, а так получилась вполне уважительная причина для отсутствия. Моя циничная часть тут же предположила, что возможность пропустить свадьбу наверняка сыграла немалую роль в их решении немного посидеть под землёй.

— Должна же быть хоть такая приятная сторона, — усмехнулся я. — Кстати, бабушка — не расскажешь, что там у вас с князем? Из-за чего вы поссорились?

— Да по глупости, как обычно люди и ссорятся, — с досадой ответила она. — Но здесь в двух словах не ответишь, надо предысторию рассказывать.

— Расскажи, — попросил я.

— Ну, ты ведь знаешь, что у нас война была. Когда она утихла, у нас остались одни дети, и мы с Олей старшие. Старшие только относительно прочих — так-то мы были ещё студентками, хоть и почти выпускницами. И вот представь: целая толпа детишек, вплоть до грудничков, и мы с Олей ответственные за эту ораву. А ведь война хоть и закончилась, шакалы вокруг остались. Нас понемногу пощипывали со всех сторон, и там Тирины нам помогать уже не собирались — Алину у нас, кроме деда, никто не интересовал. Можешь себе представить, каково нам приходилось, мы все были постоянно на нервах. Кстати, то цементное производство, которое мы благодаря тебе у Греков отобрали — оно ведь нашим было. Греки как раз тогда его у нас и оторвали. В общем, у Ольги и так всегда характер был резковат, а там окончательно испортился.

— Резковат характер — это ты довольно мягко сказала, — заметил я поморщившись. Неприятные воспоминания никуда не делись.

— Она сейчас гораздо мягче стала, — Стефа посмотрела на меня. — Я Ольгу не собираюсь оправдывать, но ей в последнее время пришлось очень многое передумать о своём поведении. Дочь, которую она презирала, добилась потрясающих успехов не благодаря, а вопреки ей. Внук от бездарного, на котором она ещё до рождения поставила крест, вдруг оказался не только невероятно способным Владеющим, но и гениальным организатором.

— Ну так уж и гениальным, — пробормотал я в смущении.

— Другое слово здесь трудно подобрать, — пожала плечами она. — Как только тебе исполнилось четырнадцать, и ты получил право управления семьёй, вы рванули вверх настолько стремительно, что никто до сих пор прийти в себя не может. Шесть лет назад вы были, по сути, полумещанами. Сейчас Арди — самая богатая семья княжества, да и самая влиятельная, наверное. Князь к тебе прислушивается, как не к каждому советнику. В общем, глядя на такую дочь и такого внука, ей хочешь не хочешь, пришлось задуматься: а может, проблема всё-таки в ней самой? Поверь, Кеннер — Ольга уже не та Ольга, с которой ты впервые встретился шесть лет назад. Точно так же Милослава совсем не та Мила, которая была её дочерью. Они

не могут помириться просто потому, что друг друга не узнают. Те они, которые ссорились, давно в прошлом. Не с кем уже мириться, понимаешь?

Я и в самом деле понимал. Давно замечал, что они обе если и не совсем забыли старую вражду, то она уже не горит, и даже, пожалуй, не тлеет. Сейчас они, скорее, просто не понимают, как вести себя друг с другом.

— Но я отвлеклась, — продолжала Стефа. — В общем, ситуация здорово на нас давила, и Ольга сильно нервничала. А потом старый князь, отец Яромира, умер. К старому князю мы относились, как к врагу — да собственно, он и был врагом. Непонятно, какую роль он сыграл в той войне, но он точно был там замешан. Не знаю, почему князь так к нам относился... старшие знали, конечно, но их было уже не спросить. И вот князем стал Яромир. Как раз тогда Греки и отобрали у нас наше цементное производство, а это был один из главных активов рода. Ольга пошла к Яромиру и потребовала защиты, а тот лишь пожал плечами и сказал, чтобы мы разбирались сами. И когда после Яромир предложил нам уступить «Артефакту», Ольга его просто и грубо послала, хотя он на самом деле неплохие условия предлагал. Вот, собственно, и вся история.

— Действительно, довольно типичная история, — согласился я. — Слово за слово, и сами не заметили, как стали врагами. Но мне показалось, что князь не против как-то наладить отношения. Если вы немного пойдёте ему навстречу раз-другой, то и он, скорее всего, отношение к вам поменяет.

— Было бы неплохо, — задумчиво сказала Стефа. — Особенно если ты намекнёшь ему при случае, что мы как раз и не против пойти навстречу. Ну ладно — как у тебя дела с учёбой? Мы с тобой её немного запустили — придётся навёрстывать.

— Да нормально с учёбой, — заверил её я. — Справляюсь. В целом всё как обычно, кроме разве что занятий у Максаковой.

— А что с ней? — с любопытством глянула на меня она.

— Я начинаю опасаться Владеющих, — признался я. — Это просто поразительно, сколько подлых приёмов они изобрели. Я даже не подозревал, что можно настолько извратить простые и безобидные конструкторы. Оказывается, можно убить вообще всем, чем угодно. После всего того, что нам Максакова продемонстрировала, я теперь хожу, постоянно отслеживая

малейшие флуктуации поля.

— Так и надо ходить всегда, — развеселилась Стефа. — Но вообще не суди по Максаковой обо всех. Она очень сильный боевик, одна из сильнейших. А может даже и сильнейшая. Она ведь очень долго преподавала боевую практику.

— Она мне как-то сказала, что тридцать лет преподавала.

— Ну вот. Такие слабыми никогда не бывают. А когда она возвысилась, то получила дар видения развилок. Для боевика это самый ценный дар — предвидеть результат своих действий и действий противника.

— Повезло ей с даром, — согласился я.

— Повезло? — Стефа с удивлением взглянула на меня. — Ты что, считаешь, что Сила сама раздаёт свои дары? И сама решает, кто что должен получить?

— Ну, не то чтобы я так считал... — замялся я. — А что — это не так?

— Конечно, не так, — Стефа даже, по-моему, возмутилась. — Сила тебе няня, по-твоему? Она ничего не раздаёт — ты сам берёшь, если, конечно, способен взять. Когда у человека меняется восприятие — например, при возвышении, — он получает возможность видеть именно ту грань Силы, которую хотел увидеть. Возможно, сам не сознавая, но хотел. Вот ты всегда восхищался лесом вероятностей, твоя мать получила дар преобразования, а Максакова — прирождённый боевик. А что важнее для боевика, чем умение предвидеть действия противника?

Довольно неожиданный взгляд на дары Силы, но надо сказать, очень логичный и многое объясняющий. Интересно, о чём подсознательно мечтала Ленка, раз получила дар управления пространством? О телепортации? Или о возможности резать что угодно разрывами метрики? Не думаю, что она сама понимает, что же именно хотела. Она натура артистическая, и о мотивах своих действий задумывается нечасто.

— Никогда не задавался этим вопросом, — признался я. — Но вот сейчас ты это сказала, и всё сразу кажется очевидным. В самом деле, Сила нам просто даёт возможность чего-то добиться самим. И не стоит ждать, что она будет следить за нашими успехами, как добрая мамочка. А кстати об Анне Максаковой — меня всегда удивлял поразительно высокий

процент Высших на их курсе. Пять человек — это, по-моему, даже ненормально.

— Скорее всего, из-за их вражды, — предположила Стефа. — Ивлич там схлестнулась с Кисой, и они втянули в свою вражду Тирину с Максаковой. Я слышала, страсти там кипели просто вулканом. Известно же, что Владеющий успешнее всего развивается под внешним давлением — для чего вас Менски бьёт все пять лет? Не для собственного же развлечения.

— Может, и для развлечения, — я слегка поморщился.

— Да, этот может, — засмеялась она. — Но почему ты сказал «пять Высших»? Их вроде четверо там училось.

— А Милана Бобровская?

— Лана не с ними училась, она на пару лет младше. Но знаешь, что — будь с Бобровской поосторожнее. Она вроде со всеми дружит, но если присмотреться, то про неё вообще очень мало что известно. А такие люди, которые себе на уме, они как раз и есть самые опасные.

Глава 4

По дороге на четвёртый механический я рассеянно смотрел в окно. Мелькнула афиша визиона — название я не успел разобрать, зато успел заметить слово «гений». В памяти сразу всплыли неумеренные комплименты Стефы, и мне вдруг пришла в голову мысль, что надо бы кое-что проверить. Я сосредоточился, и перейти в нужное состояние оказалось на удивление легко. Не понадобилось даже особенно всматриваться — мерцание ветки было еле заметно, но всё же вполне различимо. На меня накатила глухая злость; концентрация тут же рассыпалась, но всё, что нужно, я успел увидеть. Мерцание уходило туда, где я уже ничего не мог различить, но и так было ясно, где оно начинается — рифов заставили отдать нужный сплав. Дальше уже ничего править не надо было, всё было предопределено — сплав исследовали, сразу же обнаружили свойство сокращаться под действием электричества, немедленно последовал доклад князю, а князь поручил заняться этим наиболее подходящему исполнителю, то есть мне. Неведомый кукловод извлёк урок из моего отказа забрать себе производство пойла древних полян, и выбрал другой вариант, где у меня уже не было ни малейшей возможности отказаться. Говоришь, гениальный организатор — да, бабушка?

Я усилием воли подавил злость — нет смысла фонтанировать эмоциями, если всё равно ничего нельзя сделать. Но когда-нибудь я найду того, кто вмешивается в мою жизнь, и спрошу с него за всё. Конечно, с первого взгляда все эти правки мне на руку, но я, во-первых, предпочитаю строить свою жизнь сам, а во-вторых, очень сомневаюсь, что настоящая цель этих правок мне понравится.

В проходной четвёртого механического меня неожиданно притормозили. Когда я, вежливо кивнув охранникам, вознамерился пройти на территорию, вдруг раздался суровый окрик:

— Стоять! — охранник недружелюбно смотрел на меня. — Где пропуск?

— Даже так? — удивился я. — Меня зовут Кеннер Арди, и я хозяин этого предприятия.

— Извините, — он резко сбавил тон, — но мы не знаем в

лицо господина Кеннера Арди.

— Действительно, проблема, — озадачился я. — Я, конечно, могу показать документы, но, вообще-то, меня должен был встретить управляющий. Сообщите почтенному Аксёну Белаве, что я уже прибыл.

В этот момент дверь распахнулась, и в проходной появился слегка запыхавшийся управляющий.

— Господин Кеннер, прошу прощения, — немедленно извинился он. — Непредвиденные обстоятельства задержали меня в самый последний момент.

Ну конечно же, непредвиденные — при опозданиях других обстоятельств и не бывает. А вот я на вызовы князя почему-то никогда не опаздываю — как-то так получается, что у меня обстоятельства всегда предвиденные. Возможно потому, что князь и не подозревает, что обстоятельства бывают непредвиденными, и такого оправдания просто не поймёт?

— Позаботьтесь, чтобы подобное больше не повторилось, и чтобы меня всегда пропускали на территорию, — выговор я делать не стал — если не дурак, то сам сделает выводы, ну а дурак на таком посту ни к чему.

— Это безобразие! — возмутился управляющий, гневным взглядом окидывая охранников. — К сожалению, охрана мне не подчиняется — и позволю себе заметить, господин, я считаю это неправильным и мешающим нормальной работе. Но я, разумеется, сообщу почтенному Антону Кельмину об этом вопиющем случае.

Очень ожидаемое поведение — любой руководитель на инстинктивном уровне использует малейшую возможность урвать себе чуть больше власти. Ну а не подчиняющаяся ему охрана — это такая боль, что просто спокойно кушать не получается.

— И Кельмин вам скажет то же самое, что и я, почтенный: охрана поступила совершенно правильно, — слегка раздражённым тоном ответил я, и охранники немного расслабились. — Просто в следующий раз не позволяйте себе опаздывать, а ещё распорядитесь, наконец, сделать мне постоянный пропуск. И хватит об этом. Машина госпожи Киры слегка отстала от моей, но она вот-вот появится. Давайте выйдем на улицу, чтобы не мешать работе охраны, и подождём госпожу Киру там.

Кира действительно не задержалась — уже через пару минут она показалась из дверей проходной и оглядевшись, направилась к нам.

— Ну, раз мы, наконец, собрались, давайте приступим, — объявил я. — Нам с вами сегодня нужно будет понять, насколько завод готов к большим изменениям.

— Контракт дружины на самоходную платформу? — тут же оживился Белава.

В своё время контракт на большое перевооружение княжеской дружины был обещан именно ему, но обстоятельства изменились. Появился контракт на поставку тяжёлых бронеходов архиепископу Трира, в результате свободных мощностей на заводе оказалось недостаточно, и контракт на новую платформу уплыл на «Милик» и в мастерскую Ивлич. Контракт архиепископа по масштабу даже близко не мог сравниться с контрактом князя, и Белава сильно переживал. Впрочем, упрекнуть меня он так и не осмелился.

— Нет, почтенный, — покачал я головой, — забудьте о контракте дружины. Точнее говоря, забудьте именно о контракте на унифицированную платформу. Впрочем, у вас и без него работы будет более чем достаточно.

— Имперский контракт не заканчивается? — с надеждой переспросил он.

— Я думаю, имперцы его даже расширят, — уверенно предположил я. — У них вскоре ожидается серьёзная заварушка, и я сомневаюсь, что имперские заводы смогут резко увеличить выпуск. Но это даже не главное, почтенный. Давайте прогуляемся по территории и прикинем, где и как мы можем разместить новый совершенно секретный цех.

— Новый цех? — удивился управляющий, и Кира тоже вопросительно посмотрела на меня.

— Да, и для начала немедленно начинайте процедуру расторжения договора аренды со всеми арендаторами. В самое ближайшее время на территории не должно остаться никаких посторонних. Охрана будет усилена и выделена в отдельную структуру...

Управляющий удовлетворённо улыбнулся.

— ... которая, впрочем, будет так же подчиняться Антону Кельмину, — безжалостно закончил я, и управляющий опять скис.

Интересно, почему он так озабочен вопросом подчинения охраны? Уж не пытался ли он раньше крутить какой-то маленький побочный гешефт? Надо будет распорядиться насчёт негласной проверки — возможно, при Матиасе Лахти он что-то такое делал, а потом пришли мы, заменили охрану и испортили ему праздник.

— Давайте, я объясню ситуацию с самого начала, чтобы вам было понятнее, о чём идёт речь, — предложил я, пока мы неторопливо двигались вдоль главной дороги. — Князь приказал нам производить псевдомускулы нового поколения, которые заметно превосходят производимые сейчас. Технология совершенно секретна, отсюда и повышенные меры безопасности.

— Так зачем нам новый цех? — не понял управляющий. — У нас же есть цех выращивания псевдомускулов.

— Он будет работать по-прежнему, почтенный. Бронеходы, оснащённые по новой технологии, будут поставляться только княжеской дружине и, надеюсь, нам. Я не уверен даже, что нам разрешат продать их нашим союзникам. Во всяком случае, если и разрешат, то не сразу. Разумеется, с течением времени ограничения будут постепенно смягчаться, но в обозримом будущем экспорт такой техники останется безусловно запрещённым. Словом, давайте разбираться, что мы сможем сделать на имеющейся территории, и не придётся ли мне просить князя о выделении дополнительной территории для расширения завода.

— У нас не заложены средства на подобные внеочередные расходы, — недовольно заметила Зайка. — Весь бюджет на кастроительство уже распределён.

— Вот поэтому ты здесь и находишься, Кира, — поощрительно заметил я. — Почтенный расскажет нам, почему нам необходимо расширяться и строить новые цеха, а ты объяснишь, что таких денег у нас нет, и придётся выселять кого-нибудь из старых цехов. Кстати, мы же выселяем арендаторов, так что какие-то площади должны освободиться.

— Я не уверена, что мы там сможем кого-то быстро выселить, — с сомнением сказала Зайка. — Насколько я помню, эти договоры не предусматривают досрочного расторжения.

— Значит, будем платить неустойку, — пожал плечами я. — И не вздыхай так тяжело, Кира — это прямой приказ князя. Все

посторонние должны покинуть территорию как можно быстрее.

Она всё равно вздохнула, и я улыбнулся. Старый добрый дядюшка Скрудж по сравнению с нашей Зайкой — транжира и мот.

Мы не торопясь шли вдоль центрального проезда, временами уступая дорогу транспорту. И тут я вновь увидел давно позабытую картину: мохнатый битюг меланхолично тащил парящую над землёй платформу, на которой лежал корпус бронехода.

— А лошади-то у вас зачем? — поразился я.

— Так дешевле ведь, — объяснил управляющий. — Мы думали заменить их узкоколейкой между цехами, но слишком дорого выходит, да и не очень удобно. Электротранспорт подешевле, но всё равно слишком много хлопот с обслуживанием. Овёс гораздо дешевле. Силовые направляющие под асфальтом, конечно, дорогие, но зато потом стоимость эксплуатации почти нулевая.

— Но какой-нибудь тягач вместо лошади может ведь перевезти и больше, и быстрее.

— Не получится, господин, — отрицательно покачал головой он. — Здесь проблема в массе прицепа. У платформы же тормозов нет — как с ней тормозить? Маленький тягач она просто своей массой снесёт, а если большой и тяжёлый тягач поставить, то никакой экономии не выйдет. Значит, надо везти не очень много и потихоньку, а здесь и лошадь прекрасно справляется.

Неожиданный парадокс — на высокотехнологичном производстве транспортировка лошадей оказывается экономически выгоднее. Хотя в этом мире встречаются вещи и поудивительнее.

— Ну хорошо, вам виднее, — согласился я. — Однако вернёмся к нашим грандиозным планам. Я наблюдаю у вас прискорбный недостаток энтузиазма. Однако подумайте вот о чём: князь обещал, что мы останемся монопольным поставщиком новых псевдомускулов как минимум двадцать лет. Если не станем нагнать с ценами.

— А какую норму прибыли князь сочтёт наглостью? — немедленно заинтересовалась Зайка.

— Князь, разумеется, этого не сказал, — улыбнулся я. — И не скажет. Этот вопрос он будет решать в зависимости от

обстоятельств. Но предположу, что сто процентов прибыли он сочтёт наглостью в любом случае. А вот, скажем, пятьдесят процентов он может и стерпеть.

— Пятьдесят процентов — это очень даже неплохо, — оживилась Зайка.

— А как князь узнает нашу норму прибыли? — в управляющем тоже проснулся интерес к беседе.

— Оценить примерную себестоимость не так уж сложно, если знаком с технологией, — объяснил я. — Но князю это и не понадобится. Просто, когда производство войдёт в рабочий ритм, сюда прибудет бригада княжеских ревизоров и очень вежливо попросит показать всю документацию.

— А разве мы обязаны им что-то показывать?

Зайка снисходительно улыбнулась. Всё-таки она очень сильно расширила кругозор за эти годы, и понемногу начинает мыслить стратегически. И подобных глупых вопросов уж точно задавать не станет — она давно уже поняла, что мастерство политика заключается в поиске возможного компромисса, а не в сокрушении стен лбом.

— Конечно же, не обязаны, — я тоже улыбнулся. — Но мы, разумеется, покажем им всё, что они захотят увидеть. У нас стратегическое предприятие, почтенный, и княжество — наш главный заказчик. Если мы начнём настаивать на своей независимости, то очень скоро обнаружим, что, скажем, те же Воцкие вдруг тоже начали производить тяжёлые бронеходы. А потом княжество переведёт все контракты к ним, и мы перестанем быть стратегическим предприятием. Но зато, конечно, будем независимыми. Разумеется, это наиболее мягкий вариант, а ведь всё может сложиться гораздо более неприятным образом. Вспомните бывшего владельца этого завода. Матиас Лахти с чего-то вдруг решил, что может совмещать владение стратегическим предприятием с оппозиционной деятельностью. Надо ли напоминать, чем это закончилось?

— Понимаю, господин, — пробормотал управляющий.

— Однако вам необходимо твёрдо запомнить, почтенный, как следует строить работу с любыми инспекторами, — строго сказал я. — Если к вам прибывает кто-то с требованием допуска к документам, или даже просто допуска на территорию, то первое, что вы обязаны сделать независимо от

предъявленных полномочий — это вежливо, но под охраной сопроводить таких инспекторов в какое-нибудь подходящее помещение и немедленно связаться с уполномоченным представителем семейства. Мы сообщим князю о происходящем, и в зависимости от его ответа посетители либо получат требуемый ими доступ, либо уедут в допросный подвал.

— Я понял, господин, — в полном смятении подтвердил он.

Понимаю его чувства — подобные порядки выглядят изрядно выходящими за рамки даже для военного предприятия. Мне и самому кажется, что это немного слишком, но куда деваться? Мне просто плохо делается от мысли, сколько шпионов ползет к нам, как только первые бронеходы нового семейства выйдут за ворота.

— Но не надо воспринимать всё это слишком уж пессимистично, достойные, — приободрил я их. — Задумайтесь вот над чем: княжеская дружина будет полностью перевооружаться на новые бронеходы. А следом начнут перевооружение все остальные. Мы будем поставлять новые бронеходы и производить предпродажную реновацию старых, снимаемых с вооружения. Эти двадцать лет, а то и больше, у нас будут просто вырывать из рук всё, что мы сможем произвести.

Вот теперь я действительно почувствовал в них энтузиазм.

«А сможем мы произвести столько, сколько позволят нам карлы», — но эти слова я вслух произносить не стал.

* * *

Если кажется, что день идёт слишком скучно, значит, пора ждать неожиданностей. Не то чтобы это было какой-то закономерностью, но почему-то со мной частенько именно так и происходит. На этот раз, правда, это была просто неожиданность, без сопутствующих неприятностей, но она определённо внесла свежую струю в унылый день, заполненный бесконечными бумагами.

— Господин, — голос Миры в переговорнике звучал довольно озадаченно, — только что позвонили с проходной. Вас хочет видеть некий Росомаха.

— Какая ещё росомаха? — не понял я.

— Человек представился как Росомаха, — пояснила она.

До меня начало что-то доходить.

— Я знаю одного Росомаху, — удивлённо заметил я, — но совершенно не представляю, каким образом он попал бы в Новгород.

— Так что на проходную передать?

— Пусть проводят его ко мне, — наконец, решил я. В самом деле, кто ещё мог бы так представиться? Приходится принять невероятный факт, что это действительно он.

Как ни удивительно, но это и в самом деле оказался он.

— Здравствуйте, Росомаха, — я встал навстречу. — Пойдёмте присядем, Мира сейчас соберёт нам столик. Сказать по правде, не ожидал увидеть вас так далеко от леса.

— Здравствуйте, барон, — он с болезненной гримасой кое-как уместился в кресле.

— Спина, — пояснил он в ответ на мой вопросительный взгляд, — дорога была длинной, а наш пикап не очень комфортный. Знаете, мне казалось, что Раппин огромный, но вот это всё, — он обвёл рукой, — это что-то непредставимое. Как здесь можно жить? Как такое скопление людей вообще может существовать?

— Вот как-то существует, — усмехнулся в ответ я. — И вполне успешно, надо сказать, существует. А Раппин, если вы не знали — это вообще не город. Раппин — село. Но я понимаю ваше удивление — после вашего леса столица большого и богатого княжества действительно не может не произвести впечатления.

— Вряд ли я смог бы здесь жить, но я в самом деле впечатлён, — признал он. — Спасибо, дочка, — он благодарно кивнул Мире, налившей ему чаю, и та тепло улыбнулась в ответ — Росомаха ей явно понравился.

— И всё-таки, Росомаха — что заставило вас предпринять такой нелёгкий путь? Надеюсь, никаких катастроф не произошло?

— Никаких катастроф, — покачал он головой. — Просто мне понадобилось встретиться с вами, а управляющий Фальк сказал, что в ближайшем будущем вас не ждёт. Было бы очень наивным надеяться, что вы приедете по моему вызову, — он усмехнулся.

— И вот Магомет пришёл к горе, — дополнил я. — Не

берите в голову — так говорят у муслимов[4], — пояснил я в ответ на его непонимающий взгляд. — Ну что же, я внимательно вас слушаю.

[4 — Кеннер ошибочно считает, что это арабская пословица. На самом деле она самая что ни на есть европейская, и запустил её в оборот Фрэнсис Бэкон. Впрочем, похожий сюжет встречается и в историях Ходжи Насреддина, только там фигурируют Насреддин и пальма.]

— На самом деле у меня дело скорее к баронессе, — замылся Росомаха. — Но мне кажется, что она не станет ничего обсуждать без вашего одобрения, так что я решил сначала обратиться к вам. Дело в том, что мы начинаем производить паутинный шёлк...

— Да, я помню, что вы собирались его делать, — подтвердил я.

— ... но нам не хотелось бы продавать его как ткань. Мы бы хотели шить вещи — они получатся дороже, и к тому же таким образом у нас получится занять делом наших женщин. Но мы плохо разбираемся, что и как надо шить.

— И вы хотите, чтобы баронесса, так сказать, взяла это дело себе под крыло, — утвердительно сказал я. — А скажите-ка, Росомаха — какую роль в этом будет играть Ворон?

— Совершенно никакой, — твёрдо ответил он.

— Насколько я понимаю, именно он, как мирный вождь, должен вести переговоры со мной. Но приехали вы. Значит ли это, что вы сняли с него обязанности мирного вождя?

— Не совсем, — неохотно сказал Росомаха. — Формально он по-прежнему вождь, и кое-какие полномочия у него остались. Но общение с внешним миром сейчас полностью на мне, а Бобёр следит за жизнью племени.

— То есть до вас, наконец, дошло, что он не справляется, — сделал вывод я. — Кстати, почему до вас это доходило так долго? Я, конечно, понимаю, что у него большие заслуги — мало кто сумел бы довести вас так далеко, тем более что у Рифеев вас, скорее всего, преследовали. Но всё же — почему? Ведь сразу было ясно, что для мирного управления племенем он совершенно не подходит.

— А что нам было делать, барон? — вздохнул Росомаха. — Самому старшему из остальных всего восемнадцать. Как росток может управлять племенем, да и кто будет его слушать? Нам с

Бобром тяжело этим заниматься, да и вообще, не наша это работа. Вот и выходит, что Ворона заменить некем.

— А женщины? — с интересом спросил я. — Старая Ондатра вроде неплохо с Осокой управляется.

— Ондатра — исключение, — махнул рукой Росомаха. — У нас, лесных, женщины очень редко хотят этим заниматься. Во всяком случае, из наших никто не хочет. Да и мало у кого авторитета хватит — недостаточно ведь просто назначить, надо, чтобы всё племя вождя приняло.

— Понятно, сочувствую, — я задумался. — Надеюсь, у вас вскоре всё-таки подрастёт достойная замена. И об этом, кстати, нам тоже стоит поговорить.

— А вам-то зачем об этом говорить, барон? — изумился он.

— Как зачем? Если вы думаете, что меня интересует только сбор подати, то вы ошибаетесь. У меня с подданными взаимные обязательства, так что ваша внутренняя жизнь не может меня не интересовать. Да и вообще — баронство богато богатством подданных. Посмотрите, как живут крестьяне в Ольденторне, и вы поймёте, почему мать Тереза едва наскребает епископскую долю. Но мы всё же отвлеклись — давайте вернёмся к вашему запросу. Я передам его баронессе, но скажу вам сразу: она откажется. Поверьте — я знаю её, пожалуй, лучше, чем себя. Моя жена, как и любая женщина, интересуется тряпками, но разработка новых моделей её никогда не привлекала. Её интересы лежат в совершенно другом направлении.

Росомаха заметно скис — похоже, он здорово рассчитывал на Ленкино согласие.

— Тогда, может, вы сможете помочь нам наладить сотрудничество с каким-нибудь модным домом?

«Модный дом» — надо же, какие слова он выучил! В лесах-то у них никаких модных домов наверняка нет. Всё-таки Росомаха вызывает уважение — в его возрасте не каждому удаётся быть настолько восприимчивым к новым идеям.

— Я, конечно, мог бы дать вам рекомендацию, — пожал я плечами, — но нужно ли вам это сотрудничество? Нет, ткань они у вас, конечно, будут брать охотно, но пошив отдавать вряд ли захотят. Зачем им заказывать где-то в Ливонии то, что они прекрасно могут делать сами? Тем более, и швей-то у вас наверняка не очень опытные. Ну ладно, допустим, мы даже поставили им такое условие, и они согласились, но зачем вам

это? Дополнительных денег вы с этого не получите.

— Почему не получим? — растерялся от неожиданности Росомаха.

— Потому что работа швеи стоит очень дёшево, — объяснил я. — Это не особо квалифицированный труд, и за него вы получите сущие медяки. Да, пошитые вещи будут стоить гораздо дороже ткани, но это цена имени, а не пошива. Все деньги заберёт модный дом — это их деньги, а не ваши. Они заработаны на их имени, а не на вашем пошиве.

— Я не понимаю этого насчёт имени, — беспомощно сказал Росомаха.

Было бы странно, если бы лесной понимал то, что мы и сами не всегда понимаем.

— Давайте, я попробую объяснить это на примере. Рассмотрим гипотетическую ситуацию — некий купец, назовём его Моськин, решил создать модный дом. Он набрал модельеров и кто там ещё для модного дома нужен, и начал шить красивые и качественные вещи. Как вы думаете — эти вещи стали покупать?

— А почему нет? — Росомаха почуял подвох.

— Потому что качественные вещи стоят дорого, а те, кто покупает дорогие вещи, никогда не слышали про купца Моськина. Но наш Моськин отнюдь не дурак, поэтому он не опустил руки, а начал работать всерьёз. Он стал оплачивать рекламу в модных журналах, участвовать в выставках и показах. И вот через два-три года интенсивных трат его модный дом начал, наконец, приносить прибыль. Небольшую прибыль, но уже появилась надежда, что лет через десять траты окупятся. Однако Моськин не стал довольствоваться малым — его планы простирались гораздо дальше. Он выделил ещё больше денег на рекламу и модные показы, а также начал платить разным известным людям. За изрядную сумму наша оперная дива Лиза Карн надела лифчик от Моськина и умело продемонстрировала его публике в процессе очередного скандала с любовником. В светской хронике скандал со вкусом обсудили, при этом высоко оценив лифчик. Разумеется, цена его вещей в процессе всего этого неуклонно возрастала — впрочем, качество по-прежнему оставалось на высочайшем уровне. И вот, наконец, наступил момент, когда фраза «он одевается у Моськина» стала обозначать принадлежность к элите общества. И те, кто

претендовал на принадлежность к элите, начали с гордостью демонстрировать вензель «МДМ» — Модный Дом Моськина, — на своей одежде. Вы поняли, что произошло, Росомаха? Купец Моськин вложил большие деньги в продвижение своего имени, и в конце концов его имя стало само по себе приносить деньги — его вещи начали покупать, несмотря на то, что они стоили очень дорого, хотя на рынке хватало вещей сравнимого качества, стоящих гораздо дешевле. Так вот, во всей этой схеме затраты на собственно пошив вещей просто ничтожны.

— Я понял ваш пример, барон, но мне трудно уложить это в голове, — вздохнул Росомаха.

— У вас просто однородное общество, поэтому вы с таким не встречались. У нас общество гораздо сложнее, и в нём присутствует сильное расслоение. Люди общаются и ведут дела примерно на своём уровне. Дворянин не станет общаться с крестьянином, и совсем не потому, что крестьянин ему неровня. Им просто не о чем говорить друг с другом, у них совершенно разные интересы. Вот для того чтобы обозначить свою принадлежность к какому-то кругу, и нужен набор маркеров — одежда, причёска, машина и так далее. Вещи от условного Моськина покупают не за качество, а потому, что это маркер принадлежности к высшему обществу, понимаете? Я не могу надеть дешёвый костюм...

— Не можете? — удивился Росомаха.

— Ну, вообще-то, могу, — признал я. — Моя принадлежность к определённому кругу всем известна и не вызывает сомнений, мне не нужно специально эту принадлежность подчёркивать. Но я всё равно предпочитаю не эпатировать публику и одеваться так, как от меня ожидают.

— Хорошо, — сказал Росомаха с тяжёлым вздохом. — Думаю, я уловил общую картину. Но я не увидел какого-то решения для нас — оно существует? Вы можете что-нибудь посоветовать?

— Насчёт ткани всё просто — продавайте её через лавку баронства. Так вы получите больше, чем от любого модного дома. Разумеется, мы сами тоже будем на ней хорошо зарабатывать, но это будет нашей долей за имя. И не думайте, что для нас важны эти деньги — я предлагаю это вам лишь потому, что хорошо к вам отношусь. Ворону я бы ничего не предложил.

— Я думаю, что вы правы, барон, — согласно кивнул Росомаха. — Это решает вопрос с продажей ткани, но всё же остаётся проблема занятости наших женщин.

— С этим сложнее, Росомаха, — мягко сказал я. — Это действительно непростая проблема, но вы начали решать её неправильно. Вариант просто усадить женщин за швейные машинки может временно решить проблему, но в конечном итоге сделает ситуацию только хуже. Далеко не все захотят сидеть целыми днями за машинкой, так что рано или поздно вы столкнётесь с открытым бунтом.

— А у нас есть другие варианты?

— Другие варианты всегда есть. Разумеется, если вы собрались сидеть в своём лесу, отгородившись от общества, то вариантов у вас немного. Но если вы готовы пользоваться преимуществами общества, то вариантов полно. К примеру, вам стоило бы задуматься насчёт образования для молодых. Баронство, в свою очередь, готово открыть для вас школу и помочь с университетскими займами. Если у вас появятся образованные люди, спектр ваших возможностей резко расширится. Вы можете, например, разработать и производить одежду для карл — думаю, в ваших силах создать прочную ткань, которая хорошо подходит для шахтёров. Да вариантов сколько угодно, если вы готовы быть частью общества, а не отшельниками в своём лесу. А когда будет достаточно большой выбор занятий, ваши женщины легко смогут найти себе занятие по вкусу.

— Ваши слова звучат очень убедительно, барон, — медленно кивнул Росомаха. — С вашего разрешения, нам нужно их обсудить. Меня вы, пожалуй, убедили, но я не могу решать за всё племя.

— Обсуждайте, — согласился я. — А сейчас я хочу отвезти вас в одно место, а то мне уже больно на вас смотреть. Да и вообще, я не хочу остаться один на один с Вороном.

Я нажал кнопку вызова секретаря, и Мира тут же заглянула в кабинет.

— Мира, соединишь с сиятельной Милославой и сообщи ей, что я сейчас привезу к ней пациента.

Она кивнула и исчезла.

— Поехали, Росомаха, разберёмся с вашей спиной, — улыбнулся я ему. — Да наверняка и не только с ней. А потом и

Бобра сюда привозите, только сначала согласуйте с Мирой.

Глава 5

Удар был хорош. Голова Генриха откинулась назад, и он отлетел на пару шагов, едва удержавшись на ногах. Я почувствовал гордость за себя — так красиво его подловить удавалось нечасто. Да прямо скажем, совсем редко — даже нам с Ленкой. Насчёт остальных не знаю, но, по-моему, больше такое никому не удавалось. Было бы проще, если бы Генрих сражался честно — кулак против кулака, безо всякой магии-шмагии, — но он в принципе не верил в честную драку и магией пользовался вовсю, а победить в открытом бою Старшего Владеющего — задача всё-таки не для студента.

— Как я погляжу, у тебя уже неплохо получается избивать старого больного преподавателя, Арди, — Генрих зловеще ухмыльнулся.

Я мгновенно напрягся — подобные заявления обычно были прелюдией для разных болезненных ощущений. Одним из основных принципов Менски был тот, что студенту нельзя позволять зазнаваться, и он свято этого принципа придерживался. Судя по этой фразе, сейчас он как раз решил, что я слишком много о себе вообразил, и собрался максимально доходчиво объяснить мне, что это ошибка.

— А давай посмотрим — может быть, старый больной преподаватель тоже сможет тебя чем-нибудь удивить? — предложил он.

— Нисколько в этом не сомневаюсь, наставник. — Моя попытка примирения получилась довольно жалкой.

Генрих меня уже не слушал. Он сосредоточился, глаза у него потеряли фокус. Я попытался сократить расстояние и хорошим ударом прервать то, что он задумал сделать, но успел только дёрнуться. Внезапно накатила дикая боль, и глаза заволокло красной пеленой. Я уже ничего не мог сделать — все силы уходили только на то, чтобы держаться на ногах и не орать.

Постепенно боль ослабла, оставшись лишь болезненным эхом, и я начал приходить в себя. Генрих с интересом наблюдал за мной.

— Неплохо, Арди, — одобрительно заметил он. — Мало кто может при этом удержаться на ногах, да ещё и молчать. Но ты же понимаешь, что в реальном бою ты бы сейчас умер?

— Трудно было не понять, — криво усмехнулся я. — Это было очень доходчиво, наставник. Вот только я не понял, что это было. Расскажите?

— Расскажу, — согласно кивнул Генрих. — Но чтобы другим студентам тоже было понятнее... ладно, девушек сегодня трогать не будем.

Прошло буквально мгновение, и Иван рухнул на колени, подвывая от боли.

— Поднимайся, Сельков, — недовольно сказал Менски. — Арди держался гораздо лучше, а ведь я приложил его сильнее. Итак, студенты — кто-нибудь может сказать, что это было?

— Судя по ощущениям и полному отсутствию травм, это похоже на прямое воздействие на нервный узел, — выдвинул предположение я.

— Прекрасный вывод, Арди, — с удовлетворением сказал Генрих.

— Однако моя мать когда-то объясняла мне, что только целитель способен осуществлять прямое воздействие на организм, — продолжал я. — И даже целителю для этого требуется полный контакт.

— Всё верно, — подтвердил он. — Однако мы не исцеляем, а совсем даже наоборот. Да и вообще, ломать — не строить. Нам всего-то нужно запустить небольшой электрический разряд в нервный узел, а для этого необязательно быть целителем. Непосредственного контакта тоже не нужно, хотя расстояние всё равно должно быть очень маленьким — одна, ну, может быть, две сажени.

— То есть получается, что это абсолютное оружие, пусть только и ближнего боя? Так ведь можно кого угодно вывести из строя.

— Ничего подобного, — усмехнулся Менски. — Абсолютного оружия не существует, Арди. А конкретно воздействие на нервные узлы имеет крайне ограниченное применение. Реально его чаще всего используют для пыток — в качестве оружия оно слабо применимо.

— Расскажите подробнее, наставник, — попросил я.

— Всё очень просто — чтобы проломить естественную защиту организма, нужно иметь волю, намного превосходящую волю объекта. «Намного» — означает действительно намного, то есть против любых Владеющих это практически

неприменимо. Разве что против таких, как вы, которые совершенно не умеют защищаться, но где таких найти?

«В Империи», — чуть было не ответил я. Но всё-таки смолчал — кто знает, может быть, от этого их как раз и учат защищаться, так что лучше лишний раз промолчать, чем лишний раз сказать глупость.

— То есть получается, что прямое воздействие на нервные узлы можно применять только на бездарных или на слабых необученных одарённых, — завершил объяснение Менски. — А с такими вы без труда справитесь множеством других способов, причём издалека.

— И зачем тогда нам это изучать? — мрачно спросил Иван. — Мы кого-то пытаться будем?

— С чего ты взял, что будешь это изучать, Сельков? — ласково осведомился Генрих. — Ты до таких воздействий даже близко не дорос. Возможно, дорастёшь рангу к пятому-шестому, а пока что научись хотя бы сопротивляться.

— Нас, что ли, кто-то будет пытаться? — Иван явно был в дурном настроении. Я его даже понимал — это было действительно очень больно.

— Обязательно, — подтвердил Менски с демонической ухмылкой. — Я, например. Начиная со следующего занятия, каждый из вас будет периодически получать дозу стимуляции. До тех пор, пока вы не научитесь держать постоянную защиту от подобных атак. И давайте без этих кислых рож, студенты — я это делаю не для своего удовольствия.

Он бросил взгляд на меня, и скептическое выражение моего лица мимо него не прошло.

— Да брось, Арди — ну какое от вас удовольствие? — поморщился он. — Это же в самом деле вам необходимо. Во-первых, кто-нибудь может действительно это на вас попробовать. А во-вторых, вы же на практику в этом году поедете на Север? Есть там такой интересный зверёк... точнее, пара зверьков... хотя может быть, на самом деле это один зверь, не знаю. В общем, один из этой пары немного похож на ласку — такой же маленький и стремительный. А второй — медлительный броненосец размером с телёнка. Они всегда вместе — если один погибает, второй сразу же умирает следом. Каким образом они размножаются и каким образом формируется пара, мы не знаем, хотя есть предположение, что

они вместе и рождаются. Там, на Севере, зоологов довольно успешно едят, так что изучить вопрос поподробнее у них пока не выходит. Так вот, маленький член пары воздействует на нервные центры жертвы. У жертвы случается болевой шок, и пока жертва занята своими переживаниями, милый зверёк раздирает ей что-нибудь — обычно горло или брюхо, — когти у него как кинжалы. А потом туда подползает второй член команды и несколько дней кормится. А маленький зверь питается его экскрементами.

— Фу, — выразила общее мнение Ленка.

— Полностью согласен с тобой, Менцева, — кивнул Генрих. — Кому понравится, что его съедают в буквальном смысле дважды? Так вот, чтобы ваша практика не закончилась таким вот неприятным аккордом, вам и нужно научиться сопротивляться прямой стимуляции нервных узлов.

— Получается, наставник, — подал голос я, — что Север — это очень опасное место?

— Это безусловно так, — согласился он.

— А это нормально, что студенты туда едут?

— Вопрос дискуссионный, — развёл руками Генрих. — В разное время подход менялся. В какие-то периоды студенты ездили туда на практику. Потом начальство решало, что это слишком опасно, и практику назначали в безопасных местах. Потом начинали ездить опять, и цикл повторялся. Последние годы мы студентов на Север не возили, но сейчас на почве изменения учебных программ деканат решил опять попробовать.

* * *

— Ты куда сейчас? — спросила Ленка, когда боевая практика, наконец, закончилась. — А то, может, поедem к маме?

— У меня же факультатив по сущностям, — напомнил я. — Пропустить невозможно, я там единственный слушатель.

— Не понимаю, что за интерес ты в этом нашёл, — заметила она.

— А я вот не понимаю, почему тебя это не интересует. Даже не говоря о том, что мы с такими сущностями время от времени встречаемся, и стоит знать, кто есть кто — там ведь можно встретить Морену. Как можно пропустить шанс пообщаться с

богиней смерти?

— Обойдусь как-нибудь без такого общения, — содрогнулась Ленка. — Она меня пугает до судорог. Почему она не пугает тебя — для меня полная загадка. Да и Милана не так уж проста. Она, конечно, объяснила насчёт своего прозвища, но мне кажется, что это объяснение было не совсем полным.

— Да ладно, Лен, ещё ты будешь разные глупости сочинять — засмеялся я. — Ты же не считаешь всерьёз, что она ест души?

— Не считаю, — признала она. — Но мне всё равно кажется, что с ней не всё так просто.

— Глупости, — повторил я. — И не будем об этом. Так зачем ты собралась к маме?

— Хочу с ней посоветоваться насчёт защиты от нового развлечения Генриха — он же прямо намекнул, что защититься довольно просто. Мне не хочется на себе это пробовать.

— А уж как мне-то не хочется, — скривился я при воспоминании об испытанных ощущениях.

— Больно было? — сочувственно спросила Ленка.

— Не то слово, — вздохнул я. — Правильно ты решила, Лен — езжай к маме. Наверняка она сможет что-то посоветовать, а вечером вместе попробуем как-то отработать защиту. Не хочу, чтобы ты такое испытала, да и сам повторения не хочу.

* * *

Аудитория привычно была пустой, и я так же привычно постучал в дверь... дверь чего? Я бы назвал это помещение каптёркой, но в учебном заведении такое название выглядело совсем неуместно. «Подсобка» тоже как-то не звучало. Я так и не успел до чего-то додуматься, когда из-за двери прозвучало: «Войдите».

— Здравствуйте, Милана! Здравствуйте, госпожа! — я заметил Морену, сидевшую чуть сбоку. — Рад вас здесь увидеть.

— Что, у вас опять вопросы, Кеннер? — насмешливо хмыкнула Морена.

— Вот как-то накопились, госпожа, — развёл я руками. — А кто, кроме вас, способен ответить на вопросы об основах мироздания?

— Можно подумать, что я на это способна, — фыркнула она. — Кеннер, неужели вы не понимаете, что с точки зрения Летящей, между мной и вами нет никакой разницы? Мы одинаково ничтожны.

— А, например, Гея? — заинтересовался я. — Насколько она значительна?

— Ни малейшего представления не имею, — пожала плечами Морена. — Поскольку Геи не существует, сложно судить о её значительности.

— В каком смысле «не существует»? — растерялся я.

— В прямом, — она с иронией посмотрела на меня. — Геи нет, есть некая сущность, которая когда-нибудь, возможно, обретёт сознание и станет Геей. А сейчас это совершенно безмозглый эмбрион, у которого нет сознания, а есть только примитивные инстинкты.

— Создание целых разумных рас трудно отнести на примитивные инстинкты, — возразил я.

— Инстинкты выглядят сложными, потому что это инстинкты сущности более высокого порядка, но по сути они примитивны. Она создаёт какую-то расу, бросает на полдороге, создаёт другую, выясняет, что эта другая начинает бесконтрольно пожирать созданных ранее, создаёт ещё одну расу в противовес. Я не провожаю души её существ, но я их вижу. Она насоздавала массу разных тварей, но практически не получает от них жизненного опыта. Вы знаете жизненный цикл чистильщиков?

— Я видел синих, но не знаю, заканчивается ли на них цикл трансформации, — честно ответил я.

— Видели синих? — удивлённо посмотрела на меня Морена. — Вы полны сюрпризов, Кеннер. Да, на синих цикл и заканчивается — когда приходит время, Гея забирает их душу. Так вот, этот самый сложный роевой разум даже после двух трансформаций отдаёт ей меньше опыта, чем одноединственное человеческое существо. Не всякое, конечно, существо — у некоторых людей духовного развития не хватит и на среднюю крысу.

— То есть вы хотите сказать, госпожа, что вся эта сложнейшая система Нижнего мира работает вхолостую? — недоверчиво переспросил я.

— Практически вхолостую, — утвердительно кивнула она.

— Это творение гениального идиота.

— Очень неожиданно, — пробормотал я. — И что будет, когда Гея станет, так сказать, настоящей Геей? То есть, когда она, наконец, обретёт сознание?

— По некоторым признакам — ничего хорошего для нас, — пожала плечами Морена. — К счастью, меня к тому времени здесь уже не будет, да и вас, наверное, тоже. Как минимум несколько миллионов лет у нас есть — должно хватить, чтобы развиться и свалить куда-нибудь подальше.

«Свалить» — забавный лексикон у богини смерти. Впрочем, слово в данном контексте выглядит удивительно уместно.

— Так что вы хотели спросить, Кеннер, насчёт основ мироздания? — с улыбкой напомнила Морена.

— Меня интересуют взаимоотношения Силы и Сияния, госпожа.

— Не такой уж сложный вопрос на самом деле, — хмыкнула она. — Сила определённо не чужда Сиянию, иначе мы, создания Сияния, не смогли бы с ней взаимодействовать. Сила и Сияние в чём-то похожи на вас с женой — вы вроде бы независимы, вы можете друг с другом не соглашаться, можете даже поссориться, но вы, по сути, одно и то же. Одно время была даже популярной теория, что Сила не пришла извне, а является просто другой гранью Сияния. Что Летящая была недовольна тем, что разумы в её Вселенной развиваются слишком медленно, и чтобы помочь им, приоткрыла ещё одну свою грань.

— Мне эта теория кажется сомнительной, госпожа, — заметил я. В отличие от неё, я точно знал, что в момент прихода Силы наша Вселенная разделилась, а это вряд ли произошло бы от простого открытия новой грани. Хотя ничего исключать нельзя, наверное.

— Я тоже не особо в это верю, — согласилась Морена. — И вообще считаю, что приход Силы был для всех нас несчастьем. Это ведь костыли — если человек с детства передвигается на костылях, его ноги атрофируются. У вас очень много магусов, и они развиваются гораздо быстрее, чем мы в своё время, но они пользуются заёмной силой. Рано или поздно неизбежно наступает момент, когда существовать на чужой силе становится невозможно, а своей-то у них нет. И тогда магус чаще всего погибает. За всё надо платить, и не все способны

оплатить счёт — мы с тобой много об этом говорили, Лана.

— Да, госпожа, — согласилась Милана, — и вы меня полностью убедили.

— Прошу прощения, госпожа, но вы не учитываете один важный момент, — возразил я. — Жизнь людей коротка. Без Силы людям просто не хватает времени, чтобы накопить достаточно энергии для движения дальше.

— Но я же накопила, — она насмешливо посмотрела на меня.

— Но не у всех отец — верховный жрец, — сказал я, замирая от собственной наглости.

Морена погрузилась в раздумья.

— Вы не правы, Кеннер, — наконец сказала она. — Всё зависит исключительно от желания и упорства человека. Но я признаю, что доля правды в ваших словах есть. Конечно, никто не может возвысить потомка, так что пост моего отца здесь совершенно ни при чём. Но с другой стороны, кто, кроме жреца, стал бы заставлять свою дочь с младенчества закалять дух и тренировать волю? Я плакала ночами, но всё равно упорно делала все упражнения. А потом пришёл тот час, когда это спасло и меня, и отца — вот тогда я поняла, что Светлая Госпожа оценила мой труд и улыбнулась мне. Я стала заниматься ещё упорнее, и когда в мир пришла чужая Сила, я была готова.

— А вы уже обрели духовную форму, госпожа? — с любопытством спросил я.

— Нет, мне до этого пока далеко, — с ноткой грусти ответила она. — Я могу менять форму, хоть и не совсем свободно, и могу заглянуть на духовный план. Только лишь заглянуть на мгновение. Мы, боги — хоть мне и не нравится это слово, — недостаточно для этого развиты. Да и не стоит так уж туда стремиться — это прекрасное место, но совершенно нам чуждое и очень, очень опасное. Думаешь, почему духи рвутся к нам? Им слишком трудно выжить там.

— Но разве исчезновение духа — это не переход в духовную форму?

— Обычно это так и называют, — согласилась Морена, — но это неверно. Когда дух исчезает, он просто переходит в форму энергетического тумана. Этот туман невидим обычным зрением, но он полностью принадлежит нашему миру. Такой

фокус и я могу проделать безо всякой духовной формы.

Она улыбнулась и исчезла.

— Эээ... госпожа? — неуверенно позвал я.

— Она ушла, Кеннер, — отозвалась Милана. — Я это чувствую.

— Плохо, — с искренним сожалением сказал я. — У меня были ещё вопросы.

Милана заразительно захохотала, едва не пролив на себя чай.

— Нет, Кеннер, я всё же не устаю вам удивляться, — сказала она, утирая слёзы. — Вы спокойно задаёте вопросы, которые я ни за что не решилась бы задать, и что самое удивительное, получаете на них ответы. Вам бы в журналисты пойти — вы бы все секреты раскопали.

— Такого журналиста пристукнут раньше, чем он что-то раскопает, — заметил я, вовсе не чувствуя себя польщённым таким комплиментом. — Я сам бы такого первым и пристукнул.

— Пожалуй, — согласилась она, всё ещё улыбаясь. — Но я узнаю массу новых вещей, просто слушая ваши с Мореной разговоры. Я уже начинаю задумываться, кто здесь на самом деле студент, а кто преподаватель.

— Ну, я определённо не преподаватель, — саркастически хмыкнул я. — Вообще не понимаю, что вы видите такого необычного в моих вопросах. Вполне уважительных вопросах, кстати.

— Что необычного? — она стала серьёзной. — В самих вопросах нет ничего необычного, необычно то, что вы не боитесь их задавать. Понимаете, Кеннер, мир — очень опасное место, и полон очень опасных существей. Некоторые могут найти оскорбительными совершенно неожиданные вещи, и многие не терпят никаких вопросов, тем более личных. Я просто не устаю поражаться, насколько Морена доброжелательно к вам относится. В общем, будьте всё-таки поосторожнее с теми, кто заведомо сильнее вас и достаточно опасен.

Я невольно рассмеялся.

— А вы знаете, что меня совсем недавно предупреждали, что вы опасны? Только не спрашивайте кто.

— Не знаю, но не удивляюсь, — она тоже улыбнулась. — Моя сила для многих непонятна, а непонятное всегда считается

опасным. Восприятие душ — очень редкий дар, мало кто понимает его возможности. А вообще, мы все опасны, все те, кто перешагнул определённый порог. Посмотрите хотя бы на свою мать — казалось бы, каких опасностей можно ожидать от целительницы? А ещё многие побаиваются вашу бабушку Стефу Ренскую — никто про неё ничего толком не знает, известно только, что она очень сильна. Когда о человеке слишком мало известно, это всегда вызывает настороженность — просто непонятно, чего от него можно ждать.

Забавно, что именно Стефа предупреждала меня, что Милана опасна. Вот так Высшие и живут, похоже — ничего друг про друга не знают, и друг друга побаиваются.

— Думаю, вы правы, Милана, — кивнул я. — Спасибо за предупреждение, постараюсь быть осторожнее. А вот, кстати, раз уж мы заговорили об опасных сущностях — не знакома ли вам, случаем, некая Тамила Лапа?

— Очень опасна, — не раздумывая отозвалась Милана. — Очень.

— А можно подробнее? — попросил я.

— Да я о ней практически ничего не знаю, Кеннер, — извиняющимся тоном сказала она. — Была одна история, широко известная в узких кругах — с ней как-то поссорилась Драгана Ивлич. Что-то там Гане от неё понадобилось, она к ней пришла, а та отнеслась к Ивлич безо всякого уважения. Ну, вы же сами знаете — Гана у нас девушка резкая и неуважения не терпит. В общем, слово за слово, они там крепко поругались, и дело кончилось тем, что Лапа просто выкинула Драгану из дома и сказала ей больше не приходить.

Как же, помню, как Тамила о Драгане отозвалась — «та наглая соплячка».

— В общем, вы же понимаете, Кеннер, что человек, способный взять и вышвырнуть Драгану Ивлич за порог — это не тот, с кем стоило бы ссориться разумному человеку.

— А она вообще человек? — поинтересовался я.

— Точно была человеком когда-то, — ответила Милана, хотя в голосе её определённо чувствовалось сомнение. — А сейчас не знаю. Драгана после той стычки начала Лапой интересоваться, и всё-таки сумела кое-что про неё раскопать. Она лет так тысячи полторы назад была любовницей вожака ватаги повольников, «Лапа» — это как раз её кличка была. А

потом её возлюбленный погиб, и она сама стала водить ватагу. Вот, собственно, и всё, что про неё известно. А потом она надолго исчезла и всплыла совсем недавно. Живёт тихо, никого вроде не трогает. А почему вы ею заинтересовались?

— Да затеял с ней небольшое совместное дело, — небрежно ответил я.

Милана закрыла рукой лицо.

Глава 6

Семейная общага выглядела ещё более роскошно, чем студенческая, хотя, казалось бы, куда уж дальше. Мрамором и барельефами здесь дело не ограничивалось — в богато украшенных нишах стояли статуи, каждая из которых представляла какую-то специализацию Владеющего. Я даже приостановился и немного придержал Ленку, чтобы спокойно их рассмотреть. Слева от входа алхимичка пристально и слегка хмурясь рассматривала колбу, видимо, гадая, что же такое она только что намешала. Поскольку колба, как и она сама, была мраморной, рассматривать её было занятием довольно бессмысленным — впрочем, не мне судить об алхимии.

С другой стороны от входа стоял явный боевик. Правой рукой он опирался на посох, а левую вытянул ладонью вперёд — очевидно, запуская в противника какой-то смертоносный конструктор. Посох меня немного смутил — вроде что-то такое действительно использовали у бриттов, но наших Владеющих с посохами мне видеть не доводилось. Одет мраморный боевик был в широкие штаны и длинную куртку — наряд, чем-то напоминающий китайцев. Такой одежды у нас я тоже не припоминал — наши боевики носили обычную городскую одежду, а на контрактах камуфляж, как и все офицеры. Впрочем, что это я ударился в занудство? Хотя бы не мантия, и на том спасибо. Скульптор так видит, и нечего тут придирааться.

— Впечатляет, — признала Ленка, рассматривая фасад общаги. — Но всё-таки немного безвкусно, как мне кажется.

— Ну это же обычная общага, а не Академия художеств, — отозвался я. — Да и живут здесь никакие не люди искусства, а местами даже простые боевики.

— Ещё ты мне расскажи, что боевики тупые, — недовольно заметила Ленка.

— Да разные они, боевики-то. Некоторые, не будем тыкать пальцем, даже картины рисуют. А что, тебе кто-то рассказывал, что боевики тупые?

— Да был тут один, — уклончиво сказала Ленка. — Слишком много на эту тему рассуждал.

— И чем дело закончилось? — заинтересовался я.

— Да морду ему набила, тем и закончилось, — небрежно

сказала Ленка. — Раз уж я тупая и способная только на мордобой, то надо соответствовать, верно?

— Верно, — одобрил я. — Мы же не только тупые, мы ещё и резкие, и это всегда стоит учитывать. Ну ладно, пойдём внутрь, посмотрим, что за гнёздышко свили себе наши Сельковы.

Гнёздышко и в самом деле оказалось вполне миленьким — просторная четырёхкомнатная квартира с высокими потолками и неплохой мебелью. По своей привычке смотреть на вещи с изрядной долей цинизма, я сразу же предположил, что Академиум предоставляет такие замечательные условия не просто так. В этой общаге живут в основном аспиранты, которым вскоре предстоит отрабатывать свой долг Академиуму. Они привыкают к достойному уровню жизни, и чтобы поддерживать его в дальнейшем, вынуждены аттестоваться на более высокий ранг и таким образом увеличивать срок отработки. Впрочем, возможно, что я неправ — так ведь можно в любом поступке отыскать какие-то низкие мотивы, было бы желание. У меня оно обычно есть.

— Всем привет, — объявил я, ставя на стол тяжёлую корзину, которую мне порядком надоело тащить. — Надеюсь, сюда по запаху не придут?

— Нет, здесь попримечнее народ живёт, — отозвалась Дара, сноровисто распаковывая содержимое. — Будущим преподам уже не положено у студентов еду стрелять. Смела, тащи тарелки, надо всё это разложить. А ты Ваня, пока чайник организуй.

Я пил чай маленькими глотками, с умилением наблюдая, как хозяйева успешно сражаются с принесённым угощением. Куда в студентов столько влезает? Хотя, помнится, в меня в своё время тоже каким-то образом всё влезало.

— Вы просто в гости, Кеннер? — прямо спросила Дара. — Или что-то случилось?

Я такую прямоту вполне одобряю — по-моему, этот вопрос лучше прояснять сразу. Неловкости это создаст гораздо меньше, чем мучительное ожидание, когда же, наконец, незваные гости сообщат, зачем они, собственно говоря, припёрлись.

— Лена выяснила у матери детали насчёт воздействия на нервные узлы, — объяснил я. — Мы более или менее поняли теорию и собрались теперь отрабатывать практику. Подумали,

что вы, возможно, тоже захотите, вот и заехали к вам. Так что вы решайте, интересно вам это или нет. Если интересно, то давайте вместе разбираться, а если нет, то мы поедem домой тренироваться.

— Конечно, интересно! — воскликнула Дара, и остальные тоже интенсивно закивали и вообще всячески выразили своё согласие. — Спасибо, что вы про нас вспомнили, а то мы уже в полное уныние впали.

— Ну тогда слушайте, — начала рассказывать Ленка. — Защита от этого на самом деле простая — вот как вы стягиваете Силу в конструктор, точно так же стяните Силу вокруг себя, в такой как бы кокон под кожей. В теории это выглядит очень просто, сложность в деталях. Во-первых, надо привыкнуть держать такой кокон постоянно, не думая об этом. Во-вторых, он должен быть именно той плотности, которая нужна. Если он будет слишком разрежённым, то его получится пробить. Если будет слишком плотным, то на него будет уходить много сил, и их не останется на что-то другое. Так что проблема не в том, как эту защиту сделать, а как довести её до автоматизма. То есть надо долго тренироваться и, стало быть, нужен кто-то, кто регулярно будет пытаться эту защиту пробить. Генрих всё делает правильно, вот только он наверняка будет стимулировать нас по максимуму.

Иван мрачно кивнул, и я тоже непроизвольно поёжился. Это уж точно — Менски твёрдо уверен, что палка должна быть как можно больше, а пряник и вовсе ни к чему — студенты всё равно по-хорошему не понимают.

— Так что если мы не хотим, чтобы нас подлавливал Генрих, то нам надо самим подлавливать друг друга, — закончила Ленка.

— И как это делать?

— Очень просто, — Ленка с некоторым трудом вытащила из пакета большой медицинский атлас. — Смотрим карту нервных узлов, выбираем подходящий и стимулируем его лёгким электрическим разрядом. Хотя здесь тоже есть сложность — нужно следить, чтобы разряд был достаточно слабым, иначе вместо просто неприятных ощущений можно получить то, что Генрих делает. Или вообще вызвать болевой шок, а то и нерв сжечь.

— А что там за конструктор? — хмурo поинтересовался Иван,

уже чувствуя, что ответ может оказаться не самым приятным.

— Здесь как раз ещё одна сложность, — виновато сказала Ленка. — Нет такого конструкта. Мама сказала, что его никогда и не существовало — никто не озаботился придумать специальный конструкт для такой ерунды. Лекарки это волевым воздействием делают. У них есть такой прибор, который отрисовывает электрический импульс, на нём лекарки и тренируются. Я с этим прибором часа три сидела, отрабатывала. Кеннеру я всё показала, у него тоже получается, а вот как у вас пойдёт — не знаю. Если вы сможете волевым воздействием создавать искорку, то я попрошу у мамы этот прибор на время, чтобы вас потренировать.

— У нас не получают пока волевые построения, — грустно сказала Дара.

— Ну тогда выходит, что только мы с Кеннером сможем и вас, и друг друга тренировать.

— То есть вы будете над нами измываться — так, что ли? — недовольно нахмурился Иван.

— Тебя послушать, так можно подумать, что это нам надо, — раздражённо ответил я. — Если мы вас не устраиваем, то нам только проще. Теорию вам Лена рассказала, ну а практику и Генрих обеспечит.

— Не обращай внимания, Кеннер, — торопливо сказала Дара. — Ваня просто глупость сморозил, как обычно. Вы нас устраиваете, конечно.

Иван насупился, но возражать не стал, а буркнул:

— Устраиваете, я просто так сказал.

Ваня уже изрядно социализировался — раньше он так просто не сдался бы. Да он бы вообще не сдался — сидел бы молча и злобно пыхтел. Вот что с нами творят женщины — парень ведь прямо на глазах меняется. Собственно, я всегда подозревал, что хозяин гарема редко является там главным. Даже с двумя женщинами нужна просто железная воля, а управиться с тремя-четырьмя, наверное, вообще за пределами возможностей обычного человека.

— Мы тут вот ещё что обсуждали, — сказала Дара, резко переводя разговор на другое, — эта практика на Севере как-то страшновато выглядит. Может такое быть, что Генрих нас просто пугает?

— Я тоже начал об этом задумываться, — признался я. —

Генрих, конечно, попугать любит, но всё же он вряд ли бы стал что-то от себя придумывать. Кроме того, похожие вещи рассказывала Анна Максакова, а вот она уж точно запугивать не стала бы.

— А отказаться ехать не получится, как ты думаешь?

— Станный вопрос, — удивился я. — Ты сама-то веришь, что можешь сказать «не хочу ехать», и тебе подберут другую практику?

— Не верю, — вздохнула Дара.

— И правильно не веришь, — кивнул я. — Ехать всем придётся. Но что-то с этим Севером всё-таки не так. Знаете, а ведь мне, похоже, есть кого порасспрашивать про Север. Правда, эту тётку все как один называют очень опасной личностью, но на самом деле она мне показалась более-менее разумной.

— Ты о ком говоришь? — заинтересовалась Ленка.

— Есть такая, зовут её Тамила Лапа. К ней раз Драгана пришла за чем-то, но они друг с другом понимания не нашли, ну, то есть, поругались немного. Так вот, Тамила Драгану просто выкинула за порог и сказала больше не приходить. Ты можешь представить себе человека, который способен Драгану Ивлич взять и выкинуть за порог?

— Ничего себе, — поразилась Ленка. — И ты к ней пойдёшь?

— На днях надо зайти, я ей хочу заказать кое-что. Она к тому времени уже должна решить с ценой — посмотрим, сможем ли договориться.

— А если не договоритесь, она тебя просто за порог вышвырнет? Или что-нибудь похуже? Ты далеко не Драгана Ивлич, Кени — ты об этом помнишь?

— Ой, Лен, хоть ты не нагнетай, пожалуйста.

— Я с тобой к ней пойду, — решительно заявила она. — Даже не пытайся один туда идти, понял?

* * *

Сегодня, наконец, прибывал Клаус фон Абенсберг. Я решил встретить его лично — всё-таки это не просто полезный знакомый, а, скорее всего, мой будущий вассал, и выказать уважение будет совсем не лишним для наших будущих

отношений. Ничто не стоит так дёшево и не ценится так дорого, как вежливость — фраза, конечно, порядком затаскана, но до чего же она верна.

К тому времени, когда наша «Бодрая чайка» только показалась в небе, мы с Ленкой уже стояли возле причальной вышки.

— Какой он всё-таки крохотный, — вздохнула Ленка, глядя, как причальная команда подтягивает курьер к захватам.

— Наш дирижабль обещают уже через пять месяцев сдать, — обрадовал я её.

— Долго ещё, — вздохнула она, не особо обрадовавшись. — Надеюсь, нам до того времени никуда лететь не придётся.

— Долго, — согласился я. — Но ты ведь сама захотела нестандартный проект и спецзаказ. Джакузи[5] на дирижабле — это, знаешь ли, совсем не просто. Это даже на корабле не так просто, а на дирижабле одни только проблемы с балансировкой заставляют инженеров за голову хвататься.

[5 — *Jacuzzi* — так называется американская фирма-производитель гидромассажных ванн. Разумеется, в мире Кеннера используется какое-то своё название.]

— Я в этом не разбираюсь, — отмела все аргументы Ленка. Её тон при этом подразумевал, что она желает и дальше не разбираться.

— Можешь не разбираться, конечно, — согласился я. — Но тогда не жалуйся, что долго делают. Скажи спасибо, что вообще за это взялись. А ты, кстати, знаешь, сколько они за твоё джакузи запросили?

— Тебе не о чем поговорить, Кени, кроме как о каком-то дурацком джакузи? — недовольно спросила она.

— Вообще-то, не о каком-то, а о твоём дурацком джакузи, — поправил её я. — Но если тема его стоимости кажется тебе скучной, давай поговорим о чём-нибудь другом.

О чём-то другом она говорить тоже не пожелала, и мы молча наблюдали за швартовкой. Наконец, внешняя дверь гондолы сдвинулась и уехала вбок, и в проёме показались пассажиры.

— А Лада-то какая зая, оказывается, — вполголоса прокомментировала Ленка, глядя на парочку на открытой платформе подъёмника. — Рассказал бы мне кто, в жизни бы не поверила.

— Любовь меняет людей, — высокопарно отозвался я.

— Ты мои слова украл, — фыркнула Ленка. — Но как ни удивительно, похоже, что так оно и есть. Меняет.

Лада действительно выглядела необыкновенно мило, держа Клауса под руку и нежно к нему прижимаясь. Узнать главную оторву дружины в этой робкой лани было решительно невозможно.

— Герр Клаус, Лада, здравствуйте, — поздоровался я, а Ленка просто обозначила вежливый поклон. — Мы рады приветствовать вас в Новгороде. Как долетели?

— Прекрасно долетели, спасибо, господин Кеннер, — отозвался фон Абенсберг. Ну, слава богам — хоть кто-то прекрасно долетел нашим курьером.

— Но пойдёмте же в машину, — предложил я. — Отвезём вас в ваш новый дом.

— Наш новый дом? — тут же заинтересовалась Лада. Вполне ожидаемо — любую женщину волнует её гнездо. Это только мужчинам обычно хватает берлоги.

— Я выделил вам из своего резерва дом в Масляном конце, — объяснил я. — Поживёте там, пока не освоитесь. А потом либо выкупите его, либо подберёте себе какой-то другой вариант.

— То есть мы не обязаны его выкупать? — вопросительно посмотрел на меня Клаус.

— Разумеется, не обязаны, — решительно опроверг я. — Но должен заметить, здесь всё-таки есть кое-какие нюансы. Если вы отвергнете вассалитет, то можете жить где угодно. Хотя даже в этом случае мы не откажемся продать вам этот дом, просто в знак хорошего отношения. Если же вы примете вассалитет, то выбор для вас несколько сузится. Гербовому дворянину и главе семейства подобает жить в соответствующем месте. Землю под поместье князь вам вряд ли продаст, по крайней мере, в ближайшие несколько лет, так что вариант в Масляном конце будет для вас практически идеальным. Правда, дома там недешёвые, но при необходимости мы сможем предоставить какую-то разумную рассрочку.

— Рассрочка вряд ли понадобится, — заметил Клаус. — Кое-какие средства у меня имеются. У нас с братом непростые отношения, но всё же мне не в чем его упрекнуть. Однако у меня есть один важный вопрос: вы упомянули возможность

отвергнуть вассалитет — а какие последствия это повлечёт?

— В этом случае вы не получите герб, — ответил я. — Князь совершенно определённо поставил условиями получения герба вашу клятву за потомков и вассалитет. Каких-то других последствий, пожалуй, и не будет. Может быть, есть ещё какие-то мелкие моменты, но в голову ничего не приходит.

— А будут ли какие-то последствия конкретно с вашим семейством, господин Кеннер?

— Совершенно никаких, — я посмотрел на него с удивлением. — Мы отнесёмся к этому скорее одобрительно. Для нас невыгодно принимать вас в вассалы, этого от нас потребовал князь. Понимаете, вассалитет наложит на нас с вами некие взаимные обязательства. Но если для нас обязательства будут вполне заметными, то от ваших обязательств мы не получим никакой выгоды. Наши семейства настолько различаются по богатству и влиянию, что в обозримом будущем вы просто не сможете быть нам полезными.

— Понимаю, — медленно кивнул Клаус.

— Этот вассалитет необходим, потому что иначе вас обязательно подомнёт кто-то достаточно сильный и наглый. Ваш будущий голос в Совете Лучших — это весомый актив, так что никто вас без внимания не оставит. Именно поэтому князь требует вассалитета — чтобы мы вас прикрывали и гарантировали, что вы не ввяжетесь в какую-то оппозиционную деятельность. Да и вообще, он даёт вам герб, чтобы вы стали самостоятельным семейством. Зачем вы ему в качестве бессловесного придатка непонятно к кому?

— То есть князь вам полностью доверяет, — сделал вывод Клаус.

— Получается так, — согласился я. — И мы это доверие стараемся оправдывать. Наше семейство — верная опора князя.

— Благодарю вас, господин Кеннер, за это разъяснение. Разумеется, у меня и мысли не было отказываться от вассалитета. Я прекрасно понимаю, что мы получим гораздо больше, чем отдадим, и что это выгодно прежде всего нам. Мне просто хотелось увидеть общую картину.

— Ну вот, увидели, — улыбнулся я. — Не стесняйтесь задавать вопросы, герр Клаус, я всегда готов помочь. Загляните при случае в Дворянский Совет — они о вас знают, князь

распорядился предоставить вам всю необходимую помощь. Как минимум, вам нужно непременно познакомиться с основными уложениями по обязанностям дворян и вассальному праву. Кстати, какие у вас вообще планы на ближайшее будущее?

— В самом ближайшем будущем мы с моей милой Ладой планируем сочетаться браком, — он с нежностью взглянул на неё, и она вспыхнула румянцем. Нет, это уже нечто совсем невероятное — может, её там, в плену, подменили на двойника?

— Христианским браком? — любопытствовал я.

— Разумеется, — твёрдо заявил Клаус. — Правда, епископ Ройтер будет, скорее всего, недоволен тем, что моей женой будет не христианка, но церковь такие браки позволяет, и отказать он не вправе.

— Однако Христос разрешает лишь одну жену, — с интересом заметил я.

— Возможно, в будущем появятся и другие женщины, ставшие моими жёнами по какому-то иному обряду, но настоящей женой будет только одна.

Лада скромно потупилась, а от Ленки пришло чувство одобрения — она вообще обожает такие душещипательные моменты.

— Хотя я, признаться, удивлён, что Лада так спокойно относится к подобной перспективе, — добавил Клаус с лёгким недоумением.

— Я, конечно, предпочла бы ни с кем тебя не делить, но если ты пожелаешь ввести в нашу семью ещё кого-то, то я это приму, — со всем возможным смирением ответила Лада. — Я собираюсь слушаться мужа, а не воевать с ним.

Клаус взял её руку, поднёс её к губам и растроганно поцеловал. Я ощущал, что Ленка уже готова прослезиться, да и сам чувствовал искреннее восхищение. Так-то ситуация, казалось бы, простая — если гарем неизбежен, то самым мудрым будет застолбить за собой место старшей жены. Как говорится, если не получается победить — возглавь. Но Лада только что продемонстрировала высший пилотаж, далеко выходящий за рамки этой простой схемы. Я совершенно не удивлюсь, если в результате никаких дополнительных жён так и не появится. Нет, такое мастерство невозможно приобрести, с ним можно только родиться.

— Господин Кеннер, госпожа Лена, — обратился к нам Клаус, — я не могу пока назвать дату свадьбы, но вы в любом случае приглашены. Мы будем рады вас видеть.

— Благодарю вас, — ответил я. — Мы обязательно будем. Кстати, герр Клаус, я бы посоветовал вам задуматься об изучении русского. Большинство дворян в той или иной мере знают немецкий, но всё же незнание языка будет вас заметно ограничивать.

— Йа уже началь учит русски, — ответил он по-русски, и акцент оказался вполне приемлемым.

— Замечательно, — одобрил я. — Однако нам необходимо обсудить ещё один важный вопрос. Поскольку вы решили принять вассалитет и, соответственно, герб... я правильно понял, что вы твёрдо это решили и не передумаете?

— Совершенно верно, — кивнул Клаус, — это окончательное решение.

— Тогда перед нами встаёт очень важная проблема — для главы гербового семейства невместно быть наёмным работником. Это было бы унижением и для вас, и для нас, как сюзерена. Аристократическое семейство должно иметь состояние, а не жить на жалованье.

— Звучит вполне логично, — с оттенком грусти согласился он. — Как я уже сказал, кое-какие средства у меня есть, но их совершенно недостаточно, чтобы называться состоянием.

— Я, конечно, не стану зарабатывать для вас состояние, — я на всякий случай решил сразу внести ясность, чтобы не возникло вдруг напрасных надежд. — Однако оказать кое-какую помощь всё же в моих силах.

— Вот как? — Клаус мгновенно подобрался, и я почувствовал его напряжённое внимание. — Прошу вас, продолжайте.

— Во-первых, если у вас есть какие-то средства, которые вы готовы вложить, можете поговорить об этом с нашим тиуном Кирой Заяц. Впрочем, смотрите сами — может быть, у вас есть свои идеи, как ими распорядиться. А во-вторых — насколько вы хороши как артефактор?

— Весьма неплох, — отозвался он без ложной скромности. — Собственно, я и являюсь главным образом артефактором.

— Тогда позвольте мне обрисовать ситуацию. У нас есть совместная с рифейскими карлами компания «Сад камней».

Она занимается изготовлением уникальных артефактов. Мы уже изготовили и успешно продали наш первый артефакт.

— Только один? — непонимающе переспросил Клаус.

— Пока только один, под названием «Рифейская роза», — подтвердил я. — Он был продан на аукционе за сто двенадцать тысяч гривен.

Абенсберг с Ладой в полном изумлении дружно на меня уставились. Я сначала не понял было, отчего удивилась Лада, а потом вспомнил, что она пропустила это событие. Как раз примерно в то время она и ковала своё женское счастье, аркая милягу Клауса, так что ей определённо было не до рифейских роз.

— Я же сказал, что мы делаем уникальные артефакты, — напомнил я.

Клаус только покрутил головой, не найдя подходящих слов.

— Так вот, я изначально предполагал, что если наше предприятие окажется успешным, то артефактор тоже получит в нём некую долю. Однако я так и не пришёл к решению, давать ли долю Бажану Второву, который пока является студентом и в целом всё-таки не обладает достаточной квалификацией и опытом для такой работы. Один успех ведь ещё ничего не гарантирует. Пока я раздумывал, его родственники загорелись идеей сами зарабатывать на работах Бажана — «Рифейская роза» создала ему достаточную репутацию, так что спрос на его работы действительно есть. В принципе, если я предложу ему долю, он, скорее всего, предпочтёт остаться у нас, но я по-прежнему сомневаюсь. Одним словом, если вы сможете его заменить, и у вас будет такое желание, то я предпочёл бы отдать эту долю вам.

Я, конечно, не стал упоминать ещё один момент — мне интереснее привязать этой долей своего вассала, чем Бажана, который мне, по большому счёту, не особенно нужен. Да к тому же он всё равно рано или поздно от меня уйдёт — семья для него важнее, а его семья давно тяготеет зависимостью от меня, и им категорически не нравится, что Бажан тоже со мной связался.

— Благодарю вас, господин Кеннер, — с лёгким удивлением ответил Клаус. — Неожиданное предложение, и крайне интересное. Кстати, позвольте вопрос, чисто любопытства ради — вы предложили бы это мне, если бы я отказался от

вассалитета?

— Совершенно точно нет, — улыбнулся ему я.

Глава 7

Я зябко повёл плечами — снега ещё не было, но в ветерке уж явственно ощущалось дыхание стужи. День выдался прохладным, и особенно это чувствовалось здесь, на Смоленском-грузовом, где на просторных перронах, подходящих для выгрузки тяжёлой техники, ветер гулял безо всяких помех.

К счастью, ждать оставалось совсем недолго — вдали уже показался паровоз, тащивший головной эшелон дружины. Формально я был совершенно не обязан их встречать и вполне мог бы принять доклад командира дружины в своём кабинете. Но я давно усвоил простую истину: если ты относишься к своим людям формально, то не удивляйся, если они и служить станут тоже формально. До панибратства опускаться, конечно, ни в коем случае нельзя, но всегда полезно проявить внимание и показать, что они тебе не безразличны.

Тем временем натужно свистящий турбиной паровоз подтянул, наконец, вагоны к погрузочным платформам, и лязгнув сцепками, состав остановился. Штабной вагон оказался немного дальше, и я помахал рукой спрыгнувшему с подножки Лазовичу. Станислав, видимо, увидел из окна мой лимузин и с выходом из вагона тянуть не стал. Он огляделся по сторонам и быстрым шагом двинулся ко мне, а я неторопливо пошёл ему навстречу.

— Здравствуйте, господин! — Станислав козырнул мне, широко улыбаясь. — Приказ успешно выполнен, дружина возвращается в пункт постоянной дислокации.

— Рад тебя видеть, — я улыбнулся в ответ. — Мы тут здорово волновались за вас. Как доехали?

— Хорошо доехали, без происшествий. Поляки нас пропустили без задержек — похоже, решили, что раз уж сам герцог Баварский не стал с нами связываться, то и им не стоит пытаться.

— Как настроение у людей?

— Прекрасное, какое же ещё? Ни разу выстрелить не пришлось, и при этом хорошие боевые получают. Отлично отдохнули, в общем. Кроме разве что инженерных подразделений, вот те днём и ночью трудились. Когда мы позиции людям архиепископа сдавали, те только глаза пучили,

глядя на нашу систему дотов. Они ожидали простые окопы увидеть, а мы там целый укрепрайон возвели. Кстати, нельзя ли им дополнительно премию выписать? Парни действительно заслужили — поработали на совесть.

— Выпишем, раз заслужили, — согласился я. — Архиепископ расплатился щедро.

— Всё-таки расплатился, — с облегчением сказал Станислав. — Я боялся, что с этим проблемы будут, очень уж его представитель морду кривил. Я даже не понял, чем он недоволен.

— Вы там ни при чём, — успокоил его я, — всё дело в политике. Трир остался целым, но архиепископ в результате всё равно оказался проигравшим, вот и нет ему повода для радости. Но формально мы Трир спасли, так что ему жадничать с оплатой было бы совсем неприлично. А поскольку он платит не свои деньги, то зажимать оплату смысла и нет — с чужими деньгами легко и приятно быть щедрым.

— Он не свои деньги заплатил? — удивился Лазович.

— Это деньги из фонда магистрата, — пояснил я. — Архиепископ надеялся этот фонд себе подгрести, но не вышло. Так что он своей щедростью и публике продемонстрировал, что считает себя победителем, и магистрату пакость сделал.

— Мне это не понять, наверное, — покрутил он головой.

— Вот и не надо понимать. Никакой радости это тебе не добавит, поверь. Я бы тоже лучше не понимал, но приходится. Ладно, Христос с ним, с архиепископом — рассчитался, и хорошо. С местными у вас проблем не было?

— Совершенно никаких. Они там здорово боялись баварцев, так что мы для них были спасителями. Относились к нам, как к родным. Трое наших парней оттуда жён привезли, а одна девчонка даже мужа.

— Ну надо же! — поразился я. — А кто мужа привёз?

— Да вы её вряд ли знаете — связистка из группы воздушной разведки. Она сама немка, кстати, вот и нашла там себе Ганса по душе.

— Получается, неполная у тебя информация, Станислав, — задумчиво сказал я. — Две мужей привезли, а не одна.

— А кто ещё? — изумился Станислав.

— Лада Дорохова, — ответил я, с интересом наблюдая, как глаза у него лезут на лоб.

— Она же в плену была — когда успела?!

— Вот в плену и успела. Завтра имперский паладин Клаус фон Абенсберг станет гербовым дворянином Новгорода и принесёт вассальную присягу семейству Арди, а послезавтра Лада выйдет за него замуж и станет аристократкой Ладой фон Абенсберг.

Станислав в ошеломлении покрутил головой.

— Ну, Дорохова! Нет, ну как это у неё вышло? Знаете, а я ведь всегда говорил моему начштаба, что Лада далеко пойдёт, если её не успеют раньше прибить.

— Получается, что вы не успели, — заметил я.

— Выходит так, — согласился он. — Быстро она это провернула. И что с ней теперь делать?

— Сам над этим голову ломаю, Станислав, — с досадой сказал я. — Аристократке служить простой боевичкой вроде как и не положено, но куда её деть? Да она и сама вряд ли захочет из боевиков уходить, ей же развиваться надо. Так ни до чего и не додумался. Ладно, как выйдет замуж — соберёмся с ней и с Клаусом, будем вместе решать, как дальше жить.

* * *

Я придержал Ленку, когда она уже собралась было вылезти из машины.

— Лен, я тебя очень прошу — будь с ней поосторожнее, — немного нервно сказал я. — Наверняка её не так просто опасной называют, так что будь повежливее, пожалуйста. И обращай к ней на ты, она почему-то не любит обращения на вы.

— Она вроде же древняя совсем, вот потому и не любит. В те времена люди друг к другу проще обращались, — беззаботным тоном объяснила Ленка, отчего я только больше встревожился. — Всё нормально будет, Кени. И кончай нервничать — она это обязательно почувствует, и ничего хорошего в результате не выйдет.

— Всё, я уже успокоился, — мрачно ответил я. — Пойдём.

Она, конечно же, была права — не то время и место, чтобы проявлять неуверенность. Я собрался, приглушил эмоции и решительным шагом двинулся к дому Тамилы. Как и тогда, декоративные фигурки в палисаднике сразу же на нас

установились. Мы остановились перед калиткой, и я уверенным тоном произнёс:

— Тамила, это Кеннер Арди, я с женой к тебе.

Налетел лёгкий порыв ветра, и калитка нехотя открылась. Мы прошли по мощёной дорожке к двери под пристальными взглядами собачек и кисок.

— Забавные зверюшки, — заметила Ленка. — Они кусаются, наверное?

— Кусаются, скорее всего, — согласился я. — Трудно что-то ещё придумать. Можно, конечно, придумать что-нибудь позабористее, какие-нибудь лучи из глаз, но это дурость полная, по-моему.

Входная дверь дома медленно приоткрылась, приглашая войти, и мы воспользовались приглашением. Как и тогда, хозяйка нашлась в гостиной — сидящая в том же кресле, и опять с каким-то вязаньем.

— Здравствуй, Тамила, — поприветствовал я её.

— Это почему ещё дурость? — хмуро спросила она вместо приветствия, не обращая внимания на Ленку.

— Наверняка не скажу, конечно, но скорее всего, дурость, — ответил я, без приглашения устраиваясь в кресле и кивая Ленке на соседнее. — Выглядит эффектно, но реализовать наверняка сложнее, а по боевым качествам, скорее всего, уступает кусанию. Разве что для показухи сделать, воров пугать.

— Хм, — неопределённо буркнула Тамила.

— Что, в самом деле что-то вроде лучей сделала? — удивился я. — Ну, тебе виднее — может, я и не прав. Познакомься с моей женой, её Леной зовут. Лена, а это Тамила Лапа, я тебе про неё рассказывал.

— Что он тебе про меня рассказывал? — Тамила недружелюбно посмотрела на Ленку.

— Что ты когда-то Драгане наваляла, и вообще опасная, — легко ответила та. — И что, правда наваляла?

— А что, есть сомнения? — нахмурилась Тамила.

Я волевым усилием подавил панику и придал эмоциям оттенок дружелюбного любопытства.

— Не то чтобы есть сомнения, — обстоятельно ответила Ленка. — Но с Ганой справиться не у всякого выйдет. Просто интересно, как у тебя получилось.

— Хочешь проверить? — обманчиво ласково предложила

Тамила.

— Ну не здесь же, — не повелась на предложение Ленка. — Да и вообще некрасиво знакомство с драки начинать, как пьяные грузчики. Приезжай к нам в дружину, там и места достаточно, и вообще всё для этого приспособлено.

— Думаешь, сможешь со мной справиться? — прищурилась та.

— Вряд ли получится, — честно ответила Ленка. — Гана, пожалуй, посильней меня будет. Но всё равно интересно посмотреть, что ты умеешь.

Настроение у Тамилы явно поменялось, лёгкая враждебность, присутствовавшая вначале, испарилась без следа. Она с интересом посмотрела на Ленку.

— Ну надо же, — сказала она с лёгкой иронией, — оказывается, и сейчас встречаются девки с характером. Значит, всё-таки не веришь, что я с этой твоей Драганой справилась?

— Да нет, так-то верю, — немного смутилась Ленка. — Но очень уж хорошо ты безобидной прикидываешься. Вот смотришь на тебя и не понимаешь, как эта бабушка с вязаньем сумела Гану отпинать.

— С каким ещё вязаньем? — не поняла Тамила.

— Которое у тебя на коленях лежит.

— Ты это видишь? — поразилась Лапа.

— А не должна? — в ответ удивилась Ленка.

— А ты тоже видишь? — обратилась ко мне Тамила.

— Не очень хорошо, — признался я. — Вижу какой-то комок ниток, но если начинаю всматриваться, то он начинает как бы расплываться, и взгляд с него постоянно соскальзывает.

— Вы что — на полночь ходили? — она пытливо посмотрела на нас, переводя взгляд с меня на Ленку.

— Куда? — не понял я.

— Ну, в северные земли.

— Нет, мы там не были никогда. Правда, летом нас хотят туда на практику отвезти.

— На практику! — саркастически фыркнула Тамила. — Ну-ну, попрактикуйтесь. А вот это вы видите?

Она швырнула на журнальный столик между нами прозрачный камешек, который приземлился с мягким звуком, как будто сделанный из резины. Камешек выглядел очень знакомо.

— Сатурат, — уверенно ответил я. — Очень редкий. У нас есть несколько таких, но этот, пожалуй, даже чуть прозрачнее наших.

— Он на самом деле совсем непрозрачный, — задумчиво сказала Тамилла. — Но удивительно, что вы вообще можете его видеть. Как-нибудь расскажешь мне, где вы научились так смотреть.

— Могу и рассказать, — согласился я. — А ты мне взамен расскажешь про Север.

— А с чего ты взял, что я могу что-то рассказать про Север?

— Ну ты же там с повольниками была?

— Откуда ты знаешь, что я в поволье ходила? — она резко напряглась.

«Как-то очень уж я топорно действую», — поразился себе я. И ведь в самом деле — обычно я таким прямолинейным не бываю, и откровенность более или менее дозирую. Не должен я был так непозволительно расслабиться, не тот здесь собеседник и не та обстановка. Может, что-то здесь на меня незаметно воздействует? В любом случае назад уже не повернуть, придётся отвечать.

— Когда ты так неуважительно с Драганой обошлась, Круг Силы начал про тебя собирать информацию, и кое-что всё-таки раскопал.

— И что же он раскопал? — она требовательно уставилась на меня.

— Ну... — я заколебался.

— Говори! — резко потребовала Тамилла.

— Ну, в общем, что ты была возлюбленной старшего ватаги, а когда он погиб, то сама начала ватагу водить. Вот и всё, что я знаю.

— Возлюбленной! — с отвращением повторила она. — Сочинили какую-то слащавую историю, прямо плюнуть хочется.

— Не так всё было? — предположил я.

— По форме-то вроде так, — признала она. — Но не было у нас особой любви. Так, дружились... А потом, когда его высосали, я даже обрадовалась, хоть и нехорошо так говорить. Дрянь был человек... поначалу казался кем-то вроде героя из былин, а потом я разглядела, чего он стоит.

— Но тебя ватага потом старшей признала? — утвердительно спросил я, отметив для себя интересный момент

насчёт «высосали».

— Признала ватага, как же, — усмехнулась она. — С троими в круге дралась до смерти, одного втихую зарезала, а ещё двоих потом незаметно отравила. Остальные признали в конце концов. Ну как признали? Бурчали, но слушались... Потом, когда все померли, я даже вздохнула с облегчением — очень уж это всё давило.

— Зачем тебе это вообще было нужно? — не удержался я от вопроса. — Ты так сильно хотела ватагу водить?

— Одна бы я с тех мест не вышла, — с лёгкой печалью ответила она. — А если бы просто с ватагой осталась, то меня бы сразу в ватажные шлюхи определили, и это в лучшем случае. Там всё уже без меня решено было. Так что вариантов у меня и не было.

— Ну, так со всеми историями бывает — рассказывают покрасивей, а правда мало кого интересует.

— Вот пусть и дальше не интересует, — жёстко сказала Тамила, посмотрев мне в глаза.

— Всё, что ты нам сказала или скажешь, дальше нас не уйдёт, — с достоинством ответил я, выдержав её взгляд. — Если я что-то из этого захочу кому-то другому рассказать, сначала у тебя разрешения спрошу.

— Ладно, поверю тебе, — согласилась она, отводя глаза.

— Так ты расскажешь нам про Север? — напомнил я.

— Нет, не расскажу, — она покачала головой. — Может быть, когда-нибудь потом, если узнаю вас получше. Если вообще захочу вас узнавать получше.

— Договорились, — согласно кивнул я. — Ну и мы про сатураты тебе позже расскажем. Если узнаем тебя получше.

— Договорились, — ухмыльнулась она.

Пока мы с Лапой мерялись взглядами и историями, Ленка, наконец, заметила оружие на стене, и во все глаза его теперь разглядывала. Не удивлюсь, если она вообще не слышала, о чём мы разговаривали.

— Странное оружие, — заметила она. — Тамила, ты в поволье с этим ходила?

— Любишь железо? — вместо ответа спросила та.

— Люблю, — призналась Ленка. — Но такого никогда не видела.

— И вряд ли увидишь, — усмехнулась Тамила. — Это не

отсюда железо. Хотя кто тебя знает? Может быть, ты как раз и увидишь... А в поволье я с обычной рогатиной ходила. Нет её здесь, потеряла я свою Марусю.

— Здесь ещё на лезвии рука выбита, — заметила Ленка, пристально рассматривая меч с лезвием причудливой формы. — Выглядит очень необычно.

— Рука духа, — ответила Тамила, внимательно на неё глядя. — Только не вздумай прикасаться, духу это может не понравиться.

— К чужому оружию без разрешения хозяина не притрагиваюсь, — оскорблённо ответила Ленка.

В эмоциях Лапы ясно различалось одобрение — Ленка ей явно понравилась. Увидела в ней родственную душу? Похоже на то.

— Ладно, Лена, и впрямь заеду к тебе как-нибудь, — с улыбкой сказала она, уже совсем дружелюбным тоном. — Посмотрим, действительно ты такая боевая, или просто прикидываешься. Но смотри — сама предложила подраться, так что не плачь потом.

— Приезжай, Тамила, — кивнула Ленка. — Плакать не буду.

Тем временем я встал и тоже подошёл к стене. На лезвии меча действительно присутствовал отпечаток ладони, причём выглядел он так, будто находился в глубине лезвия.

— А что значит «рука духа», Тамила? — спросила Ленка, разглядывая отпечаток.

— Дух-покровитель через такой отпечаток может направлять оружие, — объяснила она. — Очень помогает в бою, обычный человек не может противостоять оружию духа, будь он хоть каким мастером меча.

— Нам многие духи служат, Тамила, — с ясно выраженным сомнением сказала Ленка. — Был даже очень старый дух, который ещё вместе с галлами против легионов Цезаря воевал. Но никто из них оружия не направляет, да и вообще толку от этих духов не так уж много.

Ну, насчёт «не так уж много толку» я бы поспорил — как шпионам, духам цены нет. На территории поместья от них ничего спрятать невозможно, так что мы знаем абсолютно всё, что там происходит.

— Духи разные бывают, Лена, — мягко сказала Тамила. — Те, про кого ты говоришь — это просто мелкие паразиты. Даже

когда они из себя изображают богов, они всё равно остаются мелкими паразитами. Я говорю о настоящих духах, которые живут не здесь, и к нам только изредка заглядывают. Их иногда ещё называют истинными богами, но в целом люди их мало интересуют. Вот такого можно уговорить быть покровителем, и он будет тебя направлять и защищать.

— И как можно получить духа-покровителя? — сразу же заинтересовался я.

— Забудь об этом, — усмехнулась она. — Такие, как ты, к духу-покровителю не вызывают. Ты для этого слишком продуманный. Вот жена твоя для такого дела достаточно сумасшедшая, но ты её, наверное, от подобной глупости удержишь.

— Это почему я сумасшедшая? — обиделась Ленка.

— Ну, может быть, и не сумасшедшая, — не стала настаивать Тамилла, — но достаточно отбитая на голову, чтобы рискнуть и воззвать. Лучше не делай этого — не советую, правда не советую.

— Но ты же, получается, рискнула воззвать?

— Потому что дура была полная, — сердито сказала Тамилла, хотя я чувствовал, что сердится она скорее на себя. — Я в тот момент вообще о последствиях не задумывалась, да и не понимала толком, что там за последствия. Хотя, если посмотреть, у меня и выбора особенно не было, вряд ли я без этого смогла бы выжить. Но повезло, не умерла. И до сих пор пока везёт.

— А в чём риск? — спросил я. — Дух смотрит, как ты себя вёл, и если не сочтёт достойным, то убивает?

— Именно так, — кивнула Тамилла. — Только там всё немного сложнее — дух не воспринимает время, для него нет понятия сейчас и потом. Он видит всё дерево жизни целиком, и смотрит не только на прошлые поступки, но и на будущие тоже. Если в будущем есть сильная ветвь, где воззавший совершает какой-то недостойный поступок, дух его просто убивает. Причём ты даже не знаешь, какой поступок он может счесть недостойным. Например, ты покормишь кошку, которая потом съест птичку, которую этот дух по какой-то причине считает важной.

— Но ведь будущее не определено, — заметил я. — В любой момент что-то может измениться, и нальётся силой новая

ветвь, а старая станет призрачной. И в новой ветви могут оказаться поступки, не устраивающие духа.

— Тогда дух убивает. Потому я и говорю, что только дураки уверяют себя покровительству духа — ты можешь в любой момент умереть неизвестно за какую вину. Но у меня тогда действительно выбора не было. Хотя иногда встречаются и полные идиоты, которые просят покровительства для всего рода. Ладно, что-то я слишком уж с вами разговорила. Чего ты хотел-то?

— Да с крокодилами этими дурацкими решить.

— Ах да, крокодилы, — она тихонько засмеялась. — Шесть рыл тебе нужно, так?

— Всё верно, шесть штук, — подтвердил я. — Три пары, если точнее.

— Могу сделать. За каждого пять тысяч гривен мне заплатишь и ещё дашь материалы вот по этому списку.

«Тридцать тысяч! Дороговато мне обходятся маркетинговые находки моих сотрудников!», — недовольно подумал я, забирая со стола список.

— Ну, что скажешь? — потребовала ответа Тамила.

— Насчёт денег согласен. А по списку надо сначала выяснить, что из этого реально получить, и во сколько это всё обойдётся. Как выясню, так и ответ дам.

— Ты со мной торговаться, что ли, решил? — сморщила нос она. — Говори сейчас.

— Тамила, ты сказок, что ли, перечитала? — раздражённо спросил я, складывая лист со списком и засовывая его в карман. — Где Иван-дурак сразу на всё соглашается и любые обещания раздаёт? Так это только в сказках так бывает.

— В моё время сказки слушали, а не читали, — сварливо заметила она.

— Ну, значит, переслушала, — не стал спорить я.

Глава 8

Эльма Ренская с детства страдала несдержанностью. Ну как страдала? Иногда и наслаждалась. Но всё же она ясно понимала, что это недостаток, что он ей здорово мешает, и было бы неплохо каким-то образом от него избавиться. Избавиться никак не получалось — в какой-то момент глаза застилала красная пелена, и все разумные мысли отходили на задний план. Она всегда при этом помнила, что надо бы остановиться, успокоиться и найти другое решение, но в такой момент все эти соображения становились совершенно неважными.

Младшая сестра-погодок, равняясь на старшую, выросла точно такой же. В старшей школе их характер скорее помогал — школа поощряла здоровую агрессивность учеников, и даже нездоровая частенько сходила с рук. Очень скоро школьники уяснили, что стоит задеть одну из сестёр, как рядом с ней тут же встанет вторая, и обе будут драться, не щадя себя, пока не победят или не упадут — со щитом или на щите, как было принято у спартанцев. Неудивительно, что желание связываться с сёстрами у всех быстро сошло на нет.

Поступать после школы обе они планировали, разумеется, на боевой — а куда же ещё? Путь выглядел прямым как стрела, но незадолго до окончания школы Эльму вызвала к себе Мать рода.

— Как у тебя с учёбой? — поинтересовалась Ольга.

— С учёбой всё хорошо, Мать, — несколько настороженно ответила Эльма, гадая, к чему бы этот интерес. — У меня почти все оценки в аттестате будут превосходно.

— Куда хочешь поступать после школы?

— В Академиум на боевой, Мать, — ответила она, ещё больше насторожившись.

— Не пойдёшь ты на боевой, Эльма, — вздохнула Ольга. — Выбери любой другой факультет, и род тебе поможет. Любой, кроме боевого.

Сердце у Эльмы ухнуло вниз. У неё не было даже сил ни протестовать, ни спорить, она лишь беспомощно спросила:

— Но почему, Мать? Почему именно я?

История Милославы Ренской имела одно важное последствие для молодёжи Ренских: род отказался от старой

практики, когда старшие определяли, кем станут молодые. После того как Милослава чрезвычайно убедительно доказала, что именно её выбор был верным, молодые потребовали, чтобы их желания учитывались в первую очередь. К удивлению верхушки рода, требования молодёжи поддержали и многие старшие, которые, как оказалось, тоже были недовольны выбранным для них путём развития. Момент был подобран идеально — Ольга просто не могла сказать «нет» после своего оглушительного провала с Милославой, и новая реальность стала фактом. Как оказалось, не для всех.

— Видишь ли, Эльма, — Ольга явно чувствовала себя неловко, — так нужно не роду, это ради тебя самой. Тебе нельзя идти в боевики. Мы долго обсуждали этот вопрос и между собой, и с твоими родственниками — да-да, и с твоей матерью тоже, — и все единогласно сошлись на том, что в боевиках ты не выживешь.

— Почему, Мать? — повторила Эльма, пытаясь уместить всё это в голове, и мучительно осознавая предательство своей матери, которая всегда знала о её мечте.

— Ты плохо владеешь собой, Эльма, — с сочувствием объяснила Ольга. — У тебя в драке разум полностью отключается, и ты начинаешь переть напролом. В школьной драке это, наверное, хорошо, но в реальном бою ты обязательно станешь делать ошибки и умрёшь. Поверь мне — мы очень долго наблюдали за тобой, и это было очень трудное для нас решение. Но другого выхода мы не видим — в боевики тебе идти нельзя.

— И куда же мне идти? — с тоской спросила Эльма.

— Роду нужны алхимики, — ответила Ольга, — но если ты предпочтёшь какой-то другой факультет, мы не станем тебя принуждать. Иди на любой, кроме боевого.

— А моя сестра? Она пойдёт на боевой?

— У Нельмы та же самая проблема, к сожалению, — покачала головой Мать. — Вы слишком похожи, так что для неё боевой тоже закрыт. Ты пока не говори ей, её я тоже пригласила и скажу ей всё сама.

Вот так сёстры неожиданно для себя стали алхимичками. Несдержанность, с которой сёстры давно свыклись, и на которую перестали обращать внимание, вдруг полностью закрыла им путь к мечте. Однако для Эльмы, как оказалось, на

этом ещё ничего не закончилось. Учёба в Академиуме прошла более или менее нормально — мелкие проблемы периодически случались, но последствия ограничивались простым выговором или, в крайнем случае, разбирательством в деканате.

Беда пришла уже после окончания Академиума, и с неожиданной стороны. Эльму высмеяла одна из старших — даже не то что высмеяла, просто обидно пошутила. Но у Эльмы как раз случился приступ плохого настроения, шутка резанула по живому, и глаза привычно заволокло красной пеленой. К несчастью, положение в роде этой старшей было гораздо выше не только Эльмы, но и её матери. Всё могло бы закончиться просто лёгким позором, если бы старшая её избила, но вышло ровно наоборот — это Эльма избила старшую. Случился грандиозный скандал, дело дошло до Матери рода, и Эльма поехала в Рифейск, в ссылку.

Однако здесь Эльме просто невероятно повезло — но должно ведь человеку хоть изредка везти, правда? Кеннер Арди отдал роду работу со сплавами рифов, и она неожиданно обнаружила себя в центре дела, которое оказалось для рода важнейшим направлением развития. Всё выглядело просто замечательно, однако в бочке мёда нашёлся и здоровенный черпак дёгтя, или, скорее, навоза. Его звали Норит.

И вот сейчас Эльма слушала его разглагольствования на тему какими идиотами являются все без исключения наружники, а в особенности до чего же тупы их, наружников, бабы. Точнее говоря, она в эту чушь даже не вслушивалась, а размышляла, не потому ли Кеннер Арди отдал всё это направление Ренским, что не хотел иметь дело с этим дебильным уродом из грязной пещеры. Как легко можно видеть, мнения сторон друг о друге не сильно различались.

— ... и что поразительно, они все настолько тупы, что даже в бляди не годятся, — завершил своё глубокое наблюдение Норит.

«Да кто б тебе ещё дал, козлу тупорылому, — с ненавистью подумала Эльма. — Это ж насколько надо себя не уважать».

— Тебе-то, понятное дело, правда не нравится... — с издёвкой продолжил Норит, насмешливо на неё глядя.

Закончить выступление у него не получилось. На Эльму нахлынуло знакомое бешенство, и все мысли куда-то разом исчезли. Она вскочила, перегнулась через стол, и её кулак

впечатался в рот, уже открывшийся, чтобы изречь очередную гадость. Нелепо взмахнув руками, Норит вместе со стулом улетел на пол.

«Что я наделала!» — ужаснулась Эльма.

Норит кряхтя поднялся на ноги и счастливо осклабился:

— Ну, конец тебе, коза! — заявил он радостно. — Щас юбку тебе задеру да жопу надеру...

Эльма стремительно выскользнула из-за стола. Мысли опять куда-то испарились, и взгляд знакомо заволокло пеленой. Перед глазами осталась только ненавистная рожа, в которую полетел кулак. Дальнейшее она уже не признавала — она была и была, не обращая внимания на удары, которые получала сама.

Всё закончилось внезапно. Эльма бессмысленно смотрела на большую кучу книг и папок, которую венчал рухнувший стеллаж. Из горы торчали две ноги. Сразу вспомнилось напутствие Ольги: «Запомни, Эльма — это очень важное для рода направление. Если мы провалим его, мы не отделаемся просто потерей денег, у рода будут очень большие неприятности. Князь нам провала не простит. Не подведи нас Эльма, будущее рода сейчас зависит от тебя».

«Всё верно этот урод сказал, конец мне, — с тоской подумала она. — Куда теперь сошлют? Дальше Рифейска у нас вроде и нет ничего. Хотя нет, здесь ссылкой не отделаться, меня просто придушат, и всё».

Заглянувшая секретарша с ужасом оглядела разгромленный кабинет, затем увидела торчащие из-под лежащего стеллажа ноги и открыла рот — то ли собралась заорать, то ли просто от удивления. Эльма раздражённо махнула в её сторону рукой, и та послушно исчезла, аккуратно прикрыв дверь.

Куча зашевелилась, и из неё задом вылез Норит, с трудом отпихнув стеллаж. Он, морщась, потрогал рукой уже наливающийся фиолетовым обширный бланш под глазом, посмотрел на Эльму и восхищённо сказал:

— Ну и удар у тебя, девка! Прямо как кувалдой гвоздишь!

Эльма непонимающе смотрела на него, не зная, как отреагировать.

— И ведь опять ведьма, — печально вздохнул Норит. — Вот была бы ты нормальной девкой — схватил бы тебя в охапку и увёз с собой. Никому бы не отдал! Ну почему, почему у вас, наружников, только с ведьмами можно нормально общаться?

— Норит, а ты с Анной тоже дрался? — осторожно спросила Эльма, уже начиная осознать ситуацию.

— Редко, — поморщился он. — От Анны вашей толку мало — чуть что, рукой машет и говорит, что иди, мол, домой, надоед. Но иногда получалось смахнуть, у неё тоже неплохой удар. И ещё ногами хорошо работает — разок мне так в ухо заехала, неделю звенело.

«Вот же сучка, — с ожесточением подумала Эльма. — Она же специально не стала мне ничего такого рассказывать. Наверное, злилась из-за того, что пришлось уехать и всё мне оставить».

— Ну ладно, развеялись, повеселились, пора и делом заняться, — бодро заявил Норит, поднимая стул и опять усаживаясь. — Можешь, кстати, и дальше ко мне на ты обращаться, раз такая боевая. Так что у нас с тобой по заказам выходит?

— Тот упругий сплав — мы его, кстати, ластиком[6] назвали, — вот его возьмём побольше, покупатель вроде нашёлся. Прочие сплавы тоже все возьмём, но пока понемногу — их пока не придумали, как применять. Некоторое время нам на это нужно, Норит — каждый новый сплав надо ведь сначала исследовать, выяснить свойства, понять применение, как-то встроить в технологическую цепочку.

[6 — Очевидно, Ренские так и не смогли придумать ничего подходящего и просто произвели название от латинского «elasticus», то есть «упругий».]

— Да я-то всё это понимаю, Эльма, — тот яростно поскрёб затылок. — Но как это старейшинам объяснить? Они же никаких объяснений слушать не хотят, им не слова нужны. Кальциту дирижабли один за другим идут, им уже некуда продукты складывать. От них в обед как начинают запахи ползти, так у остальных грибы во рту сразу колом встают. Люди ведь скоро бунтовать начнут. Нет у нас с тобой времени, совсем нет. Надо нам как-то ускориться.

В последний разговор Эльмы с Матерью, та несколько раз повторила ей: «Запомни, Эльма, самое важное — ластика мы должны брать как можно больше, но при этом карлы должны думать, что это мы им оказываем услугу. Ни в коем случае не показывай им нашу заинтересованность. Сумеешь так сделать — без награды не останешься».

— Ну не знаю, Норит, — поморщилась Эльма, — надо мной ведь тоже старшие есть, и они тоже оправданий слушать не хотят. — Она глубоко задумалась, барабанив пальцами по столу. Норит терпеливо ждал. Наконец, она со вздохом сказала: — Ну ладно, кое-что в пределах своих полномочий я сделать всё-таки могу. Возьму ластика побольше — старшие говорили, что покупатель вроде надёжный, так что рискну. В крайнем случае лишнее подержу пока на складе, а к тому времени, наверное, наши и с другими сплавами разберутся.

— Ай, умница девка, давай так и сделаем, — немедленно согласился Норит. — Мне главное старейшин с шеи снять. Для начала пригнать хотя бы два-три дирижабля со жратвой, они на некоторое время отстанут.

— Дирижабли с едой — это не ко мне, наверное, — озадачилась Эльма. — Здесь я ничего сама решить не могу.

— И не надо ничего решать, не волнуйся насчёт этого, — успокоил её Норит. — Нам от вас только деньги нужны. Переведёшь деньги на «Сундук изобилия», они нам сразу и пригонят всё по списку. У них уже всё готово, они только денег ждут.

— Тогда нет проблем, у нас тоже всё готово, — кивнула Эльма, открывая папку с бумагами. — Сейчас мы с тобой согласуем объёмы, и дирижабль сегодня же под погрузку пойдёт.

* * *

Свадьба получилась настолько скромной, что её и свадьбой-то трудно было назвать. И не свадьба, и не регистрация, а непонятно что. Происходило всё это в крохотной церкви, спрятавшейся в глубине рабочего квартала — я даже не знал, что у нас в Новгороде такая существует. Церковь на время венчания была закрыта для прихожан, а венчание проводил сам епископ Новгородский и Псковский Эдмунд Ройтер. Насколько я понял причину, епископ не захотел смущать умы прихожан, да и священства тоже — очень уж это венчание выбивалось из привычного шаблона. Высокопоставленный функционер церкви женится на язычнице, к тому же ещё и ведьме, а свидетелями выступает парочка ничем не лучше невесты, то есть мы с Ленкой.

Недовольство епископа ощущалось буквально физически, но венчание он всё-таки вёл как положено. Насколько я смог догадаться из нескольких подслушанных фраз, Ройтер сначала вообще отказался венчать молодых, но Клаус выкрутил ему руки, пообещав в этом случае устроить торжественное бракосочетание в каком-нибудь из языческих храмов. Такое унижение церкви непременно дошло бы до папы, который не преминул бы выразить своё недовольство архиепископу Рижскому, а тот, в свою очередь — епископу Ройтеру. Подобная альтернатива устроила епископа ещё меньше, и в конце концов он сдался.

Заминка возникла только с последним из обязательных вопросов: «Обещаете ли воспитывать своих детей по правилам и законам католической церкви?». Я слегка напрягся — по церковным правилам, при отрицательном ответе на любой из трёх обязательных вопросов церемония должна быть прервана. Ответить положительно Клаус тоже не мог, только что дав князю клятву в обратном.

— Обещаю воспитывать своих будущих детей в соответствии с заповедями Господними, — торжественно заявил Клаус.

Лада просто молча улыбнулась и кивнула. Ни о крещении, ни о церкви не было сказано ни слова. Лицо епископа отразило некоторое колебание — ответ его явно не вполне устроил, но после недолгой задержки он всё-таки решил им удовлетвориться и продолжил церемонию.

Мы с Ленкой переглянулись — Клаус, похоже, тщательно продумал этот момент. Ведь, к примеру, фраза из первой заповеди «да не будет у тебя других богов» никак не требует поклонения христианскому богу, она лишь запрещает поклонение другим богам. Для древних евреев такое вольное толкование было, конечно, немыслимым, и заповедь уточнения не требовала, однако если подойти формально, то Клаус вовсе не обещал, что его дети будут католиками — он лишь пообещал не воспитывать их как язычников. Поскольку он этого делать и так не собирался, это обещание ему ничего не стоило.

Наконец, Ройтер с видимым облегчением завершил церемонию.

— Надеюсь, вы не собираетесь покидать лоно церкви, отец Клаус? — с кислым видом осведомился епископ.

— Ни в коем случае, ваше преосвященство, — твёрдо

ответил тот. — Не сомневайтесь во мне.

Епископ вздохнул, явно не вполне убеждённый.

— Ну что же, живите счастливо, — коротко попрощался он, и кивнув нам, двинулся в ризницу. Ну а мы, выйдя через неприметный боковой вход, погрузились в ожидающий нас лимузин и отбыли в «Ушкуйник», где для нас была полностью зарезервирована маленькая приватная терраса.

— И всё-таки, господин Клаус — отчего такая скромность? — полюбопытствовал я, когда мы утолили первый голод, и обстановка стала более свободной. — Нет, я, конечно, не ждал пышного празднества, но всё-таки не ожидал и такого чуть ли не тайного венчания.

— Пришлось, увы, — отозвался он. — Как я заметил, вы обратили внимание на третий обязательный вопрос?

— Насчёт детей? Да, мы, конечно, отметили этот момент.

— Епископ Ройтер вовсе не дурак, и тоже это отметил, — пояснил с усмешкой Клаус. — Он с самого начала догадывался, что подробный ответ может ему не понравиться, вот и не стал настаивать. Епископ — политик, и он понимает, где необходимо проявить гибкость. Именно поэтому он проводил венчание сам, и в отсутствие посторонних. Обычный священник потребовал бы более определённого ответа, да и прихожане обязательно обратили бы внимание на некоторую неполноту моего обещания. И тогда церемонию пришлось бы немедленно прервать. Но должен сказать, что столь узкий формат события был в моих интересах и ещё по одной причине — эта свадьба сама по себе вызов с моей стороны, а более публичная церемония превратила бы этот вызов в демонстративный.

— Да и для меня такая свадьба тоже предпочтительней, — заметила Лада. — Слишком многие будут мне завидовать, так что лучше поменьше выделяться. Зачем мне лишние враги?

— Понятно, — кивнул я. — Интересы всех участников волшебным образом совпали, и всё прошло ко всеобщему удовлетворению. Ну что же, вслед за епископом желаю вам жить счастливо.

— Благодарю вас, — улыбнулся Клаус. — Кстати, о счастливой жизни — нам очень понравился дом, и мы всерьёз задумались о его покупке. Хотя, конечно, цену трудно назвать скромной.

— Масляный конец — очень дорогой район, —

извиняющимся тоном сказал я. — Мы не собираемся наживать на вас — это именно та цена, по которой мы выкупили этот дом у предыдущего владельца.

— А скажите, господин Кеннер — будет ли это нормально воспринято, если мы там поселимся? Я не собираюсь отказываться, но мне хотелось бы точно знать, как это будет выглядеть в глазах общества.

— Для какой-то аристократической семьи проживание в нашем районе действительно выглядело бы несколько неуместно, но для нашего вассала как раз наоборот, это совершенно ожидаемо. Хотя вы, в принципе, могли бы жить в любом районе, при условии, что он является достаточно приличным.

— Нам нравится ваш район, и я надеюсь, что уровень доходов позволит нам там жить. Что подводит нас к вопросу...

— ... о доходах, — закончил его фразу я. — Моё предложение в силе, но прежде всего вам необходимо пройти аттестацию. Во-первых, мы хотели бы иметь возможность предъявить покупателям наших артефактов сертификат мастера, а во-вторых, нужно же хотя бы иметь представление о вашем реальном ранге. Из-за вашей универсальности получается, что у вас несколько разных рангов, каждый в своей области, так?

— Наверное, так, — подтвердил Клаус.

— Не очень удобно. И не очень понятно.

— Что поделать? — развёл руками он. — У нас, я имею в виду орден паладинов, просто нет других вариантов. Вы тренируете своих боевиков как вольников, но для церкви такое неприемлемо. Воевать нам приходится лишь время от времени, непрерывно тренироваться тоже невозможно, так что большую часть времени мы отдаём мирным специальностям. Впрочем, совсем универсалов, вроде меня, и в ордене немного. Мне просто было интересно и то и то, вот и кидало меня из стороны в сторону.

— Ну что же, готовьтесь, проходите аттестацию и приступайте. О конкретных условиях и размере вашей доли говорить пока преждевременно, давайте вернёмся к этому, когда будут готовы результаты аттестации. А сейчас осталось только решить вопрос с госпожой Ладой.

— А что за вопрос со мной? — удивилась Лада.

— Вопрос, который для меня самого неясен, — с досадой сказал я. — Видите ли, с этого дня вы не Лада Дорохова, всего лишь одна из Владеющих на службе семейства, а гербовая дворянка госпожа Лада фон Абенсберг. Я не понимаю вашего положения в семействе, и не понимаю, насколько для вас сейчас уместно служить, как раньше.

Лада серьёзно задумалась — похоже, она только сейчас осознала, что такой резкий скачок в общественном положении меняет очень многое. Эрику, пожалуй, было бы чем поделиться на этот счёт.

— Мне всё равно необходимо ездить на контракты, — наконец сказала она. — Для боевика просто нет другого пути развития.

— Есть много разных путей, как мне не так давно объяснили, но я принимаю ваш довод. И всё же служба в линейных частях для вас уже не подходит. Давайте попробуем сделать так: вы займётесь организацией службы разведки и подразделения спецназначения. Всё как положено — штатное расписание, материальная ведомость, требования и задачи. Справитесь — замечательно, а если нет, то будем искать для вас какой-то вариант попроще.

— Хорошо, господин Кеннер, — согласилась Лада.

— И если позволите дать вам совет, госпожа Лада — вам совсем скоро придётся появиться в свете. В частности, мы должны будем устроить большой приём, чтобы представить обществу наших новых вассалов. Советую вам срочно нанять преподавателя этикета. Я надеюсь, что госпожа Лена тоже не откажется вам помочь.

— Я помогу, — кивнула Ленка.

— Я всё сделаю, — пообещала Лада. — Вам не придётся за меня краснеть.

Глава 9

— Простите, господин, — охранник выглядел смущённым, — но у нас новые правила. Личный транспорт на территорию завода пропускать запрещено. Прикажете вас пропустить?

— Нет, мы выйдем, — ответил я. — Машина подождёт нас на стоянке, как положено.

Мы с Кирой и Эриком, как обычные сотрудники завода, прошли через проходную на территорию четвёртого механического, где нас ожидал управляющий. На лице управляющего мелькнуло разочарование, причина которого мне была, впрочем, кристально ясна. Руководители завода страдали от новых правил доступа на территорию и находили для себя унижительным идти пешком от стоянки через проходную, как какие-нибудь мелкие клерки. Они ещё не потеряли надежду новые правила каким-то образом обойти, но как можно требовать исключения для себя, если этим правилам подчиняется сам глава семейства? Ну а я всегда считал, что если начальник игнорирует общие правила, то и сотрудники будут относиться к ним без уважения — как, кстати говоря, и к самому начальнику, — так что никаких исключений управляющему не светило.

— Здравствуйте, почтенный, — доброжелательно поздоровался я. — Эрик, представляю тебе управляющего завода, почтенного Аксёна Белаву. Почтенный, на господина Эрика Берова-Арди семейство возложило обязанность в числе всего прочего контролировать переоборудование вашего завода, так что на этот период он и будет вашим непосредственным начальником.

— Рад знакомству, господин Эрик, — поклонился управляющий, и тот вежливо кивнул в ответ.

Я охотно воспользовался возможностью свалить на Эрика четвёртый механический. Радости он, конечно, не проявил, но и возражать не стал. Возможно, просто по военной привычке к дисциплине, но я всё-таки надеялся, что он и сам понимает необходимость принимать активное участие в делах семейства — хотя бы для того, чтобы не чувствовать себя бесполезным приложением к жене.

— Как у вас дела, почтенный? — осведомился я. — Есть ли проблемы?

— Если позволите, господин, — вмешалась Кира, — есть одна проблема.

— Которую ты не можешь решить? — удивился я.

— Не то что не могу, — она замялась. — Просто не уверена, что решу её правильно. Если коротко — среди сотрудников, отказавшихся подписать договор служения, есть двое, которым положено его подписывать по должности, а именно заместитель управляющего и главный технолог. Поскольку почтенный в своё время заверил меня в их лояльности, я не стала их увольнять, но ситуация на заводе изменилась, и с ними, наверное, надо что-то решить. Предложить им подписать договор ещё раз, или уволить, или просто оставить всё как есть?

— Предложение подписать исключается, — резко ответил я. — Такое предложение может быть сделано только один раз, да и вообще подобная навязчивость была бы потерей лица для семейства. Эти люди достаточно унизили нас своим отказом, и я не собираюсь давать им шанс унижить нас ещё раз.

Управляющий дёрнулся было что-то сказать, но под моим взглядом подавился словами.

— Договор служения дважды не предлагается, почтенный, — повторил я, пристально на него глядя. — И темы для обсуждения здесь быть не может. С учётом новых требований к безопасности, работать, как раньше, они тоже не могут. Поэтому вариант только один: немедленное увольнение. И кстати, насчёт остальных, отказавшихся подписать: получается, что большинство руководителей предприятия открыто заявили о своей нелояльности — так выходит?

— Я не смотрела на это с такой стороны, но по сути, так оно и есть, — согласилась Кира.

— Учитывая возросший уровень секретности предприятия и степень нашей ответственности перед княжеством, мы не можем рисковать, — сделал вывод я. — Стоит кому-то из них во что-нибудь впутаться, и спросят за это именно с нас. Ведь это мы допустили их на завод, несмотря на ясно выраженную нелояльность, так что мы и будем в этом случае виноваты.

— Вы совершенно правы, господин, — согласно кивнула Кира. — С какой формулировкой увольняем? Утрата доверия в связи с возможной нелояльностью?

— Господин, мы же останемся практически без

руководителей! — взмолился управляющий.

— Для этого у нас есть кадровая служба, почтенный, — наставительно сказал я. — Подавайте заявку, или же продвигайте перспективных заместителей. Это ваша обязанность — решать такие вопросы, все возможности для этого вам предоставлены.

На управляющего было жалко смотреть.

— Может быть, их можно хотя бы перевести на другой завод? — с надеждой спросил он. — Поменяться с кем-нибудь специалистами?

— Нет, почтенный, — покачал я головой. — Мы оказались не нужны им, вот и нам тоже не нужны такие служащие. Но поскольку конкретных фактов нелояльности всё-таки не было установлено, не будем портить им жизнь и дадим возможность уволиться самим. Если же кто-то из них откажется написать заявление на немедленное увольнение, тот будет уволен с формулировкой госпожи Киры. А нам это будет наукой на будущее — люди не ценят незаслуженные подарки. Мы предложили им договор, который они не заслужили, и ничего хорошего из этого не вышло — для нас дело кончилось унижением, а для них увольнением.

Если уж совсем по-честному, то вина в этом была исключительно моей — Кира была против, но я настоял на своём, и мы предложили договоры служения случайным, по сути, людям. Ведь можно было предвидеть, что многие не захотят эти договоры подписывать, но я был твёрдо уверен в репутации семейства, и в том, что все к нам стремятся. Это, в общем-то, и в самом деле так, но как ситуация выглядела именно для этих людей? На завод пришли временные управляющие, которые предложили заключить фактически пожизненный контракт и дали неопределённое обещание в случае чего предоставить равноценную работу. Понятно, что многие предпочли подождать, пока ситуация не прояснится. Ну а сейчас вернуть всё назад уже невозможно, и приходится с ними расставаться. Мы не можем позволить себе держать у себя таких сотрудников, да и им у нас в любом случае ничего не светит с отметкой о нелояльности в личном деле.

— Но довольно об этом, — продолжил я. — Вопрос достаточно неприятный, но мы его, наконец, решили и можем вернуться к более насущным вопросам. Показывайте,

почтенный, как у вас обстоят дела.

Дела обстояли неплохо, по крайней мере, с первого взгляда. Капитальный забор, отгораживающий изрядный кусок территории, был уже частично возведён, и на готовых секциях как раз монтировали загнутые наружу металлические штыри с фарфоровыми изоляторами. Охрана тоже была на высоте — не успели мы подойти к наполовину построенной проходной, как возле нас немедленно появился патруль.

— Кто вы такие? — вежливо, но достаточно твёрдо поинтересовался старший патруля. Было совершенно ясно, что если ответ его не удовлетворит, то нам предстоит посидеть где-то под охраной, пока наши личности устанавливаются.

— Вы не знаете управляющего? — с любопытством спросил я.

— Мы знаем почтенного, но мы не знаем вас, — ответил тот, впрочем, достаточно уважительно. — Нас не предупреждали о посетителях.

— Моё имя — Кеннер Арди. Пригласите сюда начальника охраны, — распорядился я, и патрульный немедленно забубнил в мобилку.

Начальник появился буквально через пару минут.

— Вы знаете, кто я? — спросил я его.

— Да, господин Кеннер, — подтвердил он.

— Вот и замечательно. Кто разрешает доступ на объект?

— Постоянный — только я. Рабочие передвигаются по территории объекта в сопровождении охраны.

— А кто имеет постоянный доступ?

— Только управляющий.

— А если кому-то понадобится посетить объект — как это происходит?

— По предварительной заявке и согласованию с почтенным Антоном Кельминым.

— Очень хорошо, — одобрительно сказал я. — Кельмин всё организовал как надо, я доволен. Итак, первым делом сделайте мне постоянный пропуск. Меня сопровождают господин Эрик Беров-Арди и госпожа Кира Заяц. Для них также изготовьте постоянные пропуска. Впредь все их распоряжения подлежат немедленному исполнению. Кстати, господин Эрик будет курировать этот объект от семейства, так что вы с ним ещё не раз встретитесь.

— А если их распоряжения будут противоречить данным мне приказам? — нерешительно переспросил начальник охраны.

— Странно, что Кельмин не проинструктировал вас, — нахмурился я. — В случае конфликта приказов вы обязаны выполнить распоряжение господина Эрика или госпожи Киры, а затем доложить об этом конфликте почтенному Антону. Кстати, о том, что я вам только что приказал, тоже доложите. И передайте ему, что я распорядился провести для вас инструктаж, чтобы вы больше не задавали глупых вопросов.

— Слушаюсь, господин Кеннер, — вытянулся охранник.

— Изготовленные пропуска передадите нам через Кельмина. А раз пропусков пока нет, сопровождайте нас в этой экскурсии, чтобы у нас не было проблем с патрулями. Ведите, почтенный Аксён, показывайте, что у вас уже сделано и что пока ещё не сделано.

Мы шли по центральной дороге, обсаженной хилыми деревцами, с любопытством глядя по сторонам. Деревья уже облетели и оттого производили впечатление ещё более жалкое. Ничего — придёт весна, и я введу и здесь обычай субботников. На наших старых заводах все давно привыкли к ежегодным посадкам цветов и уходом за деревьями, и такого безобразного промышленного пейзажа там уже не найти.

Пока мы шли вдоль цехов, я заметил пару бригад рабочих, и за каждой бригадой присматривала по паре охранников.

— Охрана присутствует возле каждой группы рабочих? — полюбопытствовал я.

— Если группа где-то в стороне, то да, — ответил начальник охраны. — У нас по правилам распорядка человеку с временным пропуском запрещено находиться вне зоны внимания охраны.

Охрана действительно проявляла бдительность — все встреченные охранники окидывали нас настороженным взглядом, и успокаивались, только заметив рядом с нами своего старшего.

— Кого-нибудь уже задерживали?

— Было двое любопытных, вертелись слишком близко. Задержали и передали дознавателям. Но они не были похожи на шпионов, скорее всего, просто чрезмерно любопытные.

— Ничего, Кельмин разберётся, — хмыкнул я. — Насколько

я вижу, почтенный, никакого строительства вы не ведёте?

— Нашли возможность обойтись без этого, господин, — отозвался управляющий. — После выселения арендаторов мы осмотрели помещения и прикинули, что этих корпусов нам на первое время хватит. Как видите, мы уже начали монтировать оборудование — каких-то особых сложностей не ждём, надеемся управиться месяца за три-четыре.

В цеху, куда мы только что зашли, повсю кипела работа — где-то только бетонировали фундаменты под станки, а кое-где уже возились наладчики.

— Мне кажется, вы немного оптимистичны, почтенный, но всё равно приятно это слышать, — с удовлетворением заметил я. — Особенно приятно, что обошлись без строительства — это серьёзная экономия и денег, и времени.

— Которую большей частью съела неустойка арендаторам за досрочное расторжение договоров, — голос у Зайки был ожидаемо недовольным.

— Мы уже обсуждали это, Кира, — мягко напомнил я. — Выселить арендаторов — это был приказ князя. У нас не было других вариантов, кроме как его выполнить. И если ты вдруг забыла — мы ожидаем за это весьма щедрую компенсацию. Ну что же, почтенный, раз мы всё увидели, давайте продолжим разговор в вашем кабинете.

Только войдя в хорошо натопленное здание заводууправления, я осознал, что здорово промёрз на улице.

— Ну и погода, — проворчал я, вешая в шкаф слегка влажное от морозящего дождика пальто. — Распорядитесь насчёт горячего чая, почтенный, и давайте побеседуем о перспективах производства. Князь ждёт от нас, что мы скуём для него чудо-оружие, и мне хотелось бы точно знать, насколько мы способны удовлетворить его ожидания.

— В принципе, способны, но не сразу, господин, — виновато отозвался управляющий. — Новый сплав — этот самый ластик, — действительно поражает. Он просто чудо, но...

— Но? — с интересом переспросил я.

— Но в переоборудовании существующих бронеходов смысла нет. Они вряд ли получают большую выгоду от более сильных мускулов без серьёзного изменения конструкции. Можно разве что наварить немного дополнительной брони, но это не оправдывает заметного удорожания машины.

— А что насчёт улучшенного теплоотвода?

— В существующей конструкции он повлияет разве что на время боевого применения. Но оно и так никогда не бывает большим, бой не длится часами. Бронеходы идут в атаку и либо побеждают, либо отходят назад. Чтобы получить от улучшенного теплоотвода какие-то выгоды, нужно опять же менять конструкцию.

— Так что я могу пообещать князю, почтенный?

— К лету мы сможем полностью наладить производство новых псевдомускулов и выпустить опытную партию тяжёлых бронеходов по обновлённому проекту. Они смогут двигаться быстрее, будут нести больше брони, а калибр пушки увеличится с шестого до седьмого[7]. Летом можно будет провести войсковые испытания в дружине семейства, и если серьёзных замечаний не будет, то осенью начать серийный выпуск и перевооружение княжеской дружины.

[7 — Шестой калибр — 6/10 вершка, то есть 26,4 мм. Соответственно, седьмой — 7/10 вершка, то есть 30,8 мм.]

— Седьмой калибр избыточен, почтенный, — заметил Эрик. — Для борьбы с бронеходами противника хватает шестого или даже пятого калибра, а для борьбы с тяжелобронированными платформами и оборонительными сооружениями используется артиллерия. Хотя если говорить о пехоте, то очередь осколочных седьмого калибра будет очень серьёзным аргументом.

— Новые бронеходы поднимают планку защищённости, господин Эрик, так что калибры тоже необходимо увеличить. Они должны уметь бороться с такими же бронеходами, а не с устаревшими вариантами.

— Ну что же, ваши обещания звучат неплохо, почтенный, и князю они наверняка понравятся, — подытожил я обсуждение. — Но меня всё же тревожит вопрос — не слишком ли вы оптимистичны? Мне не хотелось бы объяснять князю причины срыва сроков. Он, знаете ли, не любитель таких объяснений.

— Мы очень тщательно всё посчитали, господин Кеннер, — заверил меня управляющий. — Мне тоже не хочется объяснять вам причины срыва сроков. Дело в том, что конструкция принципиально не меняется. По сути, там немного меняются силовые конструкции и суставы заменяются на усиленные. Больше всего хлопот с адаптацией под новую пушку, но в

крайнем случае мы сможем временно оставить старый шестой калибр.

— Хорошо, я верю вам, почтенный. Но имейте в виду — если мне придётся получать выволочку от князя, для вас это тоже даром не пройдёт.

— Я это полностью понимаю, господин, — управляющий слегка побледнел, но держался уверенно.

— А какую цену мы установим на новые бронеходы? — поинтересовалась Зайка. Разговоры о пушках нагоняли на неё скуку.

— Посмотрим по себестоимости, — пожал я плечами. — Рано ещё об этом говорить. Но жадничать мы не будем.

— Не будем жадничать? — изумилась она.

— Не будем, — подтвердил я. — Обычную норму прибыли увеличим, пожалуй, но ненамного. Процентов на пять, не больше. Скорее, даже меньше.

— Вы же говорили, что князь стерпит пятьдесят процентов!

— Возможно, и стерпит, — согласился я. — Но с тех пор я много думал на эту тему и пришёл к выводу, что так поступать ни в коем случае нельзя. Не позволяй быстрым деньгам, которые вот прямо сейчас, застилать тебе взгляд, Кира — смотри вдаль. Даже если он стерпит, без последствий это не останется. Князь помнит всё, и такое поведение он запомнит обязательно. Нам нужно показать ему, что интересы княжества для нас важнее собственного кармана.

— И что мы заработаем таким образом? — хмуро осведомилась она.

— Во-первых, речь идёт о замене всех бронеходов в княжестве — прикинь масштаб этого контракта. Даже пара процентов на таком объёме — это очень большие деньги. Во-вторых, заменяться будут не только тяжёлые бронеходы, и вообще не только бронеходы, и при этом именно мы будем монопольными производителями новых псевдомускулов. И насколько долго мы будем монополистами, решать будет князь, понимаешь?

— Понимаю, — медленно кивнула Зайка. — Действительно, я пропустила этот момент.

— Но это ещё не всё, Кира. Княжеская дружина будет списывать старые бронеходы по мере перехода на новые, и у нас будет исключительное право на их выкуп по остаточной

стоимости — этот вопрос я с князем решу. Мы будем эти бронеходы восстанавливать и продавать в империю, и князя при этом совершенно не будет волновать наша норма прибыли в этой операции. Вот здесь и будет наш главный заработок.

* * *

Все разом замолчали и с удивлением уставились на зазвонивший телефон. Телефон архивному отделу полагался по материальной ведомости, а раз полагался, то и стоял на тумбочке, как положено. С него даже регулярно стирали пыль, но звонил он крайне редко. Да точнее говоря, никогда не звонил — тех, кто этот номер знал, можно было пересчитать по пальцам одной руки, и всем этим людям не было никакой необходимости донимать архивный народ звонками.

Лена в полном недоумении сняла трубку и, держа её, как случайно схваченную крысу, ответила: «Архив слушает». Весь архив и в самом деле слушал.

— Госпожа, — послышался голос Станислава Лазовича, в котором явственно чувствовалось замешательство, — мне только что доложили с КПП, что туда явилась какая-то женщина, назвалась Лапой и потребовала вас.

Лена на мгновение задумалась, а потом до неё дошло.

— Ах, Лапа! — оживилась она. — Я же её и в самом деле к нам приглашала! Спасибо, Станислав — передай им, пожалуйста, что я сейчас туда подойду.

Атмосфера на проходной была напряжённой, и воздух буквально искрил эмоциями. Лапа сидела на лавке и безмятежно грызла семечки, сплёвывая шелуху на пол и насмешливо глядя на двоих молодых ратников, которые с тихой злобой смотрели в ответ. Поведение Лапы им явно не нравилось, но они никак не могли решиться сделать замечание наглой гостье, которая может так небрежно вызвать к себе жену главы семейства.

— Привет, Тамила, — поздоровалась Лена. — Что это за свинство ты здесь развела? У нас так не принято.

— Здравствуй, Лена, — улыбнулась Лапа, ссыпая семечки в карман. — Не хмурьтесь, молодёжь, — обратилась она к ратникам, — мне просто хотелось посмотреть, решится ваша хозяйка сделать мне замечание или нет.

— Я им не хозяйка, — резко возразила Лена. — И что значит «решится сделать замечание»? Я за такое поведение могу и по физиономии наступать.

— Настучишь ещё! — захохотала Лапа. — Ну ладно, води в гости, раз приглашала.

— Пойдём, — кивнула Лена. — Чаем тебя напоить?

— Если только потом. Покажи мне здесь всё.

— Могу и показать, — пожала плечами Лена. — Только зачем тебе? Ничего интересного ты не увидишь, это же обычная воинская часть.

— Мне интересно.

— Ну раз интересно, смотри. Вот это у нас казармы. Наши ратники по домам живут, так что в обычное время здесь мало кто ночует. Кроме дежурной сотни, конечно.

Они зашли в казарму, и Лапа посмотрела на ряды аккуратно заправленных коек. Больше там и в самом деле ничего интересного не было.

— Вот это столовая для личного состава, — Лена показала на небольшое здание, расписанное цветами. — А с другой стороны вход в офицерскую столовую.

— Разное едят? — полюбопытствовала Тамила.

— Там столы со скатертями и официантки еду приносят, а едят офицеры то же самое, что и рядовые. Кеннер не любит, когда начальство выделяется — даже не представляю, где он таких идей нахватался. Но зато готовят хорошо — командиру дружины ведь пережаренные котлеты не подашь.

— И тебе, наверное, тоже не подашь? — усмехнулась Лапа.

— И мне тоже, — усмехнулась в ответ Лена. — Рядовые-то как раз довольны — многие говорят, что их здесь кормят лучше, чем дома. Не знаю — может, и есть смысл в такой системе, когда все из одного котла едят. Кстати, через час обед начнётся — вот сама и попробуешь, если раньше не сбежишь.

— Постараюсь не сбежать, — фыркнула та.

— Вон то здание — это штаб, туда я тебя не поведу. Вдруг ты подосланная, да и вообще не положено. Но там для тебя точно ничего интересного — столы да бумаги. Вон там боксы для техники, за ними ремонтный цех. Могу сводить тебя туда, если железки любишь. С той стороны арсенал, но в арсенал нас не пустят. То есть со мной пустят, конечно, но мне туда совсем не хочется. У каждой двери придётся документы показывать, и

каждый встречный будет начальству докладывать, куда мы прошли, да что там делали. А потом меня муж спросит, для чего я тебя в арсенал водила — ну и зачем мне это?

— Строго у вас здесь, я погляжу.

— А как ты хотела? Это воинская часть. Будь ты без меня, к тебе давно бы уже подошли и поинтересовались, кто ты такая и что здесь делаешь. А за арсеналом спортивный комплекс — пойдём постукаемся, или всё-таки сначала чаю попьём?

— Давай постукаемся, — согласилась Лапа.

Спорткомплекс в это время был пуст, и лишь откуда-то со второго этажа доносился грохот железа.

— Здесь вечером не протолкнуться, — извиняющимся тоном пояснила Лена, — а днём у всех служба. Вот как раз зал свободный, сейчас закроемся, чтобы никто не мешал. Раздевалка вон там, одноразовые комбинезоны у нас тоже есть, если свою одежду хочешь поберечь.

Через полчаса они сидели рядом на лавочке, разбираясь со своими травмами и совершенно одинаково кривясь от боли.

— Так кто же победил-то, Тамила? — Лена морщилась, массируя пострадавший бок. — Получается, всё-таки ты?

— Сложный вопрос, — вздохнула та, рассматривая обширный кровоподтёк на ноге. — По идее, ты раньше упала, но я ведь всё равно тоже легла. Если бы я на ногах осталась, то и победила бы, а так даже не знаю. Ничья, наверное. А ты хорошо дерёшься, с виду даже и не подумаешь. Я была уверена, что ты послабже будешь. Мышцы у тебя никак не выделяются, да и вообще крепкой не выглядишь.

— С мышцами мама помогла — Кеннеру мускулистые женщины не нравятся.

Лапа только хмыкнула, покрутив головой.

— Я вот чего не пойму, Тамила, — задумчиво сказала Лена, — как же ты ухитрилась Гану отпинать? Меня-то она быстро бы уложила.

— А вот скажи — почему ты эти ваши конструкторы не пыталась использовать?

— А зачем бы я их стала использовать? — удивилась Лена. — Мне просто хотелось посмотреть, что ты умеешь. А победа меня не особенно интересовала — какая разница, кто победит? Это же не бой насмерть, а просто дружеский спарринг.

— А если бы Ивлич просто дралась, без ведьминских

фокусов — кто бы из вас победил?

— Ну так-то я бы её быстро уложила, конечно, — прикинула Лена. — Но она без фокусов драться бы не стала. Просто не смогла бы, наверное — у Высших ведь обращение к Силе идёт на уровне инстинкта. Вряд ли у неё получилось бы сдерживаться в то время как ей одна за другой плюхи летят.

— Вот тебе и ответ. На меня эти фокусы не действуют.

— На тебя не действует Сила? — Лена была поражена до глубины души.

— Не действует, — с улыбкой кивнула Тамила.

— Но ведь есть и не прямые воздействия, — вспомнила Лена. — Это когда Сила действует не на тебя, а на какой-нибудь предмет. Например, швыряет в тебя камень.

— Я могу и такое воздействие заглушить.

— Даже так? И почему же на тебя Сила не действует?

— Потому что я частично не принадлежу этому миру, — объяснила Лапа, с усмешкой на неё глядя.

Лена некоторое время потрясённо смотрела на неё, не зная, что сказать.

— А ты, случаем, надо мной не подшучиваешь? — наконец, спросила она. — Ну знаешь, вдруг тебе захотелось посмеяться над наивной девчонкой, которая ушами хлопает и верит всему, что ей говорят.

— На наивную девчонку ты точно не похожа, — засмеялась Тамила. — Я не шучу с тобой, — добавила она уже серьёзно. — Клянусь, что сказала чистую правду.

— Ну ты даёшь, Тамила, — восхищённо вздохнула Лена. — Но когда ты в поволе ходила, ты ведь обычной была?

— Тогда ещё обычной была, — подтвердила Лапа.

— Расскажешь, как так получилось?

— Может быть, когда-нибудь потом, — загадочно улыбнулась Лапа. — Ты своим-то будешь докладывать, что про меня узнала?

— Каким своим? — не поняла Лена.

— Как он там у вас называется? Круг Силы вроде?

— Во-первых, они мне не свои, — оскорблённо ответила Лена. — А во-вторых, у меня вообще нет привычки к кому-то с докладами бегать. То, что ты мне говоришь, между нами и останется.

— И мужу не скажешь? — не поверила Лапа.

— Мужу, наверное, скажу, — признала та. — У нас друг от друга никаких секретов нет, мы с ним слишком сильно связаны. Но он точно так же никому рассказывать не станет. Мы с ним одно и то же — если я что-то пообещала, он моё обещание будет исполнять, как будто он сам это пообещал, понимаешь?

— Понимаю, — кивнула Тамила. — Я, правда, о таких только слышала, сама не встречала.

— Ну вот и встретила, — кривовато усмехнулась Лена.

Глава 10

Чего Богдан Воцкий никогда не любил, так это выделяться. Манеру хвастаться он в корне задавил в себе ещё в раннем детстве, в какие-то шумные затеи никогда не влезал, а если и случался какой-нибудь конфликт, то всегда старался решить его миром. В общем, Богдан Воцкий был довольно незаметной личностью — очень необычное качество для наследника влиятельного семейства. Сверстники, даже стоящие ниже на социальной лестнице, относились к такому поведению с некоторым презрением — подростки вообще склонны к максимализму, и для них ты либо хищник, либо жертва. Жертвой наследник Воцких быть, конечно, не мог, но и к хищникам тоже не относился, что создавало в подростковых умах некий когнитивный диссонанс.

Всё изменилось, когда детство закончилось, и началась взрослая жизнь. Те, кто мнили себя хищниками, вдруг оказались в окружении настоящих хищников, зато Богдан прекрасно вписался в новую реальность. Жертвой он и там не был, и вполне мог при случае показать зубы, зато прекрасно понимал, когда их стоит показывать, когда лучше поискать компромисс, а когда надо просто уступить.

Лет через десять отец Богдана, высоко оценив способности сына, передал ему пост главы, и вскоре тот как-то незаметно оказался выразителем интересов чрезвычайно влиятельного сообщества машиностроителей. Мнение Богдана ценилось также и в довольно замкнутом, но не менее влиятельном кружке инструментальщиков, и даже артефакторы, которые всегда были себе на уме, к Воцкому прислушивались. При желании он легко мог бы стать председателем Промышленной палаты, однако от официальных должностей Богдан всегда шарахался — и, скорее всего, поступал разумно. Сейчас он дружил со всеми, но в председателях дружба быстро бы закончилась. На такой должности невозможно быть просто честным посредником — обязательно придётся опираться на какие-то группировки, а там сразу появятся и враги.

Однако сейчас явных врагов у Воцкого не было, держался он по-прежнему скромно, и получив вызов князя, впал в полное недоумение. Это был именно вызов — перепутать его с приглашением было никак невозможно. Выдержанное в

строгом канцелярском стиле предписание немедленно явиться говорило о серьёзном недовольстве князя, но Богдану не приходило в голову ни малейшей причины для такого недовольства.

Секретарь князя встретил его очень холодно, что полностью подтверждало предположение о гневе князя, а после того как ему пришлось прождать в приёмной пятьдесят минут, Богдан окончательно уверился, что неприятностей не избежать. Наконец, секретарь молча кивнул ему на дверь кабинета, и Богдан в мрачном настроении повернул ручку.

— А, Воцкий, — недружелюбно приветствовал его князь. — Явился, наконец!

По его тону можно было подумать, что Богдан вовсе не сидел почти час в приёмной, а появился вообще через пару дней. Стало кристально ясно, что князь его хвалить не собирается, и настроение у Богдана ещё больше упало.

— Я сразу явился, княже, — хмуро возразил он.

Судя по всему, предложить ему присесть князь не собирался.

— Жалоба на тебя поступила, Воцкий, — продолжал князь, совершенно не обратив внимания на его возражение. — И жалоба обоснованная. Я сам её проверил, так что можешь даже не отпираться. Так с чего ты вдруг решил затеять вражду с Арди? Объяснись!

Богдан вытаращился на него в немом изумлении. Арди были в самом начале списка людей, враждовать с которыми он не хотел бы ни при каких обстоятельствах. Те дураки, что попробовали, очень наглядно продемонстрировали всем, чем это кончается, а умные и так всё понимали, безо всяких примеров. Богдан, вне всякого сомнения, был умным.

— Не понимаю, о чём ты говоришь, княже, — пробормотал он в растерянности.

— Не понимаешь, говоришь? — князь посмотрел на него пронзительным взглядом. — Арди поймали твоего шпиона на четвёртом механическом, когда он вертелся вокруг новых цехов. Кеннер был очень недоволен, представь себе.

На самом деле Кеннер Арди отнёсся к пойманному шпиону с полным безразличием, просто приказав передать его людям князя. Но Воцкий этого, разумеется, знать не мог, а князь о реакции Арди знать и не хотел. Она была ему неинтересна.

— Ну?! — потребовал князь. — Что скажешь в своё

оправдание?

— Да что здесь такого, княже? — наконец пришёл в себя Богдан. — Все ведь так делают. Мы все друг за другом присматриваем, никто против этого особо не возражает. Я и за своим племянником приглядываю. А он за мной, я даже знаю его человека, который у меня на заводе сидит.

— Все так делают, говоришь? — князь посмотрел на него с иронией. — И Арди тоже за тобой шпионят?

— Не знаю, княже, — озадачился тот.

— А ты спроси как-нибудь Кеннера, он тебе ответит, — с ехидством посоветовал князь. — Врать не станет, можешь быть уверен.

— Ну допустим, они не шпионят, и что из этого следует? — хмуро спросил Богдан.

— Из этого следует, что ты за ними шпионить тоже не будешь. Особенно на четвёртом механическом. И дружкам своим передай, что я за это буду головы отрывать — и это не шутка, Богдан. А если Арди сам пожелает вам головы поотрывать, то я его в этом всячески поддержу.

— Почему к Арди такое особое отношение, княже? — Воцкий решил, что терять уже нечего, да не годится всё время мямлить, хоть изредка надо и огрызаться. — Люди у нас недовольны.

— Недовольны, значит? — задумчиво посмотрел на него князь. — И чем же конкретно они недовольны?

— Например, контракт дружины на гусеничную платформу фактически помимо конкурса Арди отдал.

— Контракт дружины Айдас Буткус получил, а не Арди, — поправил его князь.

— Арди по субконтракту три четверти себе забрал, — упрямо возразил Воцкий.

— Ну значит, он с Буткусом подружился, вот они и сотрудничают. Другой бы подружился — другой бы забрал.

— Все видели, как он с Буткусом подружился, — саркастически хмыкнул Богдан. — А многие и нюхали.

История с Буткусом действительно вышла громкая, а поскольку сочувствующих ему было немного, то, можно сказать, юмористическая. Все дружно соглашались, что Буткус нарывался давно, и было только вопросом времени, когда он зарвётся настолько, что сцепится с кем-то, кто ему не по зубам.

Арди при этом были, пожалуй, наихудшим вариантом — сами они редко кого-то трогали, зато сдачи выдавали полной мерой, так что ссора с ними обычно обходилась чрезвычайно дорого. Во всяком случае, Богдан давно пришёл к выводу, что именно контрактом дружины Буткус и сумел откупиться от Арди.

— Тебе-то какое дело, Воцкий? — поморщился князь. — Тебе этот контракт в любом случае не светил, даже субподрядом. Ты и так уже достаточно нахапал.

— Что я нахапал, княже? — Богдан возражал скорее по обязанности — если промолчишь, то получится, что согласен с обвинением.

— Да что я тебе буду объяснять? — махнул князь рукой. — Ты ведь и сам всё знаешь. Ты, конечно, тихушник ещё тот, но зря надеешься, что я твои делишки и дальше буду как бы не замечать. Имей в виду, что я за тобой внимательно слежу. Считай это предупреждением.

Для человека, чьим кредо было никогда не высовываться, такое заявление звучало поистине неприятно. Богдан начал лихорадочно соображать, какое дело князь имеет в виду, и как много он знает. Или блефует? Нет, скорее всего, действительно что-то знает, вот только что? Все эти мысли непроизвольно отразились у него на лице, и князь усмехнулся.

— А насчёт Арди я тебе вот что скажу, Богдан: послужи княжеству, как Кеннер служит, и к тебе отношение будет не хуже. Вот он, например, договорился с архиепископом Рижским, и тот полностью снял пошлины на поставки нашего пилёного леса. Сможешь так? Ага, как дотации себе выцарапывать, так ты в первых рядах, а как княжеству от тебя что-то понадобилось, так головой мотаешь. Или вот ты сейчас получил большой контракт на поставку самоходной артиллерии — а ты знаешь, откуда этот контракт взялся? Нет? Так я тебе скажу — это Арди о поставках в империю договорился. Может, и ты не хуже можешь? Какие у тебя отношения с императором, Богдан — справишься?

— Я всё понял, княже, — выдавил из себя Воцкий, чувствуя себя очень неуютно под пронзительным взглядом князя.

— Так вот, Богдан, я тебя предупреждаю первый и последний раз, — князь говорил очень серьёзно, и тот понял, что это предупреждение и в самом деле последнее. — Что будут производить на четвёртом механическом, вы все и так

очень скоро узнаете, так что можешь не суетиться. Но никаких шпионов там быть не должно, я этого не потерплю! Если узнаю, что твои люди продолжают там шнырять — не взыщи, получишь по полной, как за государственную измену. И друзьям своим мои слова передай.

* * *

Тамила опять нашлась в том же самом кресле. Интересно — она когда-нибудь его покидает? Хотя кресло она всё же наверняка покидает, а вот покидает ли дом — вопрос действительно любопытный. А, нет, ответ на этот вопрос я знаю — она же ездила в дружину к Ленке. Хотя может быть, и не ездила, а каким-нибудь другим образом добиралась — я уже готов поверить во что угодно.

— Здравствуй, Тамила, — поприветствовал её я. — Не помешал?

— Если и помешал, то уже помешал, — недовольно сказала она. — И зачем тогда спрашивать? Ладно уж, заходи, раз пришёл.

Меня её недовольство не особенно смутило — смущаться с Лапой было самым неудачным вариантом поведения, так что я, не ожидая приглашения, устроился в свободном кресле.

— Всё вяжешь? — дружелюбно поинтересовался я, всем видом показывая готовность к светскому общению.

— Вяжешь! — фыркнула она. — Скажешь тоже! Это будут мозги для твоего крокодила. Как видишь, я уже на тебя работаю, а ты всё резину тянешь, ни бе ни ме от тебя не дождёшься.

— Мозги? — поразился я, проигнорировав претензию.

— А что ты удивляешься? — насмешливо спросила она. — Может, у тебя и получается обходиться без мозгов, а крокодилам они нужны. Ладно, нечего попусту болтать, давай поговорим по делу.

С этим она швырнула за спину комок нитей, который у меня всё же никак не ассоциировался с мозгами. Комок прилип к стене и неторопливо пополз в направлении тёмного угла.

— Свет они не любят, всё время стараются спрятаться, где потемнее, — с улыбкой пояснила Тамила, развеселившись от моего изумлённого вида. — Ну так с чем пришёл? Надумал

чего?

— А, ну да, — я с трудом оторвал глаза от ползущего в угол комка, точную форму которого никак не получалось разглядеть. — По списку материалов возражений нет. Не понимаю, правда, зачем тебе три пуда серебра, но пусть будет.

— Да, пусть будет, — согласилась Лапа. — Давай обсудим окончательный вариант. Во-первых, рост зверюшек будет примерно сажень[8].

[8 — *Длина сажени — 2,1 м (48 вершков).*]

— В самый раз, — согласно кивнул я.

— С бронёй решите сами. Сошьёте им какие-нибудь кожаные юбки. Можно ещё жилеты.

— Сошьём, — согласился я, делая заметки в блокноте.

— Вооружением у них будут палицы, — продолжала Тамила.

— Может, лучше копыя? — предложил я. — Чтобы они их скрещивали, например.

— Не пойдёт, — покачала головой Лапа. — Копья и мечи требуют умения, там совсем другого уровня узел управления нужен. Не уверена, что я смогу его сделать. А палицей можно просто махать.

— Ну ладно, пусть будут палицы, — неохотно согласился я. Скрещивание копий производило бы куда более сильное впечатление, но если они не смогут ими драться, то придётся немного ограничить полёт фантазии.

— Дальше идём, — продолжала она. — Глаза. Это у нас будет четвёртый пункт — ты записываешь?

— Всё записываю, Тамила, — подтвердил я. — Говори.

— Они будут провожать взглядом всех проходящих мимо них, а глаза будут светиться красным. Но если хочешь, можно и жёлтым сделать.

— Красным нормально будет, — отозвался я. — А лучи из глаз будут?

— Какие ещё лучи? — не поняла она.

— Лучи смерти какие-нибудь. Чтобы они ими в злодеев стреляли. Как твои зверюшки в саду.

— Откуда ты такую чушь взял? — поразилась Тамила. — Какие ещё лучи смерти? Мои звери в саду просто светят на нежелательного гостя и начинают громко мяукать и гавкать.

— И что — никого даже не рвут в клочья?

— Что за глупости? — она закатила глаза. — Я их сделала, чтобы дети в сад не лазили, а то они повадились яблоки воровать. Они же не столько украдут, сколько попортят, да ещё и ветки переломают. И что — за это их рвать в клочья?

— Нет, детей рвать в клочья не надо, — разочарованно сказал я. Похоже, с идеей боевых лазеров придётся расстаться.

— Какой-то ты слишком кровожадный, по-моему, — осуждающе покачала головой она. — Дальше идём, последний пункт остался: кого и как твои крокодилы будут пропускать?

— Нам будет нужен некий комплект пропусков, чтобы служащий с таким пропуском сопровождал клиента. Не знаю только, в каком виде — наверное, какая-нибудь небольшая штучка, чтобы в руке нести. Показали крокодилам и прошли дальше, а если без неё попытались пройти, то получили дубиной по голове. Как-то так. Только надо, чтобы работало со стопроцентной надёжностью. А то если показал и всё равно получил дубиной, то это создаст нездоровый информационный повод.

— Слишком по-умному говоришь, — нахмурилась Тамила.

— Привычка, — объяснил я. — Приходится много в официальных учреждениях бывать, а там, если по-простому скажешь, то могут и не понять.

Тамила хмыкнула и сменила тему:

— Жена твоя говорила, что ты сильнее её.

— Ты опять насчёт подраться, что ли? — поморщился я. — Нет, я драться не люблю. Дерись с Леной, она только рада будет новому противнику.

— Ну а вообще, — настаивала она. — В самом деле сильнее?

— Да сложно сказать — мы же никогда всерьёз не дрались, и никогда не будем. Я немного посильнее физически, зато она чуть быстрее. Кто из нас победил бы в реальном бою — это гипотетический вопрос, на который мы никогда не узнаем ответа. А у меня к тебе тоже вопрос есть: вот ты Лене сказала, что частично не принадлежишь этому миру — что ты имела в виду?

Когда Ленка мне это пересказала, я сначала просто не поверил, а потом подумал — а не земляки ли мы, случаем? Но как следует обдумав вопрос, решил, что наверняка нет. Хотя бы по той причине, что я этому миру всё-таки принадлежу, и здешняя магия на меня, соответственно, вполне действует. А

что душа не отсюда, так это на материальную принадлежность никак не влияет.

— Мы с тобой пока не такие большие друзья, чтобы тебе душу изливать, — с долей ехидства ответила Лапа. — И почему тебя это вообще интересует?

— Во-первых, меня такие вещи всегда интересуют. Это Лена наверняка уже из головы выбросила, что ты там ей про миры говорила, а для меня это важное знание. А во-вторых, есть и конкретная причина — нас на практику на Север посылают, и преподамы нам про те места какие-то ужасы рассказывают. Они вообще-то очень любят студентов запугивать, но просто так врать не станут, иначе им потом никакого доверия не будет. Так что наверняка в тех местах и в самом деле что-то неприятное есть, и наверняка ты об этом что-то знаешь.

— Что-то знаю, — согласилась Лапа, насмешливо на меня глядя. — Но ты ведь не про полночь спросил, а про меня.

— Мне кажется, какая-то связь с Севером у тебя наверняка есть, — возразил я. — Но ладно, раз доверия у нас с тобой недостаточно, чтобы личные вопросы задавать, задам неличный. Почему звери на Севере такие необычные?

— А сам-то как считаешь?

— Мне-то откуда знать? — вопрос меня удивил. — Я там не был и зверей этих в глаза не видел. Может быть, мутация какая-нибудь?

— Опять непонятными словами бросаешься? — нахмурилась она.

— Тамила, кончай изображать из себя неграмотную крестьянку, — устало сказал я. — Видно же, что ты просто прикидываешься. Не удивлюсь, если выяснится, что ты университет закончила.

Она отвела взгляд.

— Что, в самом деле закончила? — поразился я. — А зачем тогда малограмотной притворяешься?

— Я училась на факультете личностной и общественной психологии, — неохотно ответила она. — Мы там никаких мутаций не проходили.

Может, и в самом деле не знает. Это в том мире каждый разбирается, чем кюри отличается от рентгена, и где сейчас хорошая скидка на счётчики Гейгера, а здесь «мутация» — это термин для специалистов.

— Это на самом деле просто, Тамила — эволюция живых существ как раз на мутациях и основана. Вот представь для примера, что некое племя людей вдруг поселилось в краю, где сплошные землетрясения. Враги их туда вытеснили, или ещё что. Всё вокруг трясётся, на ногах устоять не получается, ходить им приходится на четвереньках, а это крайне неудобно, и от этого страдает производительность труда. И вдруг у кого-то из них случайным образом изменились гены — ну там, под воздействием космических лучей, или просто от жизни такой. В результате родился ребёнок с тремя ногами, и оказалось, что он как раз к местным условиям замечательно приспособлен. В обычном племени его бы просто на всякий случай принесли в жертву богам, а здесь все на карачках ползают, и им в целом не до того. Так что он спокойно вырос, от него пошли такие же детки, и вот прошли годы, и мы имеем целое племя трёхногих людей. Случилась благоприятная мутация, и произошла эволюция, понимаешь?

— Сейчас припоминаю, что когда-то давно что-то такое читала, — кивнула Тамила. — Хотя очень сомневаюсь, что случайные процессы могут привести к действительно значимому результату.

— Так это же происходит за миллионы лет, — пожал плечами я. — Положительные мутации закрепляются, отрицательные отбрасываются. За миллионы лет даже из случайных мутаций можно выделить массу полезного. Но некоторые изменения и в самом деле трудно отнести на случайность, хотя кто знает? Я не рискну здесь что-то предполагать, но мне всё же кажется, что некоторые шаги эволюции специально направлялись. Возможно, какую-то роль в этом играли и боги.

— Необязательно боги, — заметила Тамила. — Ты недооцениваешь влияние души. Душа, которая стремится к изменениям, способна на многое. Поверь, я знаю, о чём говорю.

Я с интересом посмотрел на неё, но переспрашивать не стал. Совершенно очевидно, что она может очень многое рассказать, но так же очевидно, что откровенничать она не собирается. Лучше не форсировать события, а постепенно налаживать доверительные отношения.

— Так или иначе, я ответил на твой вопрос, — сказал я. — Но судя по твоей реакции, эти звери вовсе не мутанты.

— Верно, — улыбнулась она. — Звери полуночи — это не мутанты.

— А может быть, они, как и ты, не вполне принадлежат нашему миру? И как раз на Севере эта связь каким-то образом проявляется?

Тамила просто улыбнулась и промолчала. Что-то она какая-то совсем не склонная к сотрудничеству.

— Но если предположить, что это действительно так, — продолжал я, — то возникает очень интересный вопрос: почему же на них действует Сила, а на тебя нет?

— Ты про каких зверей говоришь? — заинтересовалась Лапа.

— Про пару — маленький парализует болью и убивает, а большой ест.

— Ах, эти! Нет, на них Сила не действует.

— Как так не действует? — растерялся я. — Нас учат защищаться от них, формируя кокон Силы.

— Не поможет, — покачала головой Тамила. — Ваши преподаватели сами ничего толком не знают. Я, допустим, смогу от них защититься, а вы точно нет.

— И как в таком случае быть? — озадачился я. — Как от них защищаться?

— Да так же, как в старину защищались, — усмехнулась Тамила. — Повольники ведь как-то на полночи ходили? Вот и вы так же ходите.

Я смотрел на неё непонимающим взглядом, и она сжалась:

— Кожаную броню надо носить, чтобы мелкий разодрать когтями с ходу не мог. И ходить всегда по двое, чтобы напарник его убил — мелкого убить легко, если он не на тебя нацелился, а большой и сам сдохнет. Да они на двоих очень редко нападают, в основном на одиночек охотятся. Ладно, иди давай. Заболталась я с тобой, а мне ещё твоих крокодилов делать.

Глава 11

— Вызывали, командир? — заглянула в дверь Лада.

— Попросил зайти, — поправил её Лазович, вставая навстречу. — Прошу вас, госпожа Лада, садитесь, пожалуйста. И давайте условимся — я вам больше не командир, так что обращайтесь ко мне «почтенный Станислав» или просто «почтенный».

— Девочки ко мне обращаются как обычно, — хмуро заметила Лада, усаживаясь на предупредительно отодвинутый стул.

— Как вы разговариваете с другими Владеющими, тем более со своими подругами, с которыми вы вместе учились — это ваше личное дело, — ответил ей Лазович, усаживаясь напротив неё. — А я обязан обращаться к вам согласно вашему положению. Тем более что насчёт этого я получил совершенно недвусмысленный приказ господина.

Лада промолчала, но её досада ощущалась буквально физически. Чувствовалось, что скачок в общественном положении оказался для неё не во всех смыслах приятным.

— Вы позволите дать вам совет, госпожа Лада? — спросил Лазович, внимательно на неё глядя. — Я бы даже рискнул назвать его дружеским, если вы простите мне такую вольность.

— Слушаю вас, почтенный Станислав, — настороженно ответила та.

— Не позволяйте вашим бывшим сослуживцам разговаривать с вами как раньше. Или, во всяком случае, внимательно взвесьте, кому можно это позволить. Неуважительное обращение к вам будет неизбежно отражаться на авторитете вашего мужа и вашего семейства. Берите пример с госпожи Лены — она свободно общается со всеми вплоть до последнего рекрута, но никому и в голову не придёт с ней фамиллярничать. Ещё раз прошу простить меня, если мой совет неуместен.

— Благодарю вас, почтенный, — с печалью отозвалась Лада. — Ваш совет вполне уместен, просто это как-то... — она покрутила рукой, не в силах подобрать нужные слова, и в конце концов просто ещё раз вздохнула.

— Я понимаю, — мягко сказал Станислав, посмотрев на неё с сочувствием.

«Что-то я совсем расклеилась», — слегка раздражённо подумала Лада. Романтичные дурочки, мечтающие выйти замуж за принца, совершенно упускают из виду момент, что у принцесс жизнь тоже не безоблачная — особенно у тех, кто прыгнул в принцессы из крестьянок. Лада в последние дни чувствовала этот момент на себе в полной мере. А ведь им с Клаусом ещё предстоял большой приём и представление обществу. Впрочем, она ни о чём не жалела и точно знала, что как бы ни повернулись дела в будущем, она не пожалеет и потом. Однако следовало всё-таки собраться — раз уж проскочила в аристократки, то надо бы, как минимум, и вести себя подобающе.

— Я признательна вам за совет и за понимание, — твёрдо сказала Лада. — Однако давайте всё же поговорим о деле, ради которого вы меня пригласили.

Лазович уловил смену настроения и одобрительно кивнул.

— Я получил приказ господина, — сказал он деловым тоном, — о том, что вы выходите из моего подчинения. Он также сообщил мне, что вы будете создавать отдельное подразделение с задачами глубоинной разведки и диверсий.

— Но предполагается, что моё подразделение всё же будет подчиняться вам?

— Ни в коем случае, — покачал головой Станислав. — Я ещё мог бы командовать обычной дворянкой, но аристократкой, да ещё и женой главы семейства... нет, это совершенно невозможно. Подчиняться вы будете непосредственно господину, а со мной вы будете просто сотрудничать. Я не смогу вам приказывать, я смогу только просить вас сделать то-то и то-то.

Лада понимающе покивала. Он, конечно, сможет только просить, но стоит отказать ему раз-другой, и встанет вопрос — а зачем же она в таком случае нужна, такая самостоятельная и независимая? Так что определённая подчинённость всё-таки будет иметь место, а Лада будет считаться независимой исключительно ради соблюдения приличий.

— А как именно я должна создавать новое подразделение? — спросила Лада, уже чувствуя, что ей вряд ли удастся получить ответ. — Что конкретно мне нужно делать?

— Насчёт этого ничего не могу вам сказать, — пожал плечами Станислав. — Просто по той причине, что плохо

разбираюсь в этом вопросе. В вольных отрядах я с этим вообще не сталкивался, да и в нашей дружине мы до сих пор как-то обходились без диверсий.

— Да? — скептически спросила Лада. — А вот в газетах писали...

— Дружина ничем подобным не занималась и не занимается, — твёрдо сказал Лазович. — И это всё, что я могу вам сказать по этому поводу.

«Значит, занимается кто-то другой, — без труда догадалась Лада. — А он знает кто именно, но не имеет права говорить».

— Я понимаю, что вы с этим не сталкивались, почтенный Станислав, но, возможно, вы сможете дать мне совет с чего начать?

— Если только в общем... — задумался он. — Для начала составьте список задач, которые должно решать ваше подразделение. А там уже станет понятнее, какой потребуется штат, и какое техническое обеспечение для него запрашивать. А ещё вы можете посоветоваться с госпожой — насколько я помню, она училась по этой специальности.

— Вот как раз с ней мне и не хотелось бы советоваться, — вздохнула Лада. — Это будет выглядеть признанием беспомощности.

— Согласен с вами, вариант не очень хорош, — согласился Станислав. — Тогда вы можете поговорить с моим отцом, Даниславом Лазовичем. Он готовит для нас ратников, и как раз в его школе госпожа и училась.

— Благодарю вас, почтенный, — кивнула ему Лада вставая. — Я оценила вашу помощь.

— Вы всегда можете на неё рассчитывать, госпожа Лада, — ответил Станислав, вставая следом.

* * *

Лада вышла от Лазовича в глубокой задумчивости. Она шла по коридору, не особо замечая окружающее, пока не наткнулась на вставшую у неё на пути Марину Земян.

— Привет, — сказала та, широко улыбаясь. — Я с тобой уже третий раз здороваюсь.

— Здравствуй, Марина, — смутилась Лада. — Извини, я что-то задумалась.

— Нельзя так задумываться, надо всегда контролировать окружение, — наставительно сказала Марина. — Уже успела забыть, чему тебя наш Менски учил?

— Ну здесь-то безопасное место, — ещё больше смутилась Лада, остро ощущая убогость оправдания.

— Да шучу я, не бери в голову, — сжалась над ней Марина. — Тем более, все эти навыки тебе больше ни к чему.

— Ой, не говори глупостей, — поморщилась та. — Мне все эти навыки сейчас даже больше нужны.

Хотя многие считали Ладу Дорохову всего лишь ещё одной пустоголовой хулиганкой, на самом деле это было совсем не так. Точнее говоря, не совсем так. То есть хулиганкой она, безусловно, была, во всяком случае, до встречи с Клаусом фон Абенсберг, но вот с умом у неё было всё в порядке. Она весьма здраво оценивала своё положение, которое было, откровенно говоря, не таким уж и прочным, и прекрасно понимала, что сейчас она всего лишь получила аванс, и ей ещё предстоит доказать и мужу, и окружающим, что она этого аванса достойна. Лада не пропустила мимо ушей сказанные мимоходом слова Кеннера: «твоему будущему мужу Старшая Владеющая в качестве жены будет гораздо интереснее Младшей».

— Даже больше? — удивилась Марина. — Хотя я, кажется, понимаю, о чём ты. Слушай, — вдруг вспомнила она, — а это нормально, что я так с тобой разговариваю? Как к тебе сейчас обращаться нужно?

— Когда мы с тобой вдвоём, то так же, как и раньше. А при посторонних — как положено. Извини, но иначе никак.

— Да я понимаю, — кивнула та. — Мы с Леной подруги, но для посторонних она мне тоже «госпожа Лена» и никакая не подружка. А как тебя наши девчонки встретили?

— Даже говорить об этом неохота, — болезненно сморщилась Лада. — Сами улыбаются, а внутри такое творится, что словами не описать. Ты же знаешь, что я эмпатка? Они тоже знают, и стараются реальные чувства как-то прятать, но всё равно из них такое лезет... А я вот, кстати, только сейчас осознала, что из тебя ничего такого почему-то не лезет... что, совсем не завидуешь?

— Я уже Лене назавидовалась, — хмыкнула Марина. — По сравнению с ней ты выглядишь бледновато, уж извини,

подруга. Слушай, ну всё же любопытства ради — как ты ухитрилась своего зацепить?

— Да сама не заметила, как, — честно ответила Лада, совершенно не обидевшись на «выглядишь бледновато». — У меня и мысли не было его цеплять. Вот сама прикинь — он имперский граф, личный друг герцога Баварского, я вчерашняя крестьянка, какие у меня могут быть шансы? Я ни на что и не рассчитывала. Всё началось лёгким романом, я была уверена, что этим и закончится, ну и сама не заметила, как влюбилась. А потом он внезапно взял и сделал мне предложение. Я своим ушам не поверила. Выглядела при этом, наверное, полной душой, — смешливо фыркнула она. — В общем, само собой получилось.

— Наверное, такие вещи только сами собой и могут получиться, — печально сказала Марина. — Не боишься, что к твоему Клаусу ещё кто-то пролезет?

— Я ему жена, а не хозяйка, — пожалала плечами Лада. — Что я могу сделать? Мне придётся смириться.

— Вот прямо так ничего и не сделаешь? — не поверила Марина.

— А что я могу? Если такая сумеет пройти мимо меня и выжить, и при этом от неё останется ещё достаточно, чтобы понравиться моему мужу, то значит, судьба. Придётся смириться.

Марина оценивающе посмотрела на Ладу. Выжить, положим, кое-кто и сможет — да на самом деле любая выживет, это ведь всё-таки не повод для боя насмерть, — но вот сохранить при этом себя в товарной кондиции вряд ли кому-то удастся. Разве что на Клауса позарится кто-нибудь из Высших, но им как-то не пристало лезть к чужим мужьям.

— Так ты из своей сотни, получается, уходишь? — перевела она разговор на службу.

— Создаю своё независимое подразделение, — небрежно ответила Лада. — Разведка, диверсии, будет весело. Пойдёшь ко мне?

— Нет, извини, — покачала головой Марина. — Меня госпожа не отпустит. Да я и сама не хочу уходить, мне и так веселья хватает.

Лада нахмурилась, пытаясь поймать ускользающую мысль, и вдруг в самом деле её поймала. Оговорка Станислава, весёлая

служба Марины и военная специальность Лены вдруг разом сложились в ясную картину.

— С чем веселья хватает — с канализацией? — с изрядной долей ехидства спросила она.

— Знаешь, если бы ты не стала тем, кто ты есть, то у тебя сейчас возникли бы большие проблемы, — серьёзно сказала Марина. — Но в твоём положении следует самой думать о том, что ты говоришь. И о том, что не все бредовые мысли, что приходят в голову, стоит высказывать вслух. Ты теперь наверху, и слишком многие примут твои слова за правду, а не за досужую болтовню.

— Марин, забудь мои слова, пожалуйста, — попросила Лада, мысленно себя обругав. — Действительно, ляпнула какую-то чушь не подумав.

* * *

— Ну как, освоили защиту от нервной стимуляции? — добродушно осведомился Генрих, входя в тренировочный зал. — Вижу, что вам не терпится похвастаться.

Никакого нетерпения у нас, разумеется, даже близко не прослеживалось, но Менски всегда добивался того, что он хотел видеть — во всяком случае, когда дело касалось студентов. Студенты обязаны проявлять энтузиазм в учёбе, а для тех, кто пытается учиться без энтузиазма, учебный процесс становится максимально интенсивным. Эту нехитрую схему Генриха мы изучили в деталях ещё на первом курсе, так что наши кислые физиономии послушно изобразили нетерпение.

— Похоже, что действительно готовы, молодцы, — одобрительно улыбнулся Генрих. — Однако потерпеть с демонстрацией вам всё-таки придётся. Но не расстраивайтесь, мы просто ненадолго это отложим. Сейчас мы займёмся новой интересной темой, а ближе к концу занятия вы все обязательно продемонстрируете, как умеете защищаться от нервной стимуляции. Так вот, о новой теме — она удивительна тем, что у вас есть возможность освоить её совершенно без боли. Скажу вам честно: я нахожу это неправильным и даже имел в деканате разговор по этому поводу, но мои аргументы не были услышаны. Впрочем, освоить эту тему сразу очень мало у кого получается, ну а для тех, кто не освоит сразу, дальше всё будет,

как обычно.

— Итак, наша новая тема: напряжение и сопротивление материалов, — продолжал Менски. — Инженеры тоже изучают сопротивление материалов — собственно, для них это важнейшая тема, которая лежит в основе проектирования любых механизмов и конструкций. Однако мы не инженеры, наша задача не строить, а как раз наоборот, и поэтому мы будем рассматривать этот вопрос совсем с другой стороны, а именно: как сломать что-то с наименьшими усилиями?

— Инженеры, бывает, и ломают, — заметил я.

— Верно замечено, Арди, — согласился Генрих. — Снос зданий, взрывотехника, и прочие подобные занятия довольно похожи на наши задачи, но есть очень важное отличие. Инженер может без спешки выполнить свои расчёты и оценить как необходимые усилия, так и точки приложения для этих усилий. А нередко у него даже есть возможность сначала выполнить серию экспериментов и оценить результат. Боевику подобная роскошь недоступна. Если вы хотите уронить кусок стены на голову противника, вам придётся делать это сразу. У вас не будет возможности сначала обследовать эту стену. У вас не будет даже второй попытки — ваш противник уже по первой неудачной попытке поймёт, что вы задумали.

Или другой пример: вам нужно пройти по полу, некоторые плиты которого являются ловушками. Вы должны сразу почувствовать, какие плиты являются прочными, а какие разрушатся под вами и отправят вас в полёт, например, на колья или куда-нибудь ещё. Кстати, похожий пол и будет вторым этапом изучения этой темы, и те, кто не преуспел в её изучении на первом, безболезненном этапе, сразу поймут, что стараться надо было лучше.

Генрих помолчал, что-то обдумывая, а потом всё-таки решился:

— Расскажу вам одну небольшую историю из своей жизни, чтобы вы получше поняли и прониклись. Только не для пересказа, пожалуйста — ничего там такого нет, но я не очень люблю об этом эпизоде вспоминать. В общем, когда-то давно мне, недавнему выпускнику, случилось схватиться со Старшим. У меня, разумеется, и мысли не было с ним сражаться — я чисто случайно на него наткнулся и попытался сбежать, но он мне не позволил. Я был уже уверен, что мне конец, он меня

практически додавил, и вдруг я заметил, что Старший стоит на люке ливнёвки. Люк был большей частью присыпан песком, и он в горячке боя не заметил, как на него встал. Я просто выбил люк у него из-под ног, и Старший рухнул вниз. И сразу же утонул. После дождя там стояло довольно много воды, а он, по всей видимости, ударился головой, когда падал, и потерял сознание. Арди, мораль истории?

— Нужно всегда полностью контролировать окружение, — ответил я не задумываясь.

— Правильно. А ещё?

— Нельзя расслабляться даже со слабым противником.

— Правильно. Ещё?

— А ещё нужно избегать сражений в одиночку.

— Очень хорошо, Арди, — с удовлетворением сказал Менски. — Ещё?

Я задумался.

— Больше ничего в голову не приходит, — наконец признался я.

— А ещё надо хорошо учиться и понимать, что именно боевая практика является тем, что когда-нибудь поможет вам выжить, — наставительно сказал Генрих. — Приучить себя всегда контролировать окружение непросто, но я был отличником и относился к боевой практике очень серьёзно, а вот мой противник, очевидно, не очень. И в результате я выжил, а он умер, хотя должно было быть наоборот. Но довольно болтовни — у нас, в конце концов, боевая практика, а не теория. Видите этот щит?

Мы заметили его ещё до занятия и некоторое время безуспешно гадали о его предназначении. Большой лакированный лист из толстой фанеры был установлен вертикально; в него в беспорядке были вставлены крупные болты, с обратной стороны зафиксированные затянутыми гайками. Возле каждой головки болта был написан номер. Болты были длинными и высывались довольно далеко с другой стороны щита. Для какой цели могла бы служить такая конструкция, ни у кого из нас не возникло ни малейших предположений.

— Это очень полезное устройство, не смотрите, что такое простое, — сказал Генрих, усмехнувшись при виде наших непонимающих лиц. — Посмотрите на этот щит с обратной

стороны.

Он подобрал лежащую рядом длинную стальную пластину и с некоторым усилием закрепил её на щите так, что она удерживалась в изогнутом положении выступающими концами болтов.

— Как видите, эта пластина — просто плоская пружина, которая удерживается в изогнутом состоянии болтами номер пять, двенадцать, двадцать пять и двадцать семь. Эти четыре болта испытывают сильное давление на изгиб, тогда как все прочие болты находятся в покое. А сейчас я установлю пружину иначе, и вы, не видя её, должны почувствовать, какие болты находятся в напряжённом состоянии и записать их номера. Пять минут вам на это, затем повторяем с другой конфигурацией. А ещё с этого дня вы будете приходить на мои занятия на пять минут раньше, и эти пять минут до занятия вы будете заниматься с этим щитом. На нём каждый раз будет установлена новая комбинация.

— Так разве нельзя будет подсмотреть? — удивился Иван.

— Если ты идиот, то можешь и подсмотреть, Сельков, — ласково сказал Генрих. — А можешь просто в этом не участвовать. Я ведь даже проверять вас не буду — это вам нужно, а не мне. Непонятно, правда, как ты при этом будешь сдавать этот щит на экзамене, но это, опять же, твоя проблема.

— Я просто так спросил, — хмуро сказал Иван, и Генрих молча кивнул в ответ.

— Начинаем, — скомандовал он. — Пять минут пытаетесь почувствовать напряжение болтов и записываете номера. Затем я объявляю правильные номера, и вы обводите кружком угаданные. Затем повторяем.

Задача оказалась совсем не простой. С первого раза ни у кого не получилось ничего угадать, да и со второго раза тоже. Уже в самом конце занятия мне показалось, что я начал что-то чувствовать, и действительно угадал два болта из пяти, но на самом ли деле я что-то ощутил, или же это была просто удачная догадка? Впрочем, мой результат оказался лучшим, остальные не могли похвастаться и этим.

— Достаточно на сегодня, — наконец, скомандовал Менски. — Давайте теперь вернёмся к теме нервной стимуляции. Вы разобрались с защитой?

— Разобрались, наставник, — ответил за всех я.

— Вот как? — удивился Генрих. — Неужели в самом деле разобрались? А давайте проверим!

Поле Силы практически незаметно вздрогнуло, и Дара негромко охнула.

— Что ты почувствовала, Селькова? — внимательно посмотрел на неё Генрих.

— Лёгкий укол, — ответила она. — Больно было, но несильно.

— И в самом деле разобрались, — неверяще сказал он. — Знаете, на моей памяти вы первая группа, которая сумела сделать это самостоятельно. Я ведь правильно догадался, что это семья Арди разобралась и помогла Сельковым? Поразительный результат, Арди, честно.

— Нам мама помогла, — Ленка очень болезненно относилась к незаслуженным похвалам.

— Это объясняет, — понимающе кивнул Генрих. — Но тем не менее результат всё равно впечатляющий. К тому же я сомневаюсь, что сиятельная сильно с вами нянчилась — скорее всего, она просто объяснила и показала, а дальше сами. Ну что же, я вижу, что объяснять вам что-то уже нет никакой необходимости. Дальше просто привыкайте держать такой щит постоянно — я буду регулярно это проверять в самые неожиданные моменты. Но чем же нам с вами заняться сейчас? Вы мне весь план занятия порушили.

— Мы можем, например, обсудить один интересный вопрос, наставник, — предложил я. — Когда вы рассказывали нам о нервной стимуляции, вы приводили в пример северных зверей, которые ею пользуются, и от которых мы должны защищаться.

— И что из этого? — вопросительно посмотрел на меня Менски.

— И то, что против этих зверей наша защита не работает, — просто объяснил я. — Как и ваша, кстати.

— Откуда взялись такие сведения?

— От одного человека, который знаком с темой.

— Чепуха! — отверг моё заявление Менски. — Этого не может быть.

— Не только может, но так оно и есть, — вмешалась в наш разговор Ленка. — Мила мне даже показала, как это работает.

— Мила? — не понял я.

— Ну, Тамила.

— Она для тебя уже стала Милой? — поразился я.

— Да она нормальная, Кени, — легко отмахнулась Ленка. — Вы с ней просто плохо стыкуетесь. Она простая девчонка, а ты весь такой серьёзный.

— Этой девчонке как минимум полторы тысячи лет, Лен. Это уже, мягко говоря, не молодость.

— Ой, не занудничай, Кени.

— И насчёт простоты — ты знаешь, что она университет окончила?

— И что из того? Любой дурак может окончить университет, если упорства хватает.

— То есть у неё упорства хватило? — уточнил я.

Ленка просто презрительно отвернулась, не найдя подходящего ответа. Вмешался Менски, до этого с большим интересом слушавший наш диалог:

— Для меня очень познавательно было услышать мнение семьи Арди о системе высшего образования княжества, но давайте вернёмся к первоначальной теме разговора. Я правильно понял, что Менцева способна подкрепить заявление своего мужа практической демонстрацией?

— Если вы готовы стать объектом демонстрации, — заявила Ленка. — Обещаю, что воздействую совсем чуть-чуть.

— Хорошо, Менцева, я готов, — сказал Генрих напрягшись.

Правильно сделал, что напрягся — он прекрасно знал, что у Ленки нет привычки болтать попусту. Впрочем, это не помогло — я уловил лёгкое движение Силы — совсем другое, чем использовали мы, — и Генрих резко побледнел, явно с трудом удержавшись от крика.

— Я впечатлён, — наконец, сказал он, немного придя в себя. — И что это было?

— Воздействие на нервный узел, — пожала плечами Ленка. — Только по-другому.

— А ещё раз можешь показать? Только не на мне, — поспешно уточнил Генрих, когда она задумчиво на него посмотрела.

— А на ком тогда? — она обвела всех взглядом, но добровольцев не нашлось. Даже я предпочёл не вызываться в подопытные.

— Ну можно тогда на мне, — неохотно сказала она. — Мила мне, в принципе, показала, как защищаться. Кени, ты понял,

как это делается?

— Вроде уловил, — кивнул я.

— Ну тогда давай, только совсем легонько, а то вдруг всё-таки пробьёшь.

Я легко толкнул Силу и почувствовал, как импульс ударился в упругую стену и рассеялся.

— Правильно, — одобрительно сказала Ленка. — Давай ещё раз, можешь чуть посильнее.

Мы повторили это несколько раз, и я вопросительно посмотрел на Генриха.

— Я ничего не заметил, — озадаченно сказал он. — Вы действительно это делали?

— Думаете, мы соврали? — оскорблённо спросил я.

— Нет-нет, я верю, — покачал головой он. — Просто я ничего не заметил, вообще ничего.

— Там движение Силы было совершенно явное, — непонимающе сказал я. — Как его можно было не заметить?

— Вот так и не заметил, — задумчиво ответил Генрих. — Стало быть, наша защита действительно не помогает, и неизвестно, получится ли у нас научиться вашей.

— Вот что мне непонятно, наставник, так это почему вы про это не знали. В отчётах тех людей, что там были, это ведь наверняка отражено.

— Никого из Владеющих в тех краях не было, мы всю информацию взяли из старых заметок повольников, что туда ходили. Наши на Севере бывали, но немного в другой стороне, и этих зверей сами не видели.

— И вы посылаете туда студентов? — потрясённо спросил я.

— Во-первых, старшекурсников-боевиков, — поправил меня Генрих, — а во-вторых, вместе с преподавателями. А куда вас ещё посылать?

— Так что сейчас будет с этой практикой?

— Ничего не будет, поедem туда летом, — Генрих с удивлением посмотрел на меня. — Ехать-то всё равно надо, это у нас в плане стоит. Ты предупредил о проблеме — молодец. Обсудим и найдём решение.

Глава 12

Телега скрипела. Скрипела несильно, но за время не такого уж долгого путешествия этот звук Драгану окончательно достал. Ещё в самом начале она потребовала от возницы смазать оси, но без малейшего результата. Крестьянин униженно кланялся, умолял о прощении и, судя по всему, вообще не понимал, чего от него хочет могущественная дочь Кали. В конце концов она, смирившись, оставила это безнадёжное дело, и всю дорогу нехитрая музыка крестьянской телеги сверлила ей мозг, вовсе не добавляя настроения.

— В этом городишке банк есть? — спросила Драгана, когда небольшие рощицы по бокам дороги сменились, наконец, хижинами предместья.

— Я там никогда не был, великая, — нерешительно сказал крестьянин. — Но я знаю, где он находится.

— Довезёшь меня туда и войдёшь со мной, — распорядилась она. — Будешь переводить. А потом я расплачусь с тобой и отпускаю.

Крестьянин немного говорил на фарси[9]. Знакомство Драганы с фарси было примерно на том же уровне, но как ни удивительно, этого оказалось вполне достаточно для полноценного общения. Разумеется, для дискуссии на философские темы их совместного словарного запаса вряд ли бы хватило, но Драгана и не стремилась обсуждать подобные вопросы с местными крестьянами.

[9 — Фарси — персидский язык. В мире Кеннера, как и в нашем мире, он является языком межнационального общения для востока исламского мира.]

— Как прикажет сокрушающая, — пробормотал тот.

— Ещё что-нибудь стоящее внимания в этой дыре имеется? — лениво поинтересовалась Драгана. Близкий конец путешествия привёл её в хорошее расположение духа, и даже скрип телеги уже не казался таким уж мерзким.

— Здесь живёт великий гуру Садхир Менария, — с почтением в голосе ответил возница.

— Вот как? — скептически подняла бровь Драгана. — Даже великий, говоришь?

— Великий гуру, — подтвердил крестьянин. — К нему издалека приезжают.

— У вас здесь на каждой мусорной куче какой-нибудь мудрец сидит, либо, на худой конец, отшельник, — пренебрежительно заметила Драгана. — Хотя не будем с ходу отметать возможности. Проводишь меня к этому гуру после банка, вдруг он и вправду что-нибудь интересное расскажет.

Город был большим. Точнее сказать, раскинулся он на большой площади, но состоял в основном из довольно примитивных лачуг. Некоторые обиталища выглядели поистине удивительно — Драгана даже приказала вознице остановиться, чтобы получше рассмотреть четырёхэтажное сооружение из поставленных друг на друга разнородных хибарок.

— И как в этом люди живут? — удивлённо спросила она, не ожидая, впрочем, ответа. — Ладно, поехали дальше.

— Городские... — неприятно отозвался крестьянин, стегнув буйвола. Судя по его настрою, и здесь, в Раджастане, отношения города и деревни были далеки от идеальных.

Драгана только покрутила головой, рассматривая бурлящую на улице толпу. Выглядело так, будто как раз на улице у местных вся жизнь и проходила — хотя, с другой стороны, где же ещё им жить? Здешние жилища годились только на то, чтобы провести ночь под какой-никакой крышей.

Жалкие халупы вскоре сменились строениями получше — тоже довольно жалкими, но их уже можно было назвать домами. Ещё немного дальше в направлении центра города эти домики сменились маленькими двухэтажными особнячками. Людей на улице стало гораздо меньше, а с боковой улочки внезапно вырулил патруль городской стражи — до этих пор стражники на улицах вообще не мелькали. Драгана с любопытством уставилась на цветастые мундиры стражников; те ответили ей подозрительными взглядами, но останавливать телегу всё-таки не стали.

— Вот банк, могучая, — деликатно напомнил крестьянин, остановившись у двухэтажного здания с крохотными окнами, украшенного неумеренным количеством лепнины.

— Банк? — удивилась Драгана. — Больше на мавзолей похоже. Ну что же, привязывай своего буйвола и пойдём внутрь.

Внутри здание вовсе не походило на мавзолей — совершенно неожиданно в нём оказалось очень светло. Загадка

разрешилась сразу же — свет в помещение проникал через большие окна в потолке. Пол был выложен мраморными плитками, а стены были расписаны картинами, так или иначе связанными с темой денег. Центральную роль во всех из них играло существо с головой слона и несуразным количеством рук.

— Это что за слон нарисован? — негромко спросила Драгана у своего проводника.

— Это Ганеша[10], великая, — прошептал в ответ тот.

[10 — Ганеша, сын Шивы и Парвати, в числе множества прочих функций является также богом богатства и покровителем купцов.]

— А, вот он какой! Я про всю эту шайку читала, но уже не помню, кто как выглядит. Так, который из этих троих нам нужен?

За длинной полированной мраморной стойкой сидело целых три клерка. Других посетителей в зале не было, так что все трое сейчас во все глаза смотрели на Драгану.

— Консервативный вариант всегда посередине, — объявила Драгана, уверенно направляясь к среднему клерку.

— Здравствуйте, — поздоровалась она, бросив повелительный взгляд на своего спутника. Тот немедленно забормотал что-то на хинди.

— Шуб’допехер, маходья[11], — настороженно отозвался клерк.

[11 — Шуб’допехер, маходья — (хинди) Добрый день, госпожа.]

— Я хочу поменять золото на местные деньги, — сразу перешла к делу Драгана.

— Это возможно, госпожа, — подтвердил тот.

Драгана, порывшись в своём рюкзаке, выудила небольшой слиток золота и бросила его на стойку перед клерком. Тот немедленно вооружился большой лупой и начал внимательно рассматривать надписи, выбитые на лицевой стороне слитка.

— Это банковский слиток, госпожа, — наконец заметил клерк, переведя глаза на Драгану.

— Да мне без разницы, — отмахнулась она.

— Скажите, где вы его взяли?

— Отобрала у разбойников, — легко объяснила Драгана. — На меня не так давно разбойники напали.

— И где сейчас эти разбойники? — в голосе клерка ясно слышалось подозрение.

— Там же и остались, скорее всего. Кому они нужны? — удивилась вопросу Драгана. — Наверняка так и лежат в придорожной канаве, если их звери не растащили.

— Гм, — поперхнулся клерк. — А кто они такие? Как их звали?

— Мне-то откуда это знать? Они мне не представились. Они на меня напали, я их убила, на том наше общение и закончилось не начавшись. И вообще, к чему эти вопросы, уважаемый? — нахмурилась она. — Вы будете менять моё золото или нет?

— Здесь есть небольшая проблема, госпожа, — извиняющимся тоном сказал клерк. — Даже две. Во-первых, необходимо выяснить, что это были за разбойники, и были ли они на самом деле разбойниками. А во-вторых, есть подозрение, что этот слиток, вероятнее всего, краденый.

«Надо было дать ему обычную золотую гривну», — с досадой подумала Драгана. Похоже, что посетительницу, прибывшую на крестьянской телеге, банковские служащие вовсе не собирались воспринимать, как важную особу.

— С первым вопросом проблемы нет — я задержусь в этом городе, чтобы отдохнуть день-другой. Пусть стража приходит, я готова им всё рассказать. А что касается второго, то этот слиток, конечно же, краденый — не думаю, что на меня напали банковские служащие. Но сейчас он мой, и мне неинтересно его происхождение — обменяйте его на деньги и разбирайтесь с ним сами, сколько хотите. Либо верните мне его, и я обменяю его где-нибудь в другом месте.

— Это невозможно, госпожа, — решительно заявил клерк.

— Ты меня ограбить, что ли, собрался, любезный? — изумилась Драгана. — Тебе тоже в придорожную канаву захотелось?

Клерк просто молча ткнул в кнопку тревоги, и где-то недалеко громко зазвенел звонок. Не прошло и десяти секунд, как в зал вбежали трое здоровенных охранников.

— Ах, значит, вот как вы решили, — зловеще улыбнулась Драгана. — Ну что же, давайте посмотрим, что от вашего банка в результате останется.

Она звонко щёлкнула пальцами, и в помещении вдруг

сгустился мрак. Полуденное солнце по-прежнему ярко светило, но его лучи уже почти не проникали сквозь широкие окна. Из тёмных углов зашептали леденящие кровь голоса, и охранники, задрожав, попятились. Клерк, судорожно отталкиваясь ногами, вместе со стулом поехал назад, но далеко уехать не смог. Прямо из пола вырвались чёрные щупальца, которые надёжно его спеленали.

— Фу, — сморщила нос Драгана. — Как грабить незащищенную девушку, так он смелый, а как ему оказали сопротивление, так сразу в штаны наделал.

Она огляделась по сторонам. Клерков справа и слева больше не было на своих местах. Сбежать куда-то они вряд ли могли, так что, скорее всего, сидели сейчас под стойкой. Трое охранников, сбившись в тесную кучку, смотрели на неё дикими глазами, и никаких враждебных действий предпринимать явно не собирались. Крестьянин-переводчик по-прежнему был рядом, но колени у него ходили ходуном.

— Соберись, трус, — презрительно приказала ему Драгана. — Тебя-то никто убивать не собирается. И давай переводи.

Тот отчаянно закивал — по всей видимости, это должно было означать готовность служить.

— Так что же мне с вами делать, разбойники? — начала Драгана, задумчиво глядя на клерка. — Может, повесить? Вроде так и положено с грабителями поступать, да?

Перевода не последовало, и Драгана с недоумением посмотрела на своего спутника. Тот усердно разевал рот, но у него почему-то не получалось издать ни звука. Она перевела взгляд на клерка и поняла, что перевода и не нужно — тот ушёл в глубокий обморок.

— Ну и что мне делать? — в недоумении спросила она пространство. — Может, уничтожить этот банк, да и дело с концом?

— Умоляю смертоносную дочь Кали пощадить мой банк, — раздался дрожащий голос на фарси.

Драгана повернула голову и обнаружила нового персонажа. У боковой двери стоял и заметно дрожал толстячок в богатой одежде. По всей видимости, это и был владелец банка — судьба клерков и охранников не особенно его трогала, но когда речь зашла об уничтожении банка, у него сразу же получилось преодолеть страх.

— Ты здесь хозяин? — спросила Драгана, пристально его рассматривая.

— Я управляющий отделением, могущественная.

— Твой слуга решил отобрать мой слиток золота, не отдавая денег, — обвиняющим тоном сказала она.

— Он будет сурово наказан, Кали-ки бети[12], клянусь!

[12 — *Кали-ки бети* — (хинди) *Дочь Кали.*]

Драгана посмотрела на клерка — тот полностью обмяк на своём стуле. Она щелчком пальцев убрала щупальца, и тот сполз на пол, не приходя в сознание. Темнота развеялась, голоса затихли, солнце вновь залило помещение светом, однако никто по-прежнему не смел двинуться.

— В таком случае, уважаемый, я полагаю, что это недоразумение исчерпано, — объявила Драгана. — Выдайте мне стоимость моего слитка местными деньгами, и мы с вами расстанемся.

Уже через три минуты Драгана вместе со своим переводчиком опять оказались на улице — вероятно, банк только что поставил рекорд по скорости обслуживания клиента. Управляющий лично с бесконечными поклонами проводил их к двери, и Драгана тихо засмеялась, услышав за спиной стук засовов.

— Кажется, банк срочно закрылся, — с улыбкой заметила Драгана. — Как ты думаешь, они откроются до моего отъезда?

— Как пожелает могущественная, — промямлил её переводчик.

— Кончай трястись, — с презрением поморщилась она. — Я могла бы сказать: «Чего ждать от крестьянина?», но я знаю крестьянок, у которых храбрости хватит на десяток таких, как ты.

По виду того было совсем незаметно, чтобы упрёк подействовал, и Драгана безнадежно махнула рукой.

— Ладно, вези меня к местному гуру, — распорядилась она. — А потом я тебя отпущу, наверняка там кто-нибудь, да знает фарси.

Великий гуру оказался совсем не старым. Жидкая бородёнка совершенно не добавляла ему возраста; судя по общему виду, было ему лет сто, не больше. Хотя в этих краях вряд ли кто-то слышал о каких-то производных курсах Тоффеля, так что не исключено, что ему было всего лет пятьдесят.

— Привет, — дружелюбно сказала Драгана на фарси. — Меня Драганой зовут. А ты Садхир, верно?

— Я говорю на языке северных варваров, — ответил тот по-русски.

— Вот что меня всегда удивляло, — заметила Драгана, — так это с чего люди вечно считают соседей варварами? Почему-то у них все вокруг обязательно бескультурные дикари, даже если собственные достижения ограничиваются возведением будки с дырой, чтобы не гадить по кустам.

— Человек — это всегда свой собственный мир, — усмехнулся гуру. — Он, как звезда, вечно плывёт в пустоте.

— Ага, а его племя — это прямо целая галактика, — хмыкнула Драгана. — Ладно, это был риторический вопрос.

— Ты пришла убить меня? — спокойным тоном осведомился Садхир.

— Что? — растерялась Драгана. — С чего ты взял?

— Во-первых, мне уже рассказали, что произошло в банке. Говорят, ты сотворила там такой ужас, что люди боятся об этом говорить даже шёпотом.

— Быстро у вас информация проходит, — уважительно заметила Драгана.

— А во-вторых — ты дочь Кали. Тебе необходимо убивать, чтобы служить своей госпоже.

— А вот сейчас обидно было, — расстроено сказала она. — Одно дело, когда это говорит неграмотный крестьянин — что с него возьмёшь? А вот ты, как мне казалось, должен быть поумнее. Похоже, я напрасно к тебе пришла.

— То есть ты не служишь чёрной Шьяме? — удивился гуру. — Но мне рассказали...

— Ты всему веришь, что тебе говорят?

— Нет, не всему, — в замешательстве ответил он. — Но в таком случае, как ты относишься к богине?

— Скорее отрицательно, — пожала плечами Драгана. — И я уж точно никак с ней не связана. И, сказать откровенно, я вообще не понимаю, почему вы её почитаете. И почему другие ваши боги приняли её как равную.

— Она богиня, — просто ответил Садхир.

— Боги разные бывают. Некоторые достойны уважения, а некоторые просто паразиты, раздувшиеся от чужой боли. Ваша Кали выросла на человеческих жертвах, разве не так?

— Так, — согласился гуру. — Но каким бы ни был её путь, сейчас она богиня.

— И тебе всё равно, как она этого достигла?

— Мне не всё равно, — покачал головой гуру. — Но это не меняет того факта, что она богиня. Знаешь, я давно заметил одно отличие нас от северных варв... от северян. Мы принимаем мир, каким бы он ни был. А вы смотрите в прошлое, и если оно вам не нравится, то вы отказываетесь принимать настоящее. Это глупо, потому что миру всё равно, принимаете вы его или нет.

— Тугов[13]-душителей вы тоже принимаете? — саркастически усмехнулась Драгана.

[13 — *Туги или тхаги — секта фанатичных слуг Кали, убивающих в её честь путешественников.*]

— Принимаем, — спокойно подтвердил Садхир. — И убиваем, когда удаётся их разоблачить. Но мне странно слышать от тебя подобный вопрос. Я вижу, что ты убила многих, но при этом почему-то осуждаешь тугов, которые идут тем же путём.

— Путь тугов отвратителен, и я иду не им, — резко возразила Драгана. — Да, мне приходилось убивать, но все эти люди были вооружены и сражались. Я никогда не убивала беззащитных, — она немного подумала и вздохнула, — ну, почти никогда. Мой путь — это путь воина, а не душителя.

— Но если посмотреть на результат — есть ли разница? Кто-то умер, а ты благодаря этому стала сильнее. Ты так же, как и туги, усиливаешься от смерти других, а детали не имеют значения. Имеет значение результат.

— Однако неплохо ты повернул, — уважительно сказала Драгана. — Так ведь ты легко дойдёшь и до того, что маньяки тоже совершенствуются.

— В поступках маньяка нет тяги к совершенствованию. Он убивает ради удовольствия, это просто животное. Взбесившееся животное. Я ненавижу тугов, но не могу не признать, что у них есть свой путь совершенствования, как бы он ни был лично мне отвратителен.

— Ты ошибаешься, Садхир, ставя знак равенства между мной и тугами. — ответила Драгана хмурясь. — Ты упускаешь из виду такой фактор, как мораль. Я никогда не убивала просто ради своего развития — у меня всегда была цель. Порой

благородная, порой не очень, но это никогда не было убийством ради какой-то личной выгоды. Ты просто играешь смыслами, хотя не могу отрицать, что в твоих словах присутствует и некоторая доля истины. Очень небольшая доля. Я подумаю над твоими словами позже, а сейчас довольно об этом.

— Как скажешь, — легко согласился тот. — Однако мы сразу углубились в спор — очень интересный, кстати, спор, я тоже кое-что из него почерпнул. И этот спор заставил забыть меня о долге гостеприимства. Позволь мне это исправить.

Он хлопнул в ладоши и в комнате немедленно появились две юных девушки с подносами. Мгновенно между Драганой и Садхиром возник низкий столик, который оказался стремительно заставлен чашками и плошками.

— Я прошу тебя быть моей гостьей до тех пор, пока ты не соберёшься продолжить свой путь, — торжественно сказал гуру.

— Я принимаю твоё приглашение, — кивнула Драгана, с удовольствием отхлёбывая горячий настой. — Ты, кстати, всех так приглашаешь?

— Ты первая, — усмехнулся Садхир. — Обычно ко мне приходят, чтобы получить частичку мудрости, но с тобой я, возможно, получу больше, чем дам. Можно сказать, что моё приглашение продиктовано эгоизмом.

— Тем не менее я тебе за него благодарна, — кивнула она. — А то ваши гостиницы больше похожи на грязные сараи.

— Там останавливаются простые люди, — пожал он плечами. — Состоятельные люди путешествуют со слугами и обычно снимают какой-нибудь дом. А ты состоятельна?

— Можно даже сказать, что я богата, — хмыкнула Драгана. — Но приходится путешествовать вот так, по-простому.

— Истину не ищут со слугами, — уважительно кивнул гуру. — И в пещере отшельника слугам тоже не место.

— Примерно так, — согласилась она. — А ты, стало быть, никого не убиваешь?

— Мой путь не приемлет насилия, — ответил Садхир, и в его словах не ощущалось никакого пафоса, он всего лишь сообщил факт. — И, кстати говоря, если ты путешествуешь в поисках нового пути, ненасилие очень многое могло бы тебе дать в духовном плане. Больше всего мы приобретаем,

заставляя себя измениться.

— Не думаю, что у меня получится, — честно ответила Драгана. — Я вообще не понимаю, как это может работать. Даже если все вокруг почитают тебя как святого, обязательно найдётся какой-нибудь выродок, который захочет тебя избить или даже убить — просто потому, что может.

— Ты права, — вздохнул он, — мир несовершенен, и люди в нём встречаются разные. Я не стану сопротивляться и убийце, но у меня есть ученики.

— А я-то всё не могу понять, кто это сопит за перегородкой! — захохотала Драгана. — Стало быть, они всегда готовы отмудохать гостя, если он вдруг поведёт себя невежливо. И как это сочетается с твоим ненасилием?

— Я же им ничего такого не приказываю, — пожал плечами гуру.

— А у них как сочетается?

— Защита учителя — долг ученика, такая защита не ложится грузом на карму.

— Умно организовано, — одобрила Драгана. — Вот и разъяснилась загадка. Когда видишь что-то, чему не может быть места в нормальной жизни, значит, всегда есть какой-то важный нюанс, который ты не замечаешь. А мне вот что ещё интересно — где ты так хорошо изучил наш язык?

— Было время, когда я тоже путешествовал в поисках истины. Несколько месяцев прожил в Киеве, очень много разговаривал со Славяной Лановой. Ты знакома с ней?

— Знакома, мы с ней даже подруги. Ну, раньше были. Потом как-то разошлись. И какие же истины ты у нас почерпнул?

Садхир не торопился отвечать, прихлёбывая свой настой и раздумывая. Наконец, он решил, со стуком поставил на стол свою чашку и в упор посмотрел на Драгану.

— Я почерпнул у вас то, что у вас нет истины. Вы все идёте ложным путём. Особенно Лановая со своими подругами. Прости меня за эти слова — я понимаю, что тебе неприятно их слышать, но ты спросила, и я обязан ответить правдиво.

— Я не в обиде, Садхир, — с удивлением ответила Драгана, — но почему ты так решил?

— Весь ваш Путь изначально порочен, он ведёт вас в никуда. Вы используете заёмную силу, и чем больше вы её используете, тем больше от неё зависите. Вместо того чтобы возвышать свой

дух, вы становитесь рабами духа чужого.

— Ты неправильно воспринимаешь наши отношения с Силой, — покачала головой Драгана. — Она лишь помогает нам развивать волю и расти над собой.

— Тогда ответь мне на такой вопрос, — предложил Садхир. — Ты очень сильна, это видно с первого взгляда, но если чужая сила вдруг уйдёт, много ли ты сможешь?

— Ну, кое-что я и сама могу... — всерьёз задумалась она. — Трудно вот так сразу ответить.

Садхир понимающе улыбнулся и кивнул.

— Тебе трудно ответить на этот вопрос, потому что чужая сила проникла в тебя настолько глубоко, что своей чистой силы у тебя уже и нет. Она у тебя вся смешанная. Если у тебя забрать чужую силу и оставить только твою, тебе придётся начинать с самого начала. Подумай сама — как ты можешь достичь свободы, если во всём зависишь от чужой воли?

Драгана погрузилась в молчание, машинально крутя в руках чашку. Минуты шли за минутой, а она по-прежнему молчала. Впрочем, гуру это молчание совершенно не тяготило — он, прикрыв глаза, размышлял о чём-то своём.

— Нечто в этом роде мне и Милана говорила, — наконец, тихо сказала Драгана. — А ей что-то такое говорила Морена. А теперь вот и ты сказал. Я не могу пока понять, много ли истины в твоих словах, но над ними определённо стоит подумать. Ты помог мне взглянуть на вещи с другой стороны. Благодарю тебя, Садхир, я посетила тебя не напрасно.

Глава 13

Я не люблю опаздывать и всегда стараюсь приходить вовремя или даже немного раньше. Сегодня прийти раньше не получилось. Очередная метель замела улицы, тяжёлый лимузин буквально плавал по снежной каше, и приходилось ехать очень медленно. Так что когда я, наконец, добрался до «Ушкуйника», Анна Максакова была уже там.

— Здравствуйте, Анна, — поздоровался я, вешая пальто на фигурную вешалку в форме головы оленя. — Прошу прощения за опоздание, на дороге творится полное безобразие.

— Здравствуйте, Кеннер, — улыбнулась она. — Вы не опоздали, это я приехала немного раньше.

Я с удовольствием отметил, что она была в хорошем расположении духа — цель встречи была довольно деликатной, и если бы она была не в настроении, то было бы лучше вообще не начинать серьёзный разговор.

Мы немного поболтали о том о сём. Посплетничали об Острожских — наследник опять отличился, устроив в ресторане безобразную драку из-за проститутки, и сейчас все гадали, отправит ли, наконец, глава семейства сыночка куда-нибудь в тундру на перевоспитание, или же Ростикку всё опять сойдёт с рук. Общество обсуждало скандал без тени сочувствия — Острожских не любили, а Ростислава считали вообще конченным дебилом.

Поговорили и о культуре — к нам на днях приехала выставка скульптуры из Флоренции, и общество пришло к неприятному выводу, что рисуют наши, пожалуй, не хуже имперских, а вот со скульптурой дело у нас обстоит совсем печально.

— Мама сходила на выставку, затем пригляделась к статуям, что стоят у неё в клинике, и пришла в ужас, — рассказывал я, аккуратно вскрывая щипчиками клешню лобстера. — Потребовала отвезти их с глаз долой куда-нибудь в деревню, и вот прямо немедленно выписать из Флоренции скульпторов для оформления клиники. Я думал, Киру хватит удар — хорошо, что организм у неё молодой и устойчивый к стрессам.

Анна посмеялась, но потом посерьёзнела.

— Сочувствую вам, Кеннер, — в эмоциях у неё

действительно явно прослеживалось сочувствие. — Я уже достаточно знаю Милославу, так что могу предположить, что выписывать скульпторов вам всё-таки придётся.

— Ну, в любом случае не так чтобы сразу, — уклончиво сказал я. — Нас, конечно, бедными не назвать, но деньги мы, увы, не печатаем.

Со скульпторами получилось довольно смешно, хотя за пределами семейства я подобные вещи обсуждать, разумеется, не собирался. Забавный момент — для меня забавный, а для мамы наоборот, — состоял в том, что, потребовав немедленно доставить ей скульпторов, она тут же сделала неприятное открытие, что ситуация в семействе с недавних пор существенно изменилась. У нас сейчас стало две семьи, и Кире пришлось ей напомнить, что деньги у каждой семьи теперь свои. Если раньше она могла просто высказать свои пожелания, и нам с Кирой приходилось ломать голову, как их удовлетворить, то сейчас сразу же вставал вопрос: кто будет эти пожелания оплачивать? Потребовать, чтобы за неё платили дети, она, разумеется, не могла, а своих свободных денег у неё просто не было. Могу маме только посочувствовать — если не привык считать деньги, то очень тяжело начинать жить по средствам. Ну, это теперь проблема Эрика.

— Так зачем вы пригласили меня, Кеннер? — спросила Анна, когда мы, наконец, покончили с обедом. — Опять решили меня нагнуть?

— Если вы действительно так восприняли наш прошлый разговор, то я прошу у вас прощения, — серьёзно ответил я. — У меня совершенно не было такого намерения. И сейчас я пригласил вас, разумеется, не за этим.

— Я не в обиде, Кеннер, — махнула рукой Анна. — Не берите в голову. Положа руку на сердце, я всё-таки понимаю, что вы были правы, да и делали это не ради себя. Хотя тогда я, конечно, немного разозлилась.

— Надеюсь, у нас с вами больше никогда не возникнет нужды в подобном разговоре, — ответил я, и это было сказано совершенно искренне. Моё счастье, что Анна отходчива, а то ведь так можно приобрести и врага на всю жизнь. Учитывая её возможности, перспектива неприятная. — Хотя один из вопросов действительно связан с Клаусом фон Абенсбергом.

— Хотите узнать закрытые выводы комиссии? — она с

явным недовольством посмотрела на меня. — Вообще-то, такая информация закрыта не просто так.

— Почему-то вы всегда очень быстро делаете обо мне выводы, и почему-то они всегда мне не льстят, — укоризненно сказал я, и Анна немного смутилась. — Я не пытаюсь узнать какие-то секреты, всего лишь ваше личное мнение и ваши наблюдения. В той части, которая не затрагивает тайну личности.

— Хотите его использовать, — утвердительно кивнула Максакова.

— Хочу дать ему долю в семейных предприятиях, — пояснил я. — Для начала в «Саде камней», а там будет видно.

— Щедро, — она с удивлением посмотрела на меня.

— Он наш вассал, и мы обязаны о нём заботиться, — вздохнул я. — А возможности трудоустройства у главы аристократического семейства практически отсутствуют, он же не может просто пойти куда-то рядовым сотрудником. Он, конечно, отработает эту долю, но всё же будет трудиться как компаньон, а не как наёмный работник.

— Понимаю, — согласилась она. — Тем не менее, достойно — многие ведь даже не стали бы задумываться о чужих проблемах.

— В общем, я хочу узнать о нём чуть больше, чтобы понять, с чем он может справиться, а что ему поручать не стоит. Цифры в аттестационном листе дают не так уж много информации. Мне хотелось бы услышать ваши личные впечатления — разумеется, никаких секретов, просто что стоит за этими цифрами, и с чем у него могут быть проблемы.

— Почему бы и не рассказать? — пожала она плечами. — Каких-то секретов здесь действительно нет. Лучшее всего у него дело обстоит с артефакторикой — бесспорный восьмой ранг. Есть некоторое отличие в наборе обязательных конструкторов, да и сами конструкторы заметно отличаются, но придирались мы не стали — все тестовые задания восьмого ранга он выполнил уверенно, а это главное.

— Он и говорил, что является прежде всего артефактором, — заметил я.

— С этим вам определённо повезло, Кеннер. Можно сказать, что сейчас в вашем полном распоряжении самый высокоранговый ремесленник княжества. Да-да, именно так, —

кивнула она в ответ на мой вопросительный взгляд. — Формально у нас есть ещё два ремесленника восьмого ранга, но один уже не берёт заказов и, по некоторым признакам, впал в старческий маразм, а чтобы разместить заказ у второго, нужно перед ним буквально пресмыкаться. Так что, их, по сути, у нас и нет.

— Это совершенно ненормальная ситуация, — только и мог сказать я.

— И не поспоришь, — кивнула она. — Утешает лишь то, что в других княжествах ситуация не лучше — если, конечно, это можно назвать утешением. Но я продолжу. В алхимии он взял седьмой ранг, но с некоторой натяжкой. То есть, формально он критериям не вполне соответствует, но по факту всё-таки является Старшим алхимиком. Ему можно было дать шестой ранг, а можно и седьмой. Комиссия долго спорила, однако в конце концов решила, что всё-таки правильной признать его Старшим.

— Не знаю пока, где можно это использовать, — откровенно сказал я. — Но мы попробуем придумать какие-то задачи для алхимика — Старших алхимиков можно по пальцам пересчитать, позволить такому специалисту простаивать — это расточительство.

— Не сомневаюсь, что вы что-нибудь придумаете, Кеннер, — развеселилась Анна. — Что-нибудь высокодоходное. Ну ладно, пойдём дальше. Как боевик, он вытянул только на шестой ранг, и это опять же с большой натяжкой. Если бы он не был Старшим, мы бы присвоили ему пятый. По основным нормативам он на большее не тянет, но за счёт хороших способностей к волевым построениям мы сочли возможным ранг ему немного поднять. Однако имейте в виду, что для боя он слабо подходит, разве что в составе сильной группы. И это его предел — даже если отдать его на пять лет Менски, ситуацию это не исправит. Годы уже не те, время упущено.

— Это ценная информация, спасибо, Анна, — поблагодарил я. — Если его вдруг понесёт в бой, без охраны не отпустим. Потерять его мы определённо не хотим. Впрочем, его жена вполне способна о нём позаботиться.

— Дорохова справится, — кивнула она.

Нужно же, прямо удивительно — глава Круга Силы знает скромного боевика пятого ранга, и настолько хорошо знает, что

уверена, что та справится. И я, кажется, догадываюсь, в чём тут дело.

— Лада сейчас, кстати, не Дорохова, а фон Абенсберг, — небрежно поправил я. — Её вы тоже держите под наблюдением, как возможную Высшую? Хотя она, конечно, талант, и работает упорно. И с дурью она нынче совершенно покончила, так что не удивлюсь, если и впрямь в будущем возвысится.

Анна выглядела, как будто её стукнули пыльным мешком по голове.

— Что вы знаете об этом, Кеннер? — потребовала она. — Говорите!

— Да практически ничего не знаю, — пожал я плечами. — Знаю, что вы наблюдаете за теми, кто, по вашему мнению, способен в будущем возвыситься. На нашем курсе за Миной Золотовой присматриваете. Вот сейчас выяснилось, что и за Дороховой тоже.

— Ивлич рассказала? — с явным отвращением спросила она.

— Гана расскажет, пожалуй, — засмеялся я. — Из неё любую информацию приходилось с боем выцарапывать. Нет, ничего она мне не рассказывала, сам догадался. До чего-то сам дошёл, что-то по оговоркам понял, вот как сейчас. Не беспокойтесь насчёт этого, Анна, я никому ничего не рассказывал, и рассказывать не собираюсь. А вот за Ладой вам больше следить не стоит — если до Дворянского Совета дойдёт, что вы следите за аристократкой, шум будет до небес.

— Шантажируете? — мрачно спросила она.

— Бросьте, Анна, — махнул я рукой.

— Я так понимаю, что за вами тоже следить не стоит?

— Да нам с Леной на самом деле всё равно — до тех пор, пока это ваше наблюдение нас не раздражает. Да-да, я имею в виду тот цирк, что вы устраивали с нашими экзаменами. Однако имейте в виду, что это нам всё равно, зато Дворянский Совет это без внимания не оставит, причём отсутствие претензий с нашей стороны его не остановит. Они просто не смогут упустить возможность вас слегка придушить. Так ведь и вы, случись Дворянскому Совету подставиться, тоже мимо не пройдёте.

— Я вас услышала, Кеннер, — поморщилась она, — спасибо за предупреждение. Ну и последнее о вашем Клаусе: как лекарь

он потянул только на четвёртый ранг, причём опять же с натяжкой. Сможет оказать какую-то помощь в полевых условиях, но это его предел.

— Я примерно этого и ожидал, — согласился я. — Нельзя стать лекарем, просто прочитав учебник, а практика у него вряд ли большая.

Анна молча кивнула и занялась десертом, показывая этим, что больше я ничего от неё не услышу. Я тоже лениво ковырял своё бланманже[14], раздумывая, как бы плавно перейти к главному вопросу. И чем дольше я его обдумывал, тем меньше он мне нравился. Лучше было бы вообще об этом забыть, но я обещал это выяснить, а обещания всё-таки надо выполнять. В конце концов Анна помогла мне сама:

[14 — *Сладкий десерт, представляет собой молочное желе с разными добавками.*]

— Так это всё, что вы хотели узнать, Кеннер?

— Нет, это был попутный вопрос, — наконец, решил я. — На самом деле я здесь как делегат от нашей группы. Да пожалуй, и не только от нашей.

Анна посмотрела на меня с интересом, и выражением лица обозначила вежливое внимание.

— Дело в том, что всех нас беспокоит будущая практика. Как выяснилось, даже преподаватели не представляют, что нас там ждёт.

— Это вы про своё воздействие? Я читала доклад. Можете это продемонстрировать?

— На вас продемонстрировать? — поразился предложению я.

— Нет-нет, на мне не надо, — засмеялась Анна. — Давайте вот на этой вилке. Для начала выполните стандартное воздействие на нервный узел.

— А разве можно на какой-то предмет?

— Почему же нет? Для вас-то какая разница на что воздействовать? Давайте, так сильно, как только можете.

Вообще-то и в самом деле — какая для меня разница? Я собрался и двинул Силу. Крупная голубая искра с громким щелчком перебросилась с вилки на лежащий рядом нож.

— Мощно, — с уважением сказала Анна. — Вижу, что техникой вы вполне овладели. Имейте в виду — если ударите таким образом в нервный узел, человек, скорее всего, умрёт от

шока. А теперь то же самое, но вашим альтернативным способом.

Я опять сосредоточился, и Сила качнулась немного иначе. На этот раз никакой искры не было — вилка на мгновение как бы смялась, но тут же вернулась к исходному виду.

— Действительно ничего не почувствовалось, — озадаченно сказала Анна. — Однако некое воздействие определённо имело место. Всё это безумно интересно, конечно, но чего именно вы от меня хотите?

— Вы не находите, что это немного безответственно — посылать студентов в опасное место, о котором и преподаватели ничего не знают?

— Вот сейчас вы меня удивили, Кеннер, — укоризненно покачала головой она. — Уж от вас-то я не ожидала такое услышать. Во-первых, студенты-старшекурсники отнюдь не беспомощные овечки, вы только что это очень убедительно продемонстрировали. А во-вторых, вы — боевики. Вас готовят для службы в войсках. Вот скажите: когда вы приказываете своей дружине выдвинуться в какое-то место, вы ожидаете, что командир начнёт в панике восклицать, что там может быть опасно? Если воину даётся приказ, то он либо его выполняет, либо докладывает, по какой причине его невозможно выполнить, либо обоснованно запрашивает дополнительные силы и средства.

Мне стало стыдно — я действительно выглядел сейчас как паникёр.

— И вы не правы, Кеннер, если думаете, что мы проигнорировали вашу информацию, можете так и передать своим однокурсникам. Попробуйте воздействовать на меня, только несильно, пожалуйста.

— Вы уверены? — с сомнением спросил я.

— Уверена, действуйте.

Я опять толкнул Силу, на этот раз совсем слабо. Анна никак не отреагировала — только моргнула, хотя вполне возможно, что она моргнула безо всякой связи с моей попыткой.

— То есть вы воздействие не видите, но защищаться можете? — спросил я в полном недоумении. — Как это возможно?

— У нас в архивах много чего есть, нашлось и описание способа защиты, — улыбнулась она. — Правда, для студентов

этот способ слишком сложен, но для них есть и совсем простой вариант.

— Ходить парами, и в броне?

— Вот видите, вы и сам всё прекрасно знаете. В общем, не беспокойтесь — там, конечно, опасно, но вы же боевики, а не ремесленники. Для вас просто нет никакого смысла в безопасной практике. И разумеется, мы сделаем всё возможное, чтобы никто из студентов не пострадал.

— А вы разобрались, что это за воздействие, и почему Владеющие его никак не ощущают? Точнее, ощущают только результат?

— Пока ничего конкретного, — с сожалением сказала она. — Есть только предположение, что это ещё одна грань Силы, но это слишком неопределённо. Вообще-то говоря, это я должна задавать вам вопросы. Каким образом получилось, что вы это воздействие не только чувствуете, но и можете им управлять?

— У меня нет никаких идей на этот счёт, Анна, — честно ответил я. — Могу только предположить, что это дар Силы.

— Не слишком ли много у вас даров, Кеннер? — скептически спросила она.

— Меня этот момент тоже смущает, — признался я. — Совершенно не представляю, где я мог бы получить такой дар, и за какие заслуги.

— Стало быть, нам пока нечего сказать друг другу, — подвела итог Анна. — Если мы что-нибудь узнаем, я вам сообщу, но и вы пообещайте мне рассказать то, что узнаете.

— Расскажу, — пообещал я.

— Надеюсь, на этом всё? — спросила она, поднимаясь из-за стола. — А то мне уже пора.

— На этом всё, — подтвердил я, поднимаясь вслед за ней. — Благодарю, что откликнулись на моё приглашение.

Анна кивнула, надевая симпатичную шапочку с кошачьими ушками и придирчиво рассматривая себя в зеркале. Шапочка настолько контрастировала с её образом строгого начальника, что я не смог сдержать улыбки.

— Симпатичная шапочка, — заметил я улыбаясь. — И выглядите вы в ней на удивление мило.

— О, кажется, это комплимент, — засмеялась она.

— Всего лишь констатация факта, — возразил я.

— Пусть так, но всё равно приятно, — ответила она,

заправляя выбившуюся прядь. — Когда я была ребёнком, бабушка связала мне точно такую же шапочку. Я её просто обожала, и долго плакала, когда она случайно потерялась.

По-моему, подобные шапочки всё-таки больше подходят для детей, чем для взрослых женщин. Хотя в последнее время я часто вижу их на улице, и даже у Ленки появилась серенькая шапочка с круглыми ушками как у мышки. Я нахмурился, пытаюсь понять, что может означать посетившее меня неясное ощущение.

— Как удачно сложилось, что ваша любимая шапочка вдруг вошла в моду, — заметил я. — Поразительное совпадение, правда?

Анна ничего не ответила, но с интересом посмотрела на меня.

— А что у нас ещё неожиданно вошло в моду? — продолжал я. — Какие новые тенденции внезапно появились в массовом сознании? И кстати, князь знает о том, что вы балуетесь в княжестве административным регулированием?

— Так и знала, что вы быстро это поймёте, — со вздохом сказала она, садясь обратно на стул. — Садитесь, Кеннер, давайте сразу и окончательно всё выясним, чтобы у вас больше не возникало подобных вопросов.

Я тоже уселся, насторожённо на неё глядя.

— Отвечая на ваш вопрос, Кеннер: князь знает. Более того, это его требование, чтобы я как можно быстрее освоила эту методику. Административное регулирование в интересах княжества — это прямая обязанность главы Круга Силы, и я прошу вас помнить, что это государственная тайна. Ваши отношения с женой мне известны, но даже ей этого знать не стоит.

— Хорошо, я не буду ей ничего говорить, — согласился я. — Но для меня довольно неожиданно, что князь полагается на административное регулирование, а не на более традиционные средства.

— Вы имеете в виду пропаганду? А вы много пропаганды у нас видели?

— Пожалуй, что и нет, совсем не видел, — я с удивлением осознал, что и в самом деле никогда не замечал каких-то настойчивых попыток куда-то сместить общественное мнение.

— Пропаганда слишком опасна, Кеннер, — мягко сказала

Анна. — Правители часто не могут удержаться от соблазна быстро обеспечить поддержку общества, но за это всегда приходится дорого платить впоследствии. Ведь пропаганда действует на всех, включая тех, кто её использует. Удивительный факт, но люди быстро начинают верить в то, что они сами же и придумали. Они что-то сказали, кто-то повторил, это пошло дальше, и когда выдумка возвращается в исходную точку, она становится непреложным фактом для всех. Вы же понимаете, чем это опасно?

— Потеря связи с реальностью? Ошибки в оценке политической ситуации?

— Совершенно верно, — кивнула она. — Кроме того, пропаганда убивает альтернативные точки зрения. Это естественный процесс — когда начинает навязываться какой-то один взгляд на вещи, все другие вскоре начинают восприниматься, как враждебные. В результате пропаганда сначала цементирует общество, а затем маятник качается в обратном направлении. А поскольку естественные регуляторы к этому времени уже успевают атрофироваться, это часто приводит к социальным потрясениям, которых государство может и не выдержать.

— И получается, что именно административное регулирование является залогом стабильности, так? — задумчиво заметил я.

— Совершенно верно. Князь не использует пропаганды — он, наоборот, тайно поддерживает альтернативные взгляды. Причём поддерживает даже тех, кто, скажем так, не вполне дружественно к нему настроен.

Я сразу же вспомнил, как мы случайно узнали о тайной поддержке людьми князя «Русского голоса» — вестника самой непримиримой оппозиции. «Русский голос» был враждебен князю настолько, что никто не понимал, почему подобный пасквильный листок вообще может существовать.

— Оппозиция используется как предохранительный клапан, чтобы стравливать лишнее давление? — догадался я.

— Браво, Кеннер, — одобрительно кивнула Анна. — Именно так. Вспомните, сколько столетий у нас не было никаких социальных потрясений. Если изредка и происходят народные волнения, то они носят локальный характер, никогда не бывают направлены на власть, и всегда очень быстро затихают.

Я сразу и полностью ей поверил. Действительно, всё это вполне объясняло поразительную устойчивость нашего общества, которая всегда меня удивляла.

— А скажите, Анна, — вдруг пришла мне в голову мысль, — в чём заключается роль киевских гражданок? Не может ли оказаться, что они тайно рулят нами из-за кулис?

— Нет-нет, ни в коем случае, — решительно отказалась она. — Поверьте, это не прошло бы незамеченным. Их роль ограничивается небольшой помощью — они всего лишь вводят в курс нового главу Круга Силы и во внутренние дела княжества не лезут.

— Но получается, что они являются гарантами стабильности власти в княжествах?

— Пожалуй, можно сказать и так, — согласилась Анна. — Хотя, если строго между нами, Кеннер — кое-что и меня заставляет задуматься. Вот, в частности, вас никогда не удивляла такая крепкая дружба княжеств? Ведь ещё во времена Владимира Окаянного ничего подобного не было, княжества воевали друг с другом больше, чем с внешними врагами. Рязанцев, например, соседи просто ненавидели, и к Рязани относились хуже, чем к кочевникам. Но последнюю тысячу лет или даже больше у нас сплошное благолепие.

— Полагаете, здесь приложили руку гражданки? — задумчиво сказал я. — Очень может быть. И скорее всего, так и есть. Не удивлюсь даже, если съезды князей решают именно то, что решили гражданки. И как вы к такому относитесь?

— Я пока не сформировала своего мнения, — пожала плечами она. — Если судить по результатам, то в целом, скорее, положительно. Во всяком случае, каких-то отрицательных сторон я пока не вижу. Если не считать того, что немного обидно сознавать, что нашей жизнью управляют какие-то кукловоды со стороны.

— Если не считать этого, — согласился я.

Глава 14

— Привет, Эрик, — поздоровался я. — Не помешал?

— Здравствуй, Кеннер, — он встал из-за стола навстречу. — Не помешал, конечно — ты же предупреждал, что приедешь.

Я обвёл глазами его кабинет. Небольшая комната, довольно аскетично обставленная — пара шкафов, набитых папками, диванчик с журнальным столиком в углу, простой дубовый стол, порядком заваленный бумагами.

— Это твой постоянный кабинет? — поинтересовался я. — Или подходящее помещение просто пока не готово?

— Пока не готово, — неохотно ответил он после небольшой заминки.

Очень говорящая заминка. Несложно было догадаться, что он как раз и воспринимал эту комнатку как свой постоянный кабинет, и никуда переезжать не планировал. Вот только по моему тону сразу понял, что я ему скажу, если он так ответит.

— Перед тем как переедешь туда, не забудь заблаговременно подать требование на приличную мебель, — с нажимом сказал я. — Соответствующую твоему положению.

— Подам, — хмуро ответил он.

— Эрик, ты пойми, пожалуйста, — уже мягче сказал я, — это не моя прихоть. Мы с тобой знаем, что это просто скромность, но для посторонних это будет выглядеть так, будто семья считает тебя вторым сортом. А именно таким образом это и будет воспринято. Даже твои подчинённые так подумают. И отразится это в первую очередь на тебе — ведь если тебя не уважают свои, то чужим это тем более не обязательно. А поскольку мы никому не позволим тебя унижать, то дело запросто может кончиться кровью.

Похоже, что я, наконец, сумел до него достучаться — во всяком случае, в этот раз Эрик мои слова воспринял серьёзнее, чем раньше.

— Я всё понял, Кеннер, — кивнул он с хмурым видом.

— Ты, кстати, подумай насчёт того, чтобы переехать в Масляный, — посоветовал я. — Ты ведь ещё и за четвёртый механический отвечаешь — тебе будет удобнее сидеть там, где все управленцы под рукой. Ну ладно, что мы всё не о том. Как у вас жизнь? В одном доме живём и всё никак повстречаться не можем. Надо хоть совместные завтраки сделать, что ли, а то это

вообще никуда не годится.

— Дом большой, вот и не встречаемся, — хмыкнул Эрик. — Я там до сих пор в коридорах ещё путаюсь. А насчёт общих завтраков мысль хорошая. Вообще-то, Лена к нам вчера забегала, они с Милой долго о чём-то шептались.

— Они вечно о чём-то шепчутся, — махнул я рукой. — Даже не представляю, что такое они постоянно обсуждают.

— Ну, что они постоянно обсуждают, я, конечно, не знаю, — сказал Эрик с интонацией, которая показалось мне странной, и я мгновенно насторожился, — но вот что они обсуждали вчера, я могу предположить.

Я молча смотрел на него, ожидая продолжения, и он действительно продолжил:

— Мила беременна.

— Да ты что! — поражённо воскликнул я. — Ну наконец-то! А я всё гадал, с чего ради Лена на меня так хитро посматривала вчера вечером. Срок большой?

— Два дня, — он начал загибать пальцы. — Или три? Нет, два.

— Гм, — поперхнулся я. Впрочем, чего я ожидал? Маме полоски на тесте считать не нужно.

— Сказала, что пока точно не знает, в какой день родит — смотря как дочка будет развиваться. Назвать решили Эрной.

— Мама не хочет отходить от традиции, — понимающе кивнул я.

— От какой традиции? — не понял Эрик.

— Потомков Кеннера Ренского принято называть северными именами. Ренские верят, что проблемы Ольги с дочерью возникли из-за того, что та решила от этой традиции отойти и назвала дочь славянским именем. Похоже, мама в это тоже верит, ну, или просто решила не рисковать.

— Вот как? — на лице Эрика отразилось понимание. — А я всё удивлялся, почему она попросила выбирать только из северных имён. Но мне, в общем-то, разницы нет — Эрна хорошее имя, мне нравится, и Миле тоже.

— Есть другая теория, что характер в нашей ветви передаётся по женской линии от прапрабабушки Асты — достаточно на её портрет посмотреть, чтобы понять, что характер там тот ещё. Вот лет через двадцать вы эту теорию и опровергнете. Ну, или подтвердите, хотя не хотелось бы.

— Не хотелось бы, — согласился Эрик, слегка помрачнев. История бурных отношений Ольги с дочерью мимо него явно не прошла.

— Я тоже надеюсь, что Аста здесь ни при чём, — пожал плечами я. — У нас ведь точно та же проблема. Но извини — сам понять не могу, с чего я взялся тебя запугивать, разговор как-то сам собой не туда зашёл. Ты-то рад?

— Уже и не знаю, — честно ответил Эрик. — Вроде и хотел, а сейчас даже не представляю, как оно будет.

Да, жизнь вольника его к такому определённо не готовила.

— Да нормально всё будет, не бери в голову, — махнул рукой я. — Тебя никто особо напрягать не станет, и без тебя найдётся кому сюсюкать. Лена наверняка будет к вам бегать постоянно. Будешь вроде главы прайда — снисходительно поглядывать, как львицы суетятся.

— Хм, — недоверчиво сказал Эрик. Непохоже было, что я его сильно успокоил.

— Ладно, дома можно будет об этом подробно поговорить, — закончил обсуждение я. — Давай о деле — как здесь работа продвигается?

— График выдерживаем, — деловитым тоном начал докладывать Эрик. — Первые два уровня уже готовы, начинаем монтировать внутреннюю облицовку камер и стойки для ячеек. На третьем уровне идут завершающие работы, заканчиваем полировку стен. По этому поводу у меня вопрос, Кеннер: зачем облицовывать все камеры броневаой сталью? Зачем делать стойки для ячеек из броневго листа полвершка толщиной? Ренские укрепили даже внутренние стены — что нам, кстати, обошлось в огромные деньги. И несмотря на укреплённые стены, каждая камера изнутри ещё и облицовывается сталью, то есть делается внутренняя бронекapsула. Зачем? Учитывая уровень охраны, это выглядит полной бессмыслицей.

— Не понимаешь, значит? — я задумался, пытаюсь подобрать подходящий пример. — Вот давай рассмотрим малые ячейки. Это стальная коробка, в которую можно положить несколько папок, или пачку бумаги, или несколько пачек денег, или что угодно относительно небольшого размера. Это наиболее востребованный размер ячейки. Такие ячейки хранятся в стойке размером тридцать на двадцать, то есть на шестьсот ячеек. Всё верно?

— Верно, — кивнул Эрик.

— Мы не знаем, что клиенты хранят в своих ячейках, поскольку гарантируем полную конфиденциальность. И вот к нам приходит клиент, арендует малую ячейку и кладёт туда, скажем, горсть мелких необработанных алмазов. Алмазы, конечно, представляют собой ценность, но, скажем так, относительно невысокую. Они сгодятся разве что для недорогой ювелирки. Но мы, разумеется, не знаем, что клиент туда положил. Следом за ним приходит ещё один клиент и тоже арендует такую же ячейку. Мы опять не видим, что он туда кладёт, и напрасно, потому что второй клиент положил в свою ячейку взрывчатку. Ячейки ставятся в стойку рядом друг с другом. Несколько дней всё спокойно, затем часовой механизм срабатывает, и происходит взрыв. Второй клиент, разумеется, растворился бесследно, зато приходит первый, с ужасом глядит внутрь своей ячейки и сообщает нам, что там была дюжина десятикаратных алмазов, которые сейчас превратились в обломки и пыль, и стоимость которых мы должны ему возместить. Этот вариант страхового мошенничества первым придёт в голову любому желающему хорошо и безопасно на нас заработать. Кстати, это одна из причин, почему банки сдают свои ячейки, не гарантируя сохранности содержимого.

Эрик помрачнел.

— И как мы можем с этим бороться? Тоже не гарантировать сохранности?

— Чем же мы тогда будем отличаться от банков? Мы обязаны гарантировать возмещение ущерба, иначе у клиента неизбежно возникнет вопрос, за что он нам платит.

— А у остальных владельцев этих шести сотен ячеек там тоже внезапно окажутся бриллианты?

— Нет, — улыбнулся я. — С этим достаточно просто бороться: клиент при оформлении аренды объявляет ценность, и стоимость аренды зависит от объявленной ценности. Ну и, конечно, производится экспертиза содержимого при наступлении страхового события. Но для страхового мошенника это не препятствие — он ведь может объявить любую ценность. Увеличение стоимости аренды для него не критично, да и арендовать-то ему надо всего на недельку.

— Мы можем размещать ячейки не подряд, чтобы нельзя было предсказать, где окажется ячейка мошенника.

— Очень хорошо, Эрик, — с удовлетворением сказал я. Он наконец-то начал пользоваться головой, и это меня действительно радовало. — Ячейки должны сдаваться в аренду в случайном порядке, а система их нумерации должна храниться в строгом секрете. Это действительно сделает очень сложным такой вариант страхового мошенничества, но проблема всё равно останется.

— Почему? — не понял он.

— Потому что этим могут заниматься и люди, которые вовсе не собираются получить с нас какие-то деньги, — объяснил я. — Например, это могут сделать наши враги. Каждый взрыв в хранилище, который привёл к убыткам клиентов — это огромный ущерб для нашей репутации, не говоря уж о чисто денежных потерях. И сделать это достаточно просто — всего лишь прийти и арендовать ячейку или даже камеру. Бронекапсулы и бронированные стойки для ячеек позволят минимизировать ущерб или даже полностью его избежать.

— Теперь я понял, — серьёзно сказал Эрик. — Как-то не задумывался о таком варианте. А как вообще будет происходить доступ к ячейке?

— Да там всё просто, — махнул я рукой. — Ячейка закрывается на два замка — один ключ у нас, второй у клиента. Сотрудник с ключом доступа к хранилищу не имеет — ячейку в отдельную комнату доставляет служащий хранилища, у которого, естественно, никаких ключей нет. Сотрудник с ключом открывает свой замок и выходит. У клиента есть, скажем, двадцать минут на работу с ячейкой, а потом всё повторяется в обратном порядке. Ну и по желанию клиент может опечатать ячейку. В общем, процедура несложная и вполне прозрачная.

— И ещё один вопрос, Кеннер, — Эрик выглядел смущённым. — Что там с крокодилами? Извини, что я об этом спрашиваю, просто хочется понять — это в самом деле что-то реальное, или можно за такие вопросы сразу в морду бить?

— Пока не знаю, — поморщился я. — Тамила их делает. Надеюсь, что она не подведёт — денег на эту дурь уже целая куча ушла.

— А что — может и подвести?

— Да кто ж её знает? — с досадой сказал я. — Может и подвести, наверное. Кое-что сомнительное в ней есть.

Эрик вопросительно посмотрел на меня.

— Как бы это объяснить... вот ей вроде как полторы тысячи лет, но я в это не верю. Понимаешь, возраст всё равно сказывается во многих моментах — поведение, разговор, жесты, да много разных мелких признаков. Как угодно хорошо загримируй подростка в старика, и всё равно будет понятно, что это ряженный. Точно так же старик вряд ли сможет абсолютно убедительно сыграть подростка. Обязательно будет проявляться какой-то диссонанс. Так вот, как я ни стараюсь, я никак не могу поверить в полторы тысячи лет. Мне даже в пару сотен трудно поверить. Например, как бы Драгана ни дурачила, никакого диссонанса в ней не чувствовалось, а с Тамилой он прямо глаза режет. Кстати, забудь, что я про Драгану сказал.

— Уже забыл, — согласно кивнул Эрик. — То есть с крокодилами пока непонятно?

— Непонятно, — вздохнул я.

* * *

Забор Ренских не переставал меня восхищать. Даже сейчас, среди зимы, кто-то стоял и, периодически дыша на руки, выкладывал очередную мозаику. Дело это, конечно, трудоёмкое, и продвигается медленно, но пройдёт двадцать лет, или тридцать, или пятьдесят, и вокруг этого забора будут бродить разинув рот толпы туристов. Даже сейчас уже есть на что посмотреть, но меня всё-таки немного удивляет такая страсть Ренских к красоте. У них что — где-нибудь в подвале есть машинка для печатания денег? Мы вот совсем не бедные, но такого, пожалуй, позволить себе не смогли бы.

Покрутив головой, я бросил подсчитывать чужие деньги и зашёл в проходную.

— Выясните, где я могу найти сиятельную Стефу, — распорядился я, кивнув охранникам.

— Она вас ждёт в ротонде Медведицы, господин Кеннер, — доложил дежурный после короткого разговора по телефону.

Стало быть, Стефа не забыла, что мы договаривались о занятии. Я поблагодарил его кивком и прошёл на территорию.

Как всегда, у Ренских сразу бросалась в глаза просто невероятная ухоженность. Даже снег с дорожек они не

отбрасывали на газоны, а вывозили, отчего и сугробы у них выглядели элементом дизайна. Я был бы не прочь завести такие же порядки и в нашем поместье, но бесплатной рабочей силы у нас не имелось, а держать целую армию дворников было бы слишком накладно.

Я успел пройти только до следующей дорожки, как буквально столкнулся со Стефой, которая спешила в том же направлении.

— Здравствуй, бабушка, — улыбнулся я ей. — Ты не со мной торопишься встретиться?

— С тобой, — улыбнулась она в ответ. — Здравствуй, Кеннер. Как у тебя дела?

— Да у меня-то как обычно, а вот как у вас? Конкретно, всё ли хорошо с нашим небольшим совместным начинанием?

— Всё просто замечательно, Кеннер, Эльма прекрасно поставила дело. Хотя должна заметить, что меня немного смущают её доклады. В частности, она пишет, что регулярно избивает Норита. Я этого совсем не понимаю.

Я без труда уловил общую картину и засмеялся.

— Точно, там ведь как раз и нужен кто-то вроде Эльмы! Просто поразительно, как вы угадали, кого туда надо посылать. Я ведь и сам только недавно понял, в чём там дело. Понимаешь, этим карлам необходимо регулярно драться — это у них что-то физиологическое, то ли сбрасывают таким образом дурную энергию, то ли ещё что. У нас раньше как их представители приедут, так народ от них буквально стонет — хамят, безобразничают, драться со всеми лезут. А сейчас их сопровождают специальные люди, которые чуть что, сразу им в морду суют, и отношения с партнёрами полностью наладились.

— Ну надо же, — в удивлении покачала головой Стефа. — Чего только в жизни не встретишь. Ну да, получается, что Эльма там самый подходящий кандидат. Была у нас мысль заменить её одной очень способной девочкой, хорошо, что от этой идеи отказались — девочка та совсем не из драчунов.

— Только драться мало, — уже серьёзно сказал я. — Если Эльма хорошо справляется, значит, у неё и с головой всё в порядке.

— Мы это понимаем, Кеннер, её заслуг никто не оспаривает, — внимательно посмотрела на меня Стефа. — Эльма полностью свой проступок закрыла, к ней больше никаких

претензий нет. Но всё равно спасибо, что ты за наших девочек заступаешься — мы это оценили.

Я смутился и не нашёлся что ответить. Мы неторопливо шли по аллее, пока не поравнялись со скамейкой, на которой сидели и о чём-то чирикали две девчонки лет пятнадцати. Они тут же вскочили и поклонились.

— Здравствуйте, девочки, — улыбнулся я им. — А на эту скамейку больше не садитесь, это сиденье уже готово сломаться. Не могу понять почему — такое ощущение, будто доска просто подпилена снизу.

Одна из девчонок тут же заглянула под скамейку и возмущённо ахнула.

— Скажите госпоже Инге, чтобы заменили здесь сиденье, — распорядилась Стефа, с интересом посмотрев на меня.

— Диверсия врага? — поинтересовался я, когда девочки убежали, а мы двинулись дальше. — Предстоят поиски террориста?

— Никаких поисков, — усмехнулась Стефа. — Я знаю, кто это сделал и почему. Это месть за неразделённую любовь. Не думала только, что у него дело до таких пакостей дойдёт.

— А я-то верил, что у вас все подростки прямо образцовые, — укоризненно покачал головой я.

— У нас они как у всех, — с неприкрытой иронией посмотрела на меня Стефа. — Можешь попросить свою мать рассказать, что она в своё время устроила в кабинете Ольги.

— Ой, нет! — отказался я. — Не все знания одинаково полезны.

— Ну ладно, не спрашивай, — согласилась она. — Есть и более интересный вопрос: как ты это заметил?

— Контроль окружения, — объяснил я. — Мы как раз сейчас изучаем внутренние напряжения объектов, вот Менски и требует от нас постоянно отслеживать всё вокруг.

— И как успехи?

— Пока слабовато, — признался я. — Пару часов могу отслеживать, а потом устаю, и внимание рассеивается. После этого надо как минимум час отдохнуть. Постепенно дело улучшается, но до летней сессии я, скорее всего, так и не смогу отслеживать окружение постоянно. Вообще-то, бабушка, у меня есть и более интересный вопрос: почему ты ничего не заметила?

— Потому что я не могу непрерывно отслеживать окружение, вот и не заметила. Никто этого не может. Ваш Менски может требовать что угодно, но два часа — это уже замечательный результат. И если ты действительно сможешь постоянно отслеживать окружение, то это даст тебе огромное преимущество, ради которого стоит потрудиться.

— А почему же он от нас этого требует, если это считается невозможным? — в замешательстве спросил я.

— Не знаю, — пожала она плечами. — Может, ставит перед вами недостижимую цель, чтобы вы как следует выложились. А возможно, он понял, что у тебя как раз может и получиться. И раз уж у тебя так хорошо с этим дело обстоит, то давай-ка добавим упражнения по сопротивлению материалов, у нас есть неплохие фамильные наработки.

Я тоскливо вздохнул, но возражать не стал. В конце концов, если уж тебя согласилась учить Высшая, то нужно стараться взять у неё как можно больше, а не канючить, что тебе и без того трудно.

— А скажи, бабушка — не доводилось ли тебе бывать на Севере? — я вдруг вспомнил, что давно собирался у неё об этом спросить.

— А что ты имеешь в виду под севером?

— Я имею в виду не тот север, который нами освоен, а те области, куда нормальные люди не заходят, и которые вообще не принято упоминать.

— Ах, ты об этом Севере. Была там краем, а что?

— Что ты можешь о тех местах рассказать?

— Да мало что могу на самом деле, — Стефа задумалась. — Нам те места не особо интересны. Встречаются там разные интересные звери и растения, но мы ведь не зоологи и не ботаники. Мы больше по ископаемым, а там что-то добывать смысла нет. Слишком сложная логистика. Нам проще то же самое рядом с Рифейском добыть. А чем тебя те края заинтересовали?

— Нас туда собираются на практику послать, но как выяснилось, наши преподаватели сами толком не знают, что там может встретиться. Вот мы и нервничаем.

Стефа пренебрежительно махнула рукой.

— Да ничего там такого страшного нет. Есть кое-какие необычные существа, так они подышают не хуже обычных.

Просто соблюдайте технику безопасности, правильно одевайтесь, не ходите поодиночке. Если гулять там, как в парке, то понятно, что можно пострадать, и если соблюдать осторожность, то серьёзной опасности нет. В тех местах ведь народ ещё не так давно травки собирал, и ничего. Хотя иногда гибли, конечно, как без этого.

— А сейчас не собирают?

— А сейчас большую часть этого научились синтезировать, так что цены упали, и траву собирать стало невыгодно.

— А вот ещё насчёт тех животных — некоторые из них, оказывается, владеют Силой, причём их воздействие никак не определяется. Но при этом вполне себе действует.

— Слышала я об этом, — кивнула Стефа. — Это даже пытались исследовать. Пришли к выводу, что это просто другая сторона Силы, нам по каким-то причинам недоступная. Но защититься от этого вполне возможно, и даже не так уж сложно.

— А как можно защититься?

— Ну вот есть способ собирать вокруг себя как бы плотный кокон Силы, вы скоро должны будете это проходить.

— Уже проходили, — заметил я. — Это для защиты нервных узлов.

— Не только для этого, но неважно. А есть и другой способ: нужно создать вокруг себя вакуум Силы. То есть тот же кокон, но наоборот. Просто это гораздо труднее, вот и реже используется. Но такой способ защищает от любого прямого воздействия Силы, от любой её стороны, и в любых формах.

— А студент такой вакуум Силы сможет создать?

— Студент вряд ли, а вот ты, наверное, сможешь, — оценивающе посмотрела на меня Стефа. — Давай этим тоже позанимаемся, я посмотрю, какие у нас упражнения на эту тему есть.

Опять напросился на добавочные упражнения — словно мало мне Магды Ясеновой, которая при малейшей возможности подсовывает мне дополнительные задания.

— А знаешь, что ещё интересно, бабушка — мы с Леной эту другую сторону Силы видим и даже можем её использовать.

— Вот как? — она с удивлением посмотрела на меня. — И каким образом вы сумели такую способность получить?

— Не знаю, честно.

— Куда ты умудрился залезть? — вслух размышляла она. — И как вообще на это можно настроиться?

Меня будто стукнуло по голове — было, было одно интересное место, куда я имел глупость залезть. Может, там мы и настроились каким-то образом? Во всяком случае, на что-то мы там действительно пытались настроиться. Озвучивать свою догадку я не стал — пришлось бы объяснять слишком многое из того, что я объяснять не хотел.

— А не знаешь ли ты, бабушка, такую Тамилу Лапу? — сменил я тему.

— Лапа, Лапа... — призадумалась она. — Нет, не помню такую. Кто это?

— Ещё один человек, который умеет обращаться с этой другой стороной Силы. При этом она настаивает, что Высшей она не является. И возраст у неё полторы тысячи лет.

— Если она не Высшая, то ей не может быть полторы тысячи лет, — отрицательно покачала головой Стефа.

— Почему? — заинтересовался я. — Объяснишь?

— Да всё просто, Кеннер. Вот скажи: сколько живёт человек, и почему именно столько?

— Ну если вообще, то лет до восьмидесяти. У нас до ста пятидесяти примерно. А почему столько... насколько я понимаю, дефекты деления клеток накапливаются или что-то в этом роде.

— А Владеющий сколько живёт? Ладно, отвечу за тебя — лет до трёхсот-четырёхсот, иногда пятисот. Потому что у него сродство с Силой подавляет механизмы старения, и оно происходит соответственно медленнее. А теперь вопрос тебе: сколько живут Высшие?

— Тысячу лет? — предположил я. — Или две? — потом я вспомнил Бальдебрету из племени гаутов и уверенно ответил: — Три тысячи лет.

— Нет, Кеннер, — улыбнулась Стефа. — Высшие живут столько же, сколько и обычные Владеющие. Ну может, чуть больше, но ненамного.

— Не может такого быть, — усомнился я. — Взять хотя бы Бальдебрету — сколько ей? Две тысячи точно есть — разве не так?

— Так, — согласилась она. — Только это не та же самая Бальдебрета.

— В каком смысле? — непонимающе нахмурился я. — Бабушка, объясни нормально, пожалуйста.

— Ты знаешь, что такое духовная форма?

— Очень примерно.

— Ну, точно это вряд ли кто знает. Так вот, именно духовная форма хранит полный слепок организма. Не копию каждой клетки, которая к этому возрасту, скорее всего, содержит множество дефектов, а цельный образ организма. И если перейти в духовную форму, а потом обратно, то организм полностью восстановится. Не обязательно в точности в таком же виде, но, как минимум, в очень похожем. И уход в Осколки как раз чаще всего с этим и связан — приходит время умирать, и если ты хочешь жить дальше, тебе надо суметь хоть на мгновение перейти в духовную форму. Впрочем, больше, чем на мгновение, вряд ли получится — существование в духовной форме требует просто чудовищной энергии.

— То есть получается, что если научиться переходить в духовную форму хотя бы на мгновение, то можно жить вечно?

— Было бы просто замечательно, — усмехнулась Стефа, — но, к сожалению, ничего подобного. Духовная форма содержит не какой-то шаблон идеального организма, а его текущую копию. Без мусора, но всё равно неидеальную. Я не знаю, сколько раз можно обновлять организм, но рано или поздно приходит момент, когда образец становится нежизнеспособным, и чтобы существовать дальше, необходимо окончательно перейти в духовную форму. И если у тебя к тому времени не будет хватать на это энергии, ты умрёшь, как любой человек. Нельзя жить вечно, даже Вселенная рано или поздно умирает.

— А духовная форма живёт вечно?

— Не знаю, Кеннер. Никто не знает. Если у кого-то и получилось полностью перейти в духовную форму, он не вернулся нам об этом рассказать.

Глава 15

В дверь каюты осторожно постучали.

— Господин, приказано разбудить! — слышался голос юнги.

— Да, я услышал, — отозвался я, с некоторым усилием открывая глаза.

Мог бы и не трудиться отвечать — по стремительно удаляющемуся топоту было понятно, что юнга моих слов не услышит. Судя по всему, Ленка оказала на юнгу столь глубокое впечатление, что с самого нашего первого полёта на «Иволге» он всеми силами избегал её, а заодно и меня. Учитывая потрясающее умение юного воздушника шкериться по разным закуткам, увидеть его своими глазами мне было не проще, чем узреть райскую птицу Гамаюн. Даже не представляю, что такого Ленка с ним сделала — вроде никогда не замечал за ней склонности обижать детей.

Как ни хотелось мне избежать очередного путешествия, но лететь к рифам всё-таки пришлось. Слишком уж ненадёжные они партнёры, и слишком дорого обошлись бы мне любые с ними проблемы. И с нормальными-то партнёрами нужно всегда держать руку на пульсе, а рифов даже близко нельзя назвать нормальными. Так что всю дорогу до Рифеев я мучительно раздумывал, как добиться того, чтобы у них даже мысли не возникло нарушить договорённости. Ничего подходящего в голову не приходило... может, попробовать избить старейшин? А что, вполне может оказаться нормальным решением. И для меня, возможно, тоже — в этот раз я не стал брать с собой Ленку, и без неё рядом уже начал ощущать лёгкое беспокойство, постепенно переходящее в глухое раздражение.

Я не торопясь умылся, оделся и уже через четверть часа появился в рубке дирижабля.

— Здравствуйте, почтенный Ефрем, — поздоровался я с капитаном, который что-то строго выговаривал рулевому.

— Здравствуйте, господин Кеннер, — он тут же повернулся ко мне. — Вы распорядились разбудить вас за час до прилёта. Завтрак уже ждёт вас в кают-компании.

— Всё правильно, капитан, благодарю вас, — благосклонно кивнул я. — Где мы сейчас находимся?

— В области лесных племён, — капитан жестом показал на

обзорное окно рубки, и действительно, внизу уже не было и следа заснеженной черневой тайги — там расстилались зелёные лужайки и весело шелестели яркой листвой берёзы и клёны, ну, или что-то на них похожее.

— Мы бы уже час назад были на месте, — виновато заметил он, — но приходится постоянно огибать их леса. Вот и болтаемся туда-сюда, как матрос в увольнении.

— Над их лесами пролетать нельзя? — удивился я.

— Лесные это сильно не любят, а нам с ними ссориться не с руки. На обратном пути у них же груз брать будем. А главное, техника там не очень хорошо себя ведёт, особенно точная механика. Гирокомпасы, к примеру, над их лесами постоянно ломаются.

Ну да, их леса ведь стягивают на себя Силу, так что неудивительно, что техника там отказывает.

— А у кого мы будем забирать груз?

— В этот раз у Осоки.

— В этот раз? — не понял я. — А что, вы разве не в одном месте забираете?

— В основном у Осоки, но каждый третий раз берём у Ивы. Они с Осокой не очень ладят, так что Ива со своими друзьями отправляют отдельно.

Да, помнится, Старая Ондатра пыталась натравить меня как раз на племя Ивы — впрочем, не особо настойчиво. Ну что же, обязательно воспользуюсь возможностью повидать Старую Ондатру. Не исключено, что она сможет что-то рассказать мне о Севере, а меня этот вопрос по-прежнему беспокоил. Как ни пытались меня убедить, что там нет ничего особенного, просто какие-то необычные животные, у меня по-прежнему оставалось стойкое ощущение, что дело обстоит не так просто. В конце концов я решил посмотреть лес вероятностей; рассматривать пришлось долго, и я едва не упал в обморок от перенапряжения, но всё же сумел обнаружить удивительную вещь — все ветви вокруг основной сильно дрожали. Мой неизвестный опекун усердно старался заменить ветку с моей поездкой на Север на любую другую, но все прочие ветви были так слабы, что у него — или у неё? — ничего не получилось. Это и понятно — в ветви с посылкой студентов на Север замешана Высшая и, скорее всего, не одна, и изменить подобную ветвь невероятно трудно, но тем удивительнее

выглядели такие упорные попытки. Здесь мне уже стало окончательно ясно, что дело вовсе не в необычных животных, и мои предчувствия действительно имеют под собой какие-то основания.

Я вынырнул из своих размышлений и обнаружил, что капитан напряжённо смотрит на меня — то ли ожидая каких-то распоряжений, то ли ещё чего-то.

— Благодарю вас, капитан, — сказал я ему максимально дружелюбным тоном. — Я иду завтракать, вернусь в рубку ближе к посадке. Хочу посмотреть на Доломитный с воздуха.

Видеть новый посёлок мне ещё не доводилось. Окрестности Доломитовых врат сильно изменились с тех пор, как я был здесь последний раз. Рядом с воротами возник небольшой посёлок, где можно было ясно различить штаб с флагом у крыльца, казармы, и ещё одно двухэтажное здание, которое, скорее всего, было лавкой. Вокруг них теснилось десятка три изб с небольшими огородами — учитывая, что посторонние здесь категорические не приветствовались, там, по всей вероятности, жили офицеры и женатые ратники.

Сами ворота тоже изменились — если раньше вся обстановка там ограничивалась большим камнем, на котором сидели и степенно цедили свою грибовуху часовые, то сейчас возле камня появилась сверкающая свежей краской караулка. Рядом возвышались пара больших штабелей рельс — карлы явно предпочли заказать их в Рифейске вместо того, чтобы катать самим. Хотя как бы они их катали? Глубоко сомневаюсь, что у них есть прокатный стан — если бы они решили делать рельсы сами, то им, наверное, пришлось бы их ковать и доводить напильниками.

Пока мы неторопливо заходили на посадку, из глубины врат выскочила бригада из четырёх карл, взгромодила на плечи рельс и бодро побежала обратно внутрь. «Крепкие ребята», — с уважением отметил я. Рельс узкоколейки, конечно, гораздо легче обычного, но таскать его вчетвером всё равно работа не для слабаков.

Дирижабль резко вздрогнул, когда причальная скоба с лязгом ударила в демпфер. Я едва успел ухватиться за какую-то железку и с недовольством подумал, что опять замечтался и забыл, как жёстко причаливают курьеры.

— Мы на мачте, господин Кеннер, — объявил капитан.

Можно было и не объявлять — даже будь я без сознания, и то, наверное, не пропустил бы момент причаливания. Впрочем, вины капитана здесь никакой не было, так что я подавил очередной приступ раздражения и, вежливо его поблагодарив, двинулся к выходу. Трап уже был переброшен, а из трюма доносилась ругань матросов, с которой, собственно, обычно и начинаются любые погрузочно-разгрузочные работы.

У подъёмника внизу меня уже встречал командир гарнизона в ранге сотника.

— Господин Кеннер Арди? — козырнул он.

— Совершенно верно, — согласно кивнул я. — Здравствуйте, почтенный. Насколько я понимаю, вас известили о моём приезде?

— И приказали оказывать вам полное содействие, — подтвердил он.

— Мне по большому счёту никакого содействия не нужно, — пожал плечами я. — У меня в планах пообщаться со старейшинами карл, так что я направляюсь к ним. А когда выйду, то сразу же улечу.

— У карл в пещерах очень нездоровая атмосфера для людей, — счёл нужным предупредить меня сотник. — Людям далеко спускаться нельзя, там разве что Высшие могут находиться, да и то не уверен.

— Вот и я тоже могу, — улыбнулся на это я. — Не беспокойтесь, почтенный, я у них уже бывал.

Физиономия сотника выразила глубочайшее сомнение, но он явно решил, что если большая шишка из столицы вознамерилась самоубиться подобным извращённым образом, то было бы глупо пытаться этому препятствовать.

— Проводите меня до входа, почтенный, — распорядился я, — а заодно расскажите, какие у вас есть проблемы, и что вам нужно для их решения.

Он посмотрел на меня с ясно выраженным недоверием, и я опять почувствовал приступ раздражения.

— Да, вы совершенно верно подумали, что я вряд ли стану решать ваши проблемы, — сказал я хмуро. — Но через меня у вас есть возможность обратиться напрямую к князю, так что пользуйтесь этой возможностью, пока она у вас есть.

Сотник призадумался.

— Проблема у нас действительно имеется, — наконец

нерешительно сказал он. — Хотелось бы всё-таки открыть лавку, а то любую мелочь приходится доставлять с оказией из Рифейска, а это долго и дорого.

— А что, лавка разве не работает? — удивился я.

— Здание возвели, а лавка так и не открылась. Сначала предполагалось, что торговать будут какие-нибудь посторонние лавочники, а потом пришло распоряжение о закрытии доступа в посёлок для посторонних, вот так и вышло.

— Да, нехорошо получилось, — согласился я. — Похоже, об этом просто забыли. Но эту проблему я могу решить и сам, князь для этого не нужен. Я отдам соответствующее распоряжение, лавка скоро откроется.

— Благодарю вас, господин Кеннер, — с облегчением сказал он. — Остальное мы вполне можем решить сами.

— А что именно вы имеете в виду? — полюбопытствовал я.

— Обычные текущие проблемы, — небрежно махнул он рукой. — Например, бандиты. Хотя и старателей от бандитов часто не отличить... в общем, места здесь дикие. Нас всего несколько дней назад из леса обстреляли.

— Причина известна? — перебил его я. — Просто так обычно ведь не стреляют — всегда есть шанс получить пулю в ответ, а этого никто не хочет.

— Появлялись здесь недавно какие-то непонятные люди, пытались пройти к воротам. Видимо, собирались проверить какое-то мутное дело с карлами. Мы думаем, что это они и постреляли со злости, мы ведь никого к воротам не подпускаем.

— Вполне возможно, — согласился я.

— Парни, конечно, тоже постреляли в ответ, но без толку. Они ушли в тайгу, а там их преследовать бесполезно — можно легко на пулю нарваться, да и следопытов у нас нет.

— Можно для таких случаев придать вам разведывательный дирижабль, чтобы с высоты направлять преследование, — предложил я.

— Нам это не нужно, — покачал он головой. — У нас нет задачи истреблять бандитов, тем более здесь каждый второй старатель бандитизмом промышляет. Наша задача — охранять ворота, а для этого достаточно вырубить лес на пару сотен саженей. У здешних обычные охотничьи винтовки, даже без оптики, для них двести саженей уже предел эффективной дальности. Разок причешем в ответ лес из крупнокалиберных

пулемётов, и желание пострелять по нам пропадёт сразу и надолго. От крупняка за деревом не спрячешься.

За разговором мы пришли к Доломитовым вратам и остановились.

— Ну что же, почтенный, дальше меня провожать не нужно, — я повернулся к сотнику. — Если у вас возникнут проблемы, которые невозможно будет решить рапортом по команде, напишите мне доклад и передайте с первым же дирижаблем. Даже если я не стану помогать сам, то смогу обсудить это с вашим командованием. Меня они выслушают внимательно.

— Благодарю вас, господин Кеннер, — козырнул он, а я двинулся к вратам.

Караулку в вольных позах подпирали двое карл с изукрашенными резьбой карабинами. У меня давно уже зародилось сомнение насчёт того, стреляют ли эти карабины, или же это просто украшения, вроде аксельбантов.

— Ну и куда ты прёшься, наружник? — лениво осведомился один из стражей.

— А тебе-то не всё равно? — также лениво ответил я, приостановившись и внимательно его разглядывая. Если уж рифы так любят получать по морде, то я готов им это обеспечить — настроение для этого у меня было как раз подходящим.

Тот тоже внимательно пригляделся ко мне, но всё же решил не связываться, а мирно заметил:

— Ну, мы вроде как охраняем тут.

Я тоже не стал настаивать на драке и так же мирно объяснил:

— К старейшине Кальциту иду.

— А старейшина с тобой говорить станет? — удивился стражник.

— Это наружник Арди, — вмешался второй стражник. — Я его знаю, он уже прилетал.

Я пригляделся и тоже его узнал — он стоял здесь на страже, когда я прилетал к Кальциту подписывать бумаги.

— Так это ты и есть Арди? — переспросил первый. — Ну, с тобой Кальцит, наверное, будет говорить. А дойти-то до него сможешь? — в голосе у него ясно звучала ирония.

— Бывал у вас, дорогу знаю, — кивнул я. — Но вы передайте Кальциту, что я к нему иду. Пусть мальчика какого-нибудь

навстречу пошлёт проводить к нему.

Стражники переглянулись.

— Ладно, передадим, — озадаченно сказал первый, и оба провожали меня взглядами, когда я двинулся дальше.

Я прекрасно помнил эти коридоры и шёл по ним уверенно. Когда Норит вёл нас в своё поселение, я на всякий случай оставлял метки, и они до сих пор прекрасно сохранились. Хотя я почему-то чувствовал и чужие метки — гораздо слабее, но достаточно разборчиво. Долго не мог понять в чём дело — аурные метки индивидуальны, и кто-то другой их почувствовать просто не может, — а потом до меня дошло, что это метки Ленки. Видимо, с тех пор мы стали ещё ближе, и наши ауры стали настолько похожи, что мы начали ощущать метки друг друга.

Сейчас, когда я был один и мог не опасаться показать Милане Бобровской лишние знания, я шёл не торопясь, с интересом разглядывая резные панели. В основном там были показаны сцены из жизни карл — картины труда, какие-то непонятные ритуалы, изображения больших сборищ — то ли что-то вроде вече, то ли просто народные гулянья. Но встречались и изображения подземных тварей, из которых кое-каких мне доводилось видеть и своими глазами. Особенно впечатлила картина, где существо, немного похожее на гигантскую лягушку, пытается убежать от потока Чистильщиков — я даже содрогнулся от жутковатого воспоминания. С интересом отметил, что некоторые существа — как те же Пожиратели душ, — выглядели немного не так, как я их запомнил. Скорее всего, резчик сам этих зверей не видел, а знал их только по устному описанию. Что было вполне логично — некоторые карлы, без сомнения, спускались в глубины, но вряд ли многие.

Впереди послышался мощный топот, и я было напрягся, но это оказалась та четвёрка карл, что таскали рельсы. Они бежали, топая в ногу — я только раскрыл рот, чтобы их поприветствовать, как они пробежали мимо, обратив на меня внимания не больше, чем на ещё один сталагмит. Я покрутил головой и неторопливо двинулся дальше. Минут через пятнадцать впереди замелькали отблески света, и послышался стук молотков. Бригада из четырёх карл сосредоточенно выравнивала пол под укладку рельс, и я вежливо поздоровался:

— Здравствуйте, мастера!

— И ты не хворай, наружник, — отозвался один из них, не отвлекаясь от работы. — Проходи дальше, а то как бы случаем не зашибло.

Я отметил для себя, что карлы всё-таки склоняются к долговременному сотрудничеству. Железная дорога, даже узкоколейка — дело затратное, и вряд ли бы старейшины одобрили такие траты ради разовых поставок.

— А не проще ли было от Доломитовых врат начинать, мастера? — с любопытством спросил я, отойдя немного в сторону от летящих осколков. — Тогда не пришлось бы рельсы на плечах таскать, возили бы вагонеткой.

Карлы бросили работу, и всей бригадой недоброжелательно уставились на меня.

— Ты слишком умный, наружник? — хмуро спросил один из них. — Может, ты и наших старейшин умнее будешь? Или тебе просто зубы мешают?

— И запросто может оказаться, что умнее, — охотно согласился я. — А зубы мне не мешают, но я за свои слова всегда готов ответить любому, кто спросит.

Карлы переглянулись, потом оценивающе меня оглядели. Увиденное им не понравилось — я был на две головы выше и раза в полтора шире любого из них.

— Иди давай куда шёл, не мешай работать, — буркнул карла и отвернулся. Бригада вновь застучала молотками, потеряв ко мне всяческий интерес.

Дальше метки были не нужны — уже готовая узкоколейка ясно показывала направление к посёлку. А минут через десять мне навстречу торопливо вышел и сам Кальцит. Что ни говори, а Кальцит в самом деле выглядит на общем фоне довольно необычно — я сомневаюсь, что даже тому же Нориту пришлось бы в голову проявить уважение и встретить партнёра лично.

— Здравствуйте, господин Кеннер, — Кальцит здорово запыхался от быстрой ходьбы. — Вы немного неожиданно — надеюсь, всё в порядке?

— Здравствуйте, Кальцит, — приветливо кивнул ему я. — Всё в порядке. Для меня это тоже немного внезапная поездка — просто не было возможности предупредить вас о приезде. Я гляжу, вы всё-таки решили строить узкоколейку?

— Вы бы только знали, чего это мне стоило, — вздохнул

Кальцит. — Никто не хотел вкладываться, вообще нисколько не хотели вложить. В конце концов мне надоело убеждать, и я объявил, что Созидающие будут делать железную дорогу за свой счёт, а если кто-то захочет ей пользоваться, то будет платить нам за аренду. Какой вой при этом поднялся, это не передать.

— Как это знакомо, — усмехнулся я. — Все хотят пользоваться, никто не хочет платить. Я таких регулярно встречаю.

— В итоге мы стали делать её пополам с Формирующими, а остальным пообещали, что они смогут выкупить потом долю дороги.

— А Формирующие это...?

— Они делают сплавы, — пояснил Кальцит. — Не только сплавы, конечно, но именно они торгуют с Ренскими.

— То есть получается, что торговлю ведёте как раз только вы и они?

— Совершенно верно, — подтвердил он. — С наружниками только мы и они, остальные уже торгуют с нами.

— Мы были бы не прочь поторговать и с Ходящими, — заметил я. — Слезы нам не нужны, мы их просто не умеем использовать, а вот сатураты мы бы с удовольствием у них покупали — и обычные, и прозрачные.

— Вряд ли у них найдутся лишние, — покачал головой Кальцит. — Во всяком случае, объёмов, достаточных для какой-никакой торговли, у них точно нет. У нас на верхних уровнях сатуратов почему-то не бывает, а ниже их слишком опасно собирать. Мы их вымениваем, и много нам не достётся.

— Печально, печально, — огорчённо сказал я. — Но что поделать? Нет так нет. А что насчёт Слез? У нас сейчас новый артефактор — нам просто чудом удалось заполучить Старшего, и я уверен, что он сможет создать что-то действительно необычное. Я рассчитываю продать следующую блестяшку как минимум за двести тысяч, и это пессимистическая оценка.

— Я работаю над этим, — вздохнул он. — Но это очень непросто, лишних Слез действительно нет. Причём нам ни в коем случае нельзя демонстрировать интерес — Диорит та ещё сволочь, и если он почует, что может нас доить, он своего не упустит.

— Вы меня совсем не радуете, Кальцит, — вздохнул я. — Ну

что же, давайте пока ограничимся менее эксклюзивными артефактами. Я планирую продавать два-три гарнитура в месяц, жду от вас поставок. Сразу скажу, что продавать больше нельзя — мы ориентируемся на самый верхний сегмент, где никакой массовости быть не может, — я достал из кармана блокнот. — Вот пожелания нашего артефактора по формам, размерам и материалам предметов — думаю, вы лучше меня разберётесь, как наилучшим образом согласовать вашу работу. А сейчас пошлите кого-нибудь принять товары — почтенный Степан Жовкин попросил меня заодно доставить вам ваши последние заказы.

— Сейчас распоряжусь, — обрадовался Кальцит.

— И дайте мне какого-нибудь провожатого — я хотел бы ещё встретиться со старейшинами Формирующих и Ходящих.

— Думаете всё-таки получить сатураты от Диорита? — скептически хмыкнул он. — По-моему, напрасная потеря времени, но дело ваше. Будет вам провожатый.

— А кстати, Кальцит, — вдруг вспомнил я, — почему вы начали прокладывать узкоколейку от посёлка, а не от входа? Могли бы возить рельсы на вагонетке, а так их на плечах таскают.

— Это штрафники, — улыбнулся Кальцит. — А когда штрафников нет, рельсы на тележке возят. У нас есть специальные тележки для грузов, мы ведь товары не на руках от входа носим. Вагонетки будут нужны для больших объёмов, а пока можно и без них обойтись.

Очередной раз жизнь продемонстрировала мне, что не стоит судить поспешно и считать других дураками. В самом ли деле я умнее старейшин — вопрос неясный, но они определённо не дураки.

Маланит, глава клана Формирующих, встретил меня довольно дружелюбно. То есть, он, конечно же, хмурился и напускал на себя неприступный вид, но меня это только забавляло, поскольку в эмоциях у него было исключительно дружелюбное любопытство.

— Рад познакомиться, почтенный Маланит, — поздоровался я. — Меня зовут Кеннер Арди.

— Да я знаю, кто вы такой, — махнул он рукой. — Мы, кстати, встречались. Вы приходили к нам с Душеедкой.

— Ну, это трудно назвать знакомством, та встреча

протекала довольно напряжённо. Но да, я тоже вас запомнил.

— Так что же вы хотите от Формирующих? Насколько я помню, вы отказались с нами работать.

— Вы помните неправильно, — вежливо возразил я. — Это вы отказались. Точнее, вы слишком долго решали, а мы с Кальцитом не могли ждать, когда вы что-то надумаете. Но это неважно, мы ведь с вами всё равно работаем, только через Ренских.

— Хотите их подвинуть? — с любопытством спросил Маланит. — Вообще-то, мы не хотели бы ссориться с Ренскими.

Это, кстати, очень большое преимущество работы через посредничество Ренских, которое я не сразу понял. Карлы побаиваются Ренских — просто по той причине, что Ренские могут им создать массу проблем. А вот меня они не особо боятся — хотя я тоже могу создать им проблемы, карлы в это не очень верят.

— Я тоже не хотел бы с ними ссориться, тем более они наши близкие родственники. Нет, Ренские в качестве посредников нас вполне устраивают, но у меня есть вопросы к вам, которые совершенно необходимо прояснить.

— Слушаю вас, — подобрался он, явно почувствовав мою серьёзность.

— Кое-какие ваши сплавы нас заинтересовали, и мы готовы их использовать. Но чтобы вам было понятнее, что и почему я хочу с вами обсудить, позвольте мне сначала объяснить, как мы, производственники, работаем с новыми материалами. Итак, первый этап — это исследовательские работы, где мы определяем свойства материала и его возможные применения. Затем мы ищем, в каких изделиях можно эти материалы применить, и какие преимущества он обеспечит. Говоря грубее и проще — стоит ли вообще с этим связываться. Всё это стоит денег, но допустим, мы решили, что связываться стоит. Вот здесь уже начинаются серьёзные расходы: проектируется изделие, изготавливаются и испытываются опытные образцы. Параллельно с этим строятся новые цеха, закупается и устанавливается оборудование, набирается и обучается персонал. Всё это занимает год или больше, и за это время мы тратим огромное количество денег.

Маланит внимательно меня слушал, терпеливо ожидая, когда я подойду к главному.

— И вот мы всё сделали, и завод начинает выпуск наших новых продуктов, назовём их, скажем, бульбиками. Запущена реклама, журналы наперебой печатают щедро оплаченные рассказы о том, какой восхитительной штукой являются наши бульбики и как они немедленно сделают счастливыми любого, кто их купит. В супермаркетах под бульбики уже отведены целые стенды, возле которых красивые девушки рассказывают покупателям, почему без бульбика, а лучше двух, их жизнь будет серой и невзрачной.

— Дорого? — понимающе спросил Маланит.

— Не то слово, — покачал я головой. — А самое неприятное, что это лотерея. Можно и пролететь, так тоже часто бывает.

— Я понимаю, о чём вы говорите, — кивнул он. — Сам я специализируюсь на металловедении, но у нас был неплохой курс по промпроизводству. Я учился у вас в Новгороде, — пояснил он в ответ на мой удивлённый взгляд. — Промышленная алхимия у вас самая передовая, наш клан молодых только к вам учиться и посылает.

Рифы уже не первый раз меня удивляют. С первого взгляда воспринимаешь их, как тупых хамов, но при ближайшем рассмотрении всё выглядит гораздо сложнее.

— Это замечательно, — сказал я. — Значит, вам не нужно объяснять очевидные вещи. Так вот, представим такую ситуацию: в этот самый момент поставщик критичного для нас материала, на котором всё основано, вдруг заявляет, что он передумал нам его поставлять. Что-то у него не заладилось, или кто-то предложил ему больше, или он просто встал с левой ноги. Это не важно, важно то, что все эти гигантские суммы, которые мы уже потратили, в этот момент вылетают в трубу.

— Я уловил общую картину, — осторожно кивнул Маланит. — И что вы предлагаете?

— Эксклюзивный договор на поставку оговорённых объёмов как минимум на стандартный расчётный период, то есть тридцать шесть лет. Вы заключаете его с Ренскими, а они, соответственно, с нами. Это уже будет являться для нас некой гарантией, под которую мы готовы вкладывать средства в производство.

— А что взамен?

— Как что? — я удивлённо посмотрел на него. — Деньги. На

которые вы можете приобретать что угодно.

— А если вы откажетесь поставлять это «что угодно»? Куда в таком случае нам девать ваши деньги?

— Честно говоря, я не понимаю, в чём здесь проблема, — озадаченно сказал я. — Мы же будем расплачиваться обычными деньгами княжества, а не какими-то купонами, которые можно отоварить только в нашей лавке. С этими деньгами вы сможете купить что угодно у кого угодно. Но я готов рассмотреть любые варианты, чтобы рассеять ваши сомнения.

— Договор с обязательством поставок на тот же срок? — предложил он.

— Никаких проблем, — пожал я плечами. — Собственно, «Сундук изобилия» и был создан с единственной целью поставлять вам любые товары, но если вы хотите дополнительно закрепить это договором, я не вижу к этому ни малейших препятствий.

— Клан Формирующих согласен на ваши условия, — торжественно заявил Маланит.

— Рад, что мы нашли общий язык, — искренне сказал я вставая. — В таком случае, ждите нашего человека с договорами от нас и Ренских, а я с вами на этом прощаюсь.

Маланит не поленился лично проводить меня до границы территории клана и расстался со мной настолько тепло, что я немедленно преисполнился подозрений. Мы ведь ему, в общем-то, даже не партнёры, а рифы вообще не склонны проявлять уважение к кому бы то ни было. Я тут же взялся тщательно припоминать все свои ощущения и наконец понял, что зудело у меня в подсознании в течение всего разговора. Похоже, что меня слегка обдурили — судя по эмоциям Маланита, он сам хотел заключить долгосрочный договор, но не знал, как заставить нас его подписать. Я тихонько засмеялся, вызвав удивлённый взгляд своего провожатого — это ведь просто замечательный результат переговоров, и пусть он считает, что выдал из меня очень выгодный для себя договор.

Диорита я тоже прекрасно помнил — в тот раз именно он играл роль председателя собрания, и именно он был враждебнее всего к нам настроен. Встретил Диорит меня совершенно неприветливо.

— Я знаю, кто ты, — ответил он на моё приветствие, недовольно сморщившись. — И чего тебе надо? Будешь

пытаться купить меня своей жратвой?

— А что ты мне можешь предложить за жратву? — я немедленно разозлился. — На кой ты мне нужен? От тебя хоть какой-то толк есть?

Диорит немедленно налился краской — от жалкого наружника такого откровенного разговора он явно не ждал.

— Не хочу ссориться с братьями, — сквозь зубы процедил он. — Они почему-то перед тобой стелются. А то начистил бы тебе морду.

— А ты попробуй, — ласково предложил я, и он немедленно попробовал.

От удара левой я уклонился, но не сказать, что легко — Диорит оказался очень быстрым. Я переместился чуть правее и резко ударил его в открывшийся живот. Он отступил на шаг, но это было единственным результатом, а вот мне показалось, что я ударил в стену — мышцы пресса у него оказались просто стальные. Похоже, карлы гораздо крепче, чем выглядят, а то что они на две головы ниже, так это преимущество скорее для них. Правда, должна бы сыграть разница в весе, но я в этом уже засомневался — с такими каменными мышцами и устойчивостью к ударам преимущество в весе вряд ли будет решающим.

От моего удара Диорит оправился моментально — если вообще его почувствовал. Он немедленно провёл серию ударов — пару я отвёл, а от остальных сумел уклониться. Ударить в ответ получилось только раз, но Диорит каким-то чудом сумел уклониться, и удар прошёл вскользь. Похоже, опыт драк у него побольше моего, да и по физическим показателям он если мне и уступает, то совсем ненамного.

Бесконечно уклоняться не получилось — рано или поздно я должен был пропустить удар, и это произошло. Мощный удар в грудь заставил меня отлететь на пару шагов. Дыхание у меня перехватило, и я отстранённо удивился, каким образом у него получают такие сильные удары при такой разнице в весе. И тут же меня посетила мысль — а с чего я решил, что у нас с ним есть разница в весе? Да, он гораздо меньше меня, но из этого совсем не следует, что он легче. Он ведь, вообще-то, не совсем человек.

Диорит победно ухмыльнулся, уже окончательно уверившись в своём превосходстве, и стремительно рванулся ко

мне, выбрасывая кулак, чтобы добить, как ему казалось, окончательно деморализованного противника. Он явно посчитал меня обычным слабым наружником, и это оказалось роковой ошибкой. Вместо того чтобы закрываться или уклоняться, я прыгнул ему навстречу, отворачивая голову от несущегося ко мне кулака. Полностью уклониться не удалось — его кулак хоть и вскользь, но довольно чувствительно меня задел, наверняка обеспечив роскошный фингал. Однако при этом мой кулак точно врезался ему в челюсть, глаза у Диорита закатились, и он мешком рухнул на спину.

«Я его, случаем, не убил?» — мелькнула тревожная мысль. Он летел ко мне, я летел ему навстречу, так что встречный удар вышел совсем не рядовым. Я похлопал его по щекам — результата сначала не было, но потом он всё-таки приоткрыл глаза, посмотрел на меня мутным взглядом и промычал что-то неразборчивое.

— Ты как? — с беспокойством спросил я.

— Норм... ально... — не очень внятно выговорил он. — Сейчас...

Диорит довольно быстро приходил в себя — похоже, карлы действительно очень крепкие ребята. Наконец, он окончательно очнулся и с трудом поднялся на ноги.

— Хороший у тебя удар, — немного шепеляво похвалил он, массируя себе челюсть. — Для наружника так вообще отличный. Но в целом дерёшься ты так себе.

— Ну так я же в основном с Силой работаю, — развёл я руками. — А чисто без Силы мне драться и не приходится.

— Так ты колдун, что ли? — удивился Диорит.

— А как бы я, по-твоему, здесь находился? Здешнюю концентрацию Силы не всякий Владеющий вынесет, а я, как видишь, себя прекрасно чувствую.

— Ну да, — он поскрёб в затылке. — А чего ты без колдунства дрался?

— Так ты ведь без колдунства дрался. Ну и я так же.

— Вот, значит, как, — озадаченно сказал он, посмотрев на меня с уважением. — А если бы ты всерьёз дрался?

— А если всерьёз, то я бы с тобой драться не стал, — ответил я ему. — А просто убил бы тебя — ты уж извини, говорю как есть.

Диорит хмыкнул и сменил тему.

— Так чего ты пришёл-то?

— Думал, может у тебя лишние сатуранты есть. Я бы купил.

— А Слезу Пожирателя тебе не надо?

— Не надо, — покачал головой я.

— Что, в самом деле не надо? — не поверил он.

— В самом деле, — кивнул я. — Зачем она мне? Я же не знаю, что с ней делать. То есть я знаю, что ей можно платину легировать, но как именно это делается, я не знаю, а вы вряд ли расскажете.

— Не расскажем, — согласился он. — Так значит, тебе сатуранты нужны?

— Да, сатуранты нужны, — подтвердил я. — Лучше прозрачные, но и обычные сойдут.

— Ты и про прозрачные знаешь, — покрутил он головой. — Нет у меня лишних сатурантов. И не будет, пока вздох Геи не закончится. Слишком опасно спускаться, на вздохе много чего лезет.

— Что такое вздох Геи? — сразу насторожился я.

— Провалы расширяются, опасно внизу становится.

— Опаснее, чем обычно? — удивился я.

— Ты нижних тварей каких-нибудь видел? — снисходительно спросил Диорит.

— Не всех, конечно, но кое-каких видел, — начал вспоминать я. — Чистильщиков видел, их ещё Уборщиками часто зовут. Все цвета видел, вплоть до синего. Пожирателей видел, и слуг их, конечно. Сына Камня встречал. Видел ещё такую тварь, немного похожую на лягушку, но здоровую, вот такую примерно, — я показал рукой размер.

— Как выжил с лягушкой? — с интересом спросил Диорит. — Неужели сумел убить?

— Нет, — покачал я головой, — её на моих глазах слуги загнали к Пожирателям. Ну а те её пожрали. А, ещё вот пауков видел, которые во мху живут. Ну крыс, слизней, ящериц не считаем, конечно.

— Неплохо ты погулял внизу, — с уважением заметил Диорит. — Даже не буду спрашивать, как тебя туда занесло, а главное, как ты сумел оттуда вылезти. В общем, твари внизу двух видов — есть твари Геи, которые всегда внизу живут. Ты видел там, внизу, провалы?

— Видел, — подтвердил я. То, что я там видел, иначе, чем

провалом, и не назовёшь.

— Провалы сделала Гея, и когда она вздыхает, провалы расширяются, и из них начинает лезть всякая дрянь. А потом твари провалов и твари Геи начинают друг друга жрать, и нормальному человеку лучше в это время сидеть наверху и ждать, когда провалы закроются, а твари друг друга дожрут. Понял?

— Понял, — вздохнул я.

— А раз понял, то иди себе с миром. Приходи через год — может, и поторгую.

Глава 16

Неожиданно — для меня неожиданно, — оказалось, что возле леса Старой Ондатры имелась неплохо оборудованная причальная площадка, и даже с причальной мачтой. Правда, электричество туда подведено не было, так что спускаться и подниматься проходило по лестнице, а грузовой подъёмник работал на ручной лебёдке, но тем не менее это уже был полноценный причал. И зачем, спрашивается, я лазил по верёвочной лестнице в свои прошлые визиты? Нетрудно ведь было догадаться, что какой-то причал здесь должен быть — грузы они же не по верёвочной лестнице перетаскивают. Инерция мышления — раз мы с Драганой там останавливались, то и дальше там же надо.

Разумеется, вслух я ничего подобного говорить не стал, а вместо этого держал равнодушное выражение лица, будто и ожидал увидеть здесь причальную мачту. Пусть капитан думает, что я приказывал останавливаться на той опушке, потому что так было нужно. Все совершают глупости время от времени, но человек умный при этом делает вид, что для этого были веские причины.

— Нас уже ждут, — заметил капитан. — Наверное, волнуются — мы ведь должны были позавчера прилететь.

— С чего вы решили, что ждут? — любопытствовал я.

— Видите там за будкой штабель корзин? — показал он на слегка покосившееся строение, размером чуть больше деревенского туалета. — Это и есть наш груз. А ответственный за груз в будке сидит, появится чуть позже. Лесные нас никогда не встречают, у них вроде как считается неприличным суетиться ради каких-то внешников. Вот и делают вид, будто наше прибытие им совсем неинтересно.

— А эта будка, стало быть, аэровокзал? — уточнил я, рассматривая неказистое сооружение.

— Что-то вроде того, — ухмыльнулся капитан. — Сейчас матросы грузовой подъёмник опустят, и Кузнечик из зала ожидания вылезет.

— Хорошо, капитан, — решил я. — С грузом вы тут разберётесь и без меня, а я пошёл в лес. Не знаю точно, когда вернусь, но ночевать я там в любом случае не останусь.

Я осторожно спустился по узкой и поскрипывающей

металлической лестнице. Матросы уже бодро крутили рукоятку лебёдки, а из будки, щурясь и лениво почёсываясь, наконец появился лесной. Он привалился к стене, равнодушно проводил меня взглядом и переключил внимание на матросов.

Несмотря на зиму, лес радостно зеленел. Неплохо здесь устроились лесные — наверняка у них и летом жары не бывает. Мы, конечно, терморегуляцию проходили ещё на втором курсе, и тоже прекрасно себя чувствуем без кондиционеров, но устроить микроклимат в целом лесу — это совсем другой масштаб. В нашем поместье свой климат совсем не помешал бы, но нашего источника на такое точно не хватит.

— Эй, росток! — позвал я, глядя на развесистый куст. — Ну-ка, быстро вылез!

Куст зашевелился, и оттуда вылез хмурый пацанёнок лет двенадцати.

— Как ты меня заметил? — недовольно спросил он.

— У тебя задница наружу торчала, — с удовольствием заявил я, почти не соврав. — Отведи-ка меня к Старой Ондатре. И зачем ты там сидел, кстати?

— У нас пацаны сюда бегают на внешников смотреть, — поделился он, направляясь со мной вглубь леса. Ну хоть этот пошёл, не выделяясь, а то и не знаю, что бы я стал делать — ну не бить же ребёнка?

— А чего на нас смотреть? — удивился я. — Всё то же самое — руки, ноги, голова. Что ещё вы можете в нас разглядеть?

Он заколебался, и у меня вдруг зародился интерес. Я послал ему чувство тепла и доверия, и простодушный ребёнок легко раскололся:

— Там на баллоне пацан есть, у него интересные штуки бывают.

— Тимоха, что ли? — с недоумением переспросил я, не сразу припомнив имя юнга, а потом мне в голову внезапно пришла догадка: — Он вам разные вещички возит на обмен, так?

— Ну, так, — осторожно подтвердил мальчонка. — Я у него хлопушку выменял.

Надо же, какой молодец, оказывается, наш юнга Тимоха! Даже не знаю, что с этим открытием делать — хотя он вроде бы ничего не нарушает. До тех пор, пока он не взялся распродавать корабельное имущество, небольшие гешефты

проступком не являются. С другой стороны, мы имеем здесь совершенно секретное предприятие, и посторонние предприниматели в нашей схеме не совсем уместны. Надо будет подумать, как к этому относиться — а для начала надо, наверное, выяснить, что именно он выменивает и куда сбывает выменянное.

— Хорошая вещь, — похвалил я хлопушку. — Всегда пригодится. А что за неё отдал?

— Рогатку, — признался росток. — Сам её делал. Вон до той сосны может запросто добить.

О боги, я скоро уже, наверное, совсем с ума сойду со своими секретными делами и вечной бдительностью. Хорош бы я был, если бы распорядился начать расследование обмена рогатки на хлопушку. Вот так человек и приобретает неожиданно для себя репутацию шута.

— А ты Доброго Крота знаешь? — тема обмена резко перестала меня интересовать.

— Доброго все знают, — важно ответил мальчик. — Только он никакой не добрый. Щелбан может запросто отвесить.

— Совсем не заботится о налаживании отношений, — понимающе кивнул я. — Но может, это он только с тобой так, а с кем-то другим добрый? Ты его из той самой рогатки не приложил, случаем?

— Он бы за это вообще убил, — грустно сказал мальчик. — Ну, если бы поймал. Да нет, он ни с кем не добрый. Если только с Ласточкой, но мама папе говорила, что Доброму там ничего не светит.

До чего приятно общаться с детьми! Проявишь минимум внимания, поддержишь разговор, и он легко выложит тебе все местные расклады и секреты.

— А чего не светит-то? Добрый Крот нормальный парень вроде.

— Нормальные в лесу живут, а не бегают по округе бешеным оленем, — веско сказал пацан, явно цитируя подслушанные слова взрослых. — Ласточка маме говорила, что не хочет вечно сидеть и ждать его. И гадать, то ли он вернётся, то ли нет.

— Нормальные по лесам сидят, говоришь? Что-то в этом есть, надо будет об этом подумать, — признал я. — Ну ладно, а где сейчас Добрый Крот? В лесу сидит или бегают где-то бешеным оленем?

— Бегают, ага, то есть хромают. За Ласточкой, — малец ехидно захихикал — с Добрым Кротом у него явно были какие-то счёты. — Он позавчера вернулся. Злой и хромой. Добегался, значит.

— А что Старая Ондатра сказала?

— А что она скажет? — не по годам рассудительно ответил малец. — Она обещала ему девку выделить, так она и выделила, а дальше сам добивайся. Старая её в койку укладывать не будет.

— Да я не про девку, с этим всё понятно. Насчёт того, что вернулся хромым, что говорит?

— Так опять же ничего не говорит — с родичами-то всё равно надо встречаться. Если не Доброго, то кого-то другого придётся посылать, — здесь он внезапно вспомнил, что разговаривает с внешником, и заволновался. — Только это нельзя рассказывать, я тебе ничего не говорил, понял?

— Могила, — торжественно пообещал я, приложив руку к сердцу.

Интересно, а что это за родичи? С другими племенами Старая Ондатра прекрасно общается без помощи Доброго Крота, это я совершенно точно знаю. Неплохо было бы прояснить этот момент, но ребёнок явно больше ничего не скажет.

Тем временем мы вышли на знакомую полянку, на которой сейчас никого не было.

— Давай, росток, найди Старую и скажи ей, что я её здесь жду, — распорядился я, усаживаясь на пенёк, который оказался странно удобным. Я приподнялся, с недоумением посмотрел на сиденье и обнаружил, что на нём лежит подушечка, раскрашенная под годовичные кольца и с мимолётного взгляда неотличимая от среза пня. Ай-яй-яй, а мне она никаких подушечек не подкладывала, даже когда я с Драганой к ней приходил. Всё-таки не уважает она меня.

Ждать пришлось довольно долго, причём очень скоро я почувствовал сзади трёх человек, наблюдающих за мной из густых кустов. Вполне возможно, что в их числе была и сама Старая Ондатра, но определить это я, к сожалению, не мог.

На наблюдателей я никакого внимания обращать не стал, сидя совершенно расслабленно и всячески демонстрируя, что чувствую себя вполне комфортно и готов сидеть так

бесконечно. Наконец, появилась и Ондатра, по всей вероятности, поняв, что я никуда не уйду.

— Зачем ты здесь? — грубо спросила она.

— Я тоже рад тебя видеть, Ондатра, — благодушно сказал я. — И чего ты в кустах пряталась, как росток? Сразу бы подошла поздороваться. Присаживайся, посиди со мной.

— А я хочу с тобой сидеть? — сварливо осведомилась Старая.

— Женщины не любят внезапных гостей с утра, — я понимающе покивал. — Да я и сам по утрам не очень добрый, а женщины ещё и не накрашены. Так что можешь не извиняться — я всё понимаю. Садись давай.

— Такой молодой и такой наглый, — вздохнула она, усаживаясь на соседний стул-пенёк.

— А я тебе подарок привёз, — сказал я, доставая из сумки красивую картонную коробку. — Прямо из империи. Посмотри, чего можно добиться обычным самогонным аппаратом, когда за дело берутся профессионалы. Это из франкской провинции Пуату, они там гонят виноградную самогонку, а потом держат её в дубовых бочках несколько лет. Эту вот десять лет держали.

Собственно, этот напиток, насколько я понял, практически ничем не отличался от того коньяка[15], если, конечно, не считать названия — город Коньяк здесь не сумел пропихнуть себя в качестве торговой марки.

[15 — *Кеннер здесь не совсем прав — в нашем мире традиционные коньячные сорта винограда практически вымерли из-за грибка, завезённого из Америки. В Мире-за-порогом они сохранились, и коньяк там в целом лучше нашего.*]

— А зачем самогонку столько лет в бочке держать? — спросила Старая, рассматривая красивую бутылку.

— Не ко мне вопрос, — пожал я плечами. — Вроде как ценители считают, что она от этого вкуснее становится. Но я не ценитель, так что ничего на этот счёт сказать не могу.

— Ладно, посмотрим потом, — бутылка как-то незаметно исчезла. — Так зачем ты к нам прилетел?

— Я на самом деле не к вам прилетел. Я к рифам летал, будем с ними большой договор подписывать на тридцать шесть лет, — Ондатра недоверчиво усмехнулась, демонстрируя сомнение, но я её ужимки проигнорировал. — А обратно капитану нужно было как раз у вас груз забрать, вот я и

подумал — как с тобой не повидаться? А то узнаешь, что я здесь был и не зашёл, так ведь и обидишься, — в этом месте Старая уже просто захохотала.

— Вообще-то, хорошо, что ты у нас появился, — сказала она, перестав смеяться. — У нас проблема как раз по твоей части. Нам Сосна угрожает, обещает всех нас поубивать.

— Вот прямо угрожает? — лениво спросил я. Надо же — сначала всячески продемонстрировала, как она не рада меня видеть, и вдруг вспомнила, что без меня-то на самом деле никак, без меня-то их всех вот-вот убьют.

— Прямо угрожает, — серьёзно подтвердила она. — Требуют, чтобы мы им девку отдали, а если не отдадим, то убивать нас придут.

— Ужас какой, — искренне сказал я. — А что, они какую-то конкретную девку[16] требуют, или им любая сойдёт?

[16 — Стоит заметить, что в старину слово «девка» не считалось пренебрежительным — так называли любых девиц незнатного происхождения. В мире Кеннера слово «девка» в отношении простолюдинки вовсе не считается оскорбительным или даже просто невежливым, хотя благородную девушку так называть всё-таки не стоит.]

— Конкретную, — лицо у неё омрачилось.

— Какие разборчивые, однако, — я с осуждением покачал головой. — Ну, зови сюда эту девку — спросим её, чем она Сосне так понравилась, что они за неё вас поубивать готовы. Или, может быть, она их сильно обидела, и они теперь хотят ей отомстить?

— Зачем её звать? — хмуро спросила Ондатра.

— Как зачем? — удивился я. — А как же иначе? Или ты думаешь, что ты мне вот сейчас лапши на уши навешаешь, и я их резать пойду? Сначала надо разобраться — не на пустом же месте они начали такими угрозами разбрасываться. Может, на самом деле это вас надо резать? Зови давай, разбираться будем.

— Не надо её звать, я тебе сама всё расскажу. Просто у нас небольшая накладка с договором вышла. Мы им кое-какие саженцы должны были передать, но у нас не получилось.

— Из-за небольшой накладки такие угрозы? — я удивлённо покрутил головой. — До чего же буйный народ в этой Сосне. Ну не получилось у вас с договором, так пусть не платят, вот и всё. Сами небольшую неустойку им заплатите, и дело с концом.

— Они нам вперёд заплатили, — неохотно призналась Ондатра. — Девку нам дали.

— Так отдайте её обратно.

— Не можем мы её отдать — она у нас уже пару нашла. Как её вернуть?

— А дай-ка, я попробую понятнее сформулировать. Вы заключили с Сосной договор, и они передали вам свободную девку с тем, чтобы вы им поставили саженцы. Но вы и саженцы не поставили, и девку отдавать не хотите. Я правильно ситуацию описал?

— Неправильно. Мы девку отдать хотим, только не можем.

— Отдайте другую. Они наверняка на другую тоже согласятся.

— Нет у нас лишних девок, — раздражённо отрезала она.

— Ласточку отдай, раз она такая привередливая, — предложил я.

— Откуда ты про Ласточку знаешь? — вскинулась Ондатра.

— Поговорил с народом, — туманно объяснил я. — Люди же всё видят, их не обманешь.

Старая Ондатра сверлила меня взглядом, но я держал непроницаемое лицо. Вряд ли она догадается, что мне всё это рассказал ребёнок, вот пусть и гадает, что за информаторы у меня есть в её племени.

— В общем, Ондатра, тебя неправильно Старой зовут. Ты на самом деле Хитрая Ондатра. Кинула соседей, а сейчас пытаешься меня припрячь, чтобы я с ними разобрался.

— Слишком грубо ты это описываешь, — поморщилась она.

— Зато правильно. Тебе напомнить суть нашего договора? Так вот, если они и в самом деле придут к вам драться, то я заступаться не буду, потому что у них есть на это причина. Ты взяла оплату, но договор не исполнила — улаживай с ними сама без меня. Я в твоих схемах участвовать не собираюсь.

— Улажу без тебя, — проворчала Ондатра, — раз уж с тебя никакого толку нет.

— Вот и договорились, — обрадовался я. — А теперь распорядись, чтобы меня проводили к моему старому другу Доброму Кроту.

— Зачем тебе Добрый? — она подозрительно посмотрела на меня.

— Давно его не видел, — объяснил я. — Посидим,

пообщаемся, вспомним былые дни. Ты вообще почему такая неприветливая, Хитрая? Не хочешь никого мне в проводники давать — не надо, я сам пойду его поищу.

Ондатра сморщилась, будто проглотила лимон, но всё-таки позвала:

— Эй, кто там, покажись!

Из куста рядом высунулась девчонка лет восьми. Ондатра неуловимо улыбнулась и потрепала её по голове.

— Покажи вот ему, где Добрый Крот сидит, — ласково сказала она. — И сразу назад, а то знаю я тебя.

Та с серьёзным видом кивнула, вылезла из куста и протянула мне ладошку.

— Я, может быть, ещё вернусь, так что пока не прощаюсь, — доверительно сказал я Ондатре, беря девчонку за руку. — Ну vedi, красавица.

Та заулыбалась, решительно потянула меня на почти незаметную тропинку и немедленно начала болтать:

— Тебя как зовут?

— Кеннер, — ответил я.

— Странное какое-то имя, — с сомнением сказала девчонка. — А что оно значит?

— Да ничего не значит. Просто имя такое.

— Имя всегда должно что-то значить, — уверенно заявила она. — Я вот Стрекоза. Ну, пока ещё Стрекоза. Я хочу Цинерарией быть, но, наверное, не назовут.

— Сложное имя, — дипломатично заметил я.

— Зато красивое, — вздохнула она. — И цветок красивый, мне нравится.

— Подрастёшь, станешь самой красивой, тогда обязательно назовут, — ободрил её я.

— Тогда ты меня потом так назови, хорошо? — попросила Стрекоза.

— И что, это сработает? — не понял просьбы я. — Вот я тебя этой Цинерарией назову, и у тебя такое имя будет?

— Если люди его примут, — строго сказала она. — Ты вот Старой Ондатре новое имя дал, и она теперь стала Хитрой Ондатрой. А меня Цинерарией сейчас назвать нельзя, племя не примет, — она надрывно вздохнула. — Буду пока Стрекозой.

Что-то есть в такой системе — сразу понятно, что человек из себя представляет. Вот взять мою спутницу — маленькая,

шустрая, и непрерывно жужжит — кто ещё, как не стрекоза? Хотя совершенно неясно, какой ей надо стать, чтобы её назвали Цинерарией — может, лесным это и понятно, а у меня воображение отказывает. А кстати, они ведь и мне наверняка какую-нибудь кличку прилепят — надеюсь, придумают всё-таки что-нибудь получше, чем Вкусный Чужак.

— Хорошо, если к тому времени окажусь у вас в лесу, то обязательно назову тебя, как ты скажешь, — пообещал я. — А ты пока вырастай красивой.

Она счастливо захихикала и поскакала вприпрыжку, потянув меня за собой.

Хижина Доброго Крота оказалась совсем незаметной — я бы наверняка прошёл от неё в двух шагах, даже не догадавшись, что это жилище. Вход в неё выглядел просто складкой в стволе, которая резко изгибалась и переходила в дверной проём. Двери, впрочем, не было — хотя дверь, возможно, и не нужна в таком климате.

Похоже, это и был тот самый древесный дом в стволе огромного дерева. Я сделал несколько шагов назад и с сомнением оглядел дерево — большое, конечно, но было совершенно непонятно, как туда могла поместиться жилая комната. Даже если комната была единственной и маленькой, ствол не выглядел для этого достаточно толстым. Что-то здесь было не так — может, какие-то фокусы с пространством? Я огляделся вокруг — деревьев вокруг хватало, и наверняка многие из них были тоже жилыми.

Я вернулся в дерево — после поворота открылась не комната, а лестница вниз со ступеньками разного размера. Загадка, наконец, разъяснилась — помещения, оказывается были в корнях. После лестницы открылся недлинный коридор, который в конце резко изгибался, но перед поворотом виднелась ещё одна лестница вверх. По бокам коридора были несколько проёмов, завешанных чем-то вроде циновок. Похоже, Добрый Крот жил в общежитии.

— Эй, Крот! — позвал я, и через несколько секунд циновка в ближайшем проёме зашевелилась, и оттуда действительно выглянул Добрый Крот.

— А, это ты, — несколько растерянно сказал он вместо приветствия. — Ты ко мне, что ли?

— К тебе, конечно, к кому же ещё? — радостно ответил я. —

Выходи, поболтаем. Ну, или в гости зови.

— Сейчас выйду, — буркнул он и исчез.

Не хочет звать в гости старого друга, обидно. Я вышел наружу, повертел головой, выискивая подходящий пенёк, и он сразу же нашёлся, точнее, три пенька рядом. Меня уже не удивило, что они выглядели, как новенькая мебель в магазине, и вообще были, похоже, покрыты лаком.

Минут через пять Добрый Крот вылез из дерева. И в самом деле, он заметно прихрамывал.

— Привет, Крот, — поздоровался я, решив начать общение сначала, и с приветствия, как положено.

— Я Добрый Крот, — возразил он, тяжело приземляясь на соседний пенёк.

— А ты точно добрый? — я скептически приподнял бровь. — А то мне тут рассказывали...

Он усмехнулся, но уверять меня в своей доброте не стал.

— Просто ещё другие кроты есть, — пояснил он.

— Здесь-то их нету, — возразил я. — Ну ладно, что мы о какой-то ерунде. Где тебя так угораздило-то? К родичам ходил?

— Имя — это не ерунда, — возразил он скорее по инерции. — Ну да, к ним. Старая посылала.

— Она теперь Хитрая Ондатра, — сообщил ему новость я.

— Хитрая? — он немного подумал. — А что, подходит. Скажу народу.

— К родичам сейчас, похоже, сложно пройти, — сочувственно заметил я.

— Да, много чего повылазило, — поморщился он.

— Вздых Геи, — понимающе покивал я.

— Так рифы говорят, мы по-другому называем. Вообще-то, это ещё не началось — пока так, первые признаки. Когда Слияние начнётся, там вообще будет не пройти. Я до самой осени туда точно не пойду, пусть Хитрая сама ходит, если ей надо.

— Правильно, — одобрил я. — А то посылать много ума не надо, а вот попробуй сама сходить.

Крот согласно кивнул — это мысль явно вызвала у него полную поддержку. Просто поразительно, как много могут рассказать люди, если ты не спрашиваешь, а разговариваешь с ними со знанием дела. Или хотя бы имитируешь это знание. Люди очень не любят рассказывать секреты, зато всегда рады

поговорить о своих проблемах с понимающим товарищем, который готов их выслушать и поддержать.

— А меня вот летом туда посылают, — печально заметил я.

— Тебя-то кто может послать? — поразился Крот.

— Много кто, — хмыкнул я. — Ты свободен, если обитаешь один в лесу и даром никому не нужен. А если живёшь в обществе, то всегда много кому и много чего должен. У нас и князь не свободен, да и у вас на Хитрой тоже наверняка куча обязательств висит.

— Так-то да, — глубокомысленно согласился Крот, для пущей глубокомысленности почесав затылок. — Но летом там может быть трудно.

— Мне там про зверей рассказывали, которые парой живут... — намекнул я.

— А, эти, — сразу понял Крот. — Эти для человека не опасны.

— Даже так? — удивился я. — Не опасны?

— Да от них просто отгораживаешься, и всё, — объяснил Крот. — Ты не умеешь, что ли?

— Умею, просто с ними не пробовал.

— Вот больше ничего и не надо. Там только маленький и опасен, если не отгородишься. А он медленный и тупой. Он на тебя просто бежит, ничего не соображая — если копьё на него наставишь, так он может даже сам на него насадиться.

Ещё один интересный момент. Мы отгораживаться от такой атаки научились у Тамилы и, скорее всего, смогли научиться лишь благодаря тому, что побывали в Нижнем мире. А Добрый Крот это просто так умеет и, судя по его словам, удивляется, как можно этого не уметь. Получается, что все лесные так могут?

— Погоди, а тебе-то зачем наши родичи? — возник вдруг вопрос у Крота.

— Они мне не нужны, — решительно отказался я. — Нас совсем за другим посылают. Не знаю точно, нам пока не говорили, но похоже, что старшим разные звери и травы нужны.

— Ну, звери там не особо опасны, — кивнул Крот. — Если не один ходишь, как вот я. И травы разные летом тоже будут.

— А что же ты один ходишь?

— А кто ещё пойдёт? — грустно сказал он. — Все

отмазываются как могут. А я вроде как опытный, и один могу.

— Это да, — посочувствовал я ему. — Кто тянет, на того и взваливают.

— Вот-вот, — с признательностью посмотрел на меня Крот.

— А что там за опасности, если звери совсем неопасны?

— Ну почему совсем? И звери могут быть опасны, и деревья, и другие могут повстречаться. Просто слишком много там всего будет на Слиянии. Да и провалиться можно.

— Провалиться?

— Запросто можно, — авторитетно подтвердил Крот. — Ладно, хорошо с тобой поболтать, но мне уже идти пора. У тебя какое-то дело ко мне было?

— Да никакого дела, — легко отмахнулся я. — Просто повидаться хотел, раз уж у вас в гостях оказался.

Глава 17

— Здравствуйте, господин Далимир, — поздоровался я. — Не знаете, зачем князь меня вызвал?

— Здравствуйте, господин Кеннер, — улыбнулся мне секретарь князя. — Князь вас не вызвал, он вас пригласил. Если он вдруг вас вызовет, вы сразу почувствуете разницу, поверьте.

— Я предпочитаю рассматривать как вызов любое приглашение посетить князя, — серьёзно ответил я.

— Вот как? — Далимир посмотрел на меня с новым интересом. — Разумно, разумно. А то некоторые, бывает, начинают воображать себя чуть ли не главными советниками. С очень предсказуемым результатом.

— Человек всегда себя переоценивает, — пожал я плечами. — Природа у нас такая. Я просто стараюсь об этом помнить и поменьше поддаваться.

— Разумно, разумно, — повторил Далимир. — А князь ждёт вас в саду княгини Любавы. Если я правильно помню, вы там уже бывали — сможете его найти, или мне вызвать для вас провожатого?

Сад княгини Любавы? Похоже, я там действительно был — собственно, я только там и был, так что от обилия вариантов глаза не разбегаются.

— Если вы имеете в виду тот очаровательный зимний садик, в котором мне довелось побывать два года назад, то я помню дорогу, — кивнул я. — Благодарю вас, господин Далимир.

Дорогу я, как оказалось, помнил не так чтобы очень хорошо, и мне пришлось разок уточнить направление у пробегающего клерка, но тем не менее добрался я туда вполне благополучно. Охрана у двери меня полностью проигнорировала, так что я совершенно резонно решил, что меня там действительно ждут.

— Присоединяйся, Кеннер, — князь приветливо махнул мне рукой из-за столика, сервированного под какой-то тропической пальмой. — Обслуживай себя сам, не стесняйся.

Я поклонился, присел напротив и аккуратно налил себе морса. Князь хмыкнул, наблюдая за мной, и плеснул в свой бокал из пыльной бутылки.

— Как там у тебя дело с новой брошкой продвигается? — поинтересовался он, отхлебнув вино.

— Пока медленно продвигается, княже, — виновато сказал

я. — Думаю, я карл всё-таки дожду на ещё одну Слезу, но до осени у них точно ничего не будет. У тварей сейчас начинается всплеск активности, карлы вниз не спускаются.

— Давай уже поскорее, Кеннер, — вздохнул князь. — Поверишь, нет — Радмила мне уже весь мозг исклевала с этой брошкой. Сколько лет мы женаты, но так она меня ещё никогда не доставала.

— Да женщины с этой блестяшкой как будто полностью с ума съехали, — с досадой сказал я. — Даже моя жена на неё запала, хотя зачем она ей, казалось бы? Извини, княже, я княгиню Радмилу не имел в виду, конечно.

— А что же не имел в виду? Всё правильно ты сказал. Съехали они все хором с ума, и Радмила с ними. Ольга ещё, змея, похвасталась, подлила в огонь масла.

— Я уже пожалел, княже, что с этим делом связался, — сказал я мрачно. — Вроде и аукцион, вроде всё по-честному, а всё равно обиды есть, причём как раз на меня и обижаются.

— Ну так чего ты ждал, — усмехнулся князь. — А ты знаешь, что на меня сейчас давят, чтобы я запретил продавать такие украшения лицам некняжеской крови?

— А смысл в таком запрете? — удивился я. — Всё равно их никто другой не сможет купить. На аукционе под конец только князья и сражались — все, кто попроще, быстро отсеялись.

— Откуда ты знаешь, что это князья были? — удивился он.

— А кто бы ещё покупал анонимно, через представителя? Для обычного дворянина проиграть в таком аукционе незачётно, сам факт участия уже даёт плюс к репутации. Про купца даже не говорю, тот бы и газетного репортёра притащил запечатлеть, как купец небрежно бросает на стол поручительство на пятьдесят тысяч.

— Верно говоришь, — усмехнулся князь. — Действительно, нет смысла запрещать. Да я на самом деле и не собирался — как-то неправильно такой запрет выглядит. Участвуй, поднимай ставки, а если нет денег, так и не кричи про княжескую кровь. Кстати, раз уж мы про рифов заговорили — что там с поставками от них?

Ну конечно, это же просто кстати вопрос — раз уж про рифов заговорили, заодно и вспомнилось. Наверняка это главный вопрос и есть. Не зря я к рифам летал — как предвидел, что князь очень скоро отчёта потребует. А может

быть, и в самом деле предвидел — неспроста же я вскочил и полетел в Рифеи, ощущал внутри какое-то смутное беспокойство.

— Нормально с ними дело движется, княже, — уверенно сказал я. — Они всё ещё нервничают насчёт зависимости, но на самом деле они уже хорошо так на крючке. Ещё немного, и для них отказаться от наших поставок будет совершенно невыносимо.

— Меня больше интересуют их поставки, — сказал князь, внимательно на меня глядя.

— Я от них буквально на днях вернулся, княже. Удалось добавить их на договор эксклюзивных поставок на стандартный расчётный период.

— То есть они согласились тридцать шесть лет поставлять всё только нам? — уточнил князь.

— Только сплавы, — уточнил я. — В принципе, они нам только сплавы и поставляют, если не считать моих дел с Кальцитом, но кто знает, что там будет в будущем.

— Понятно, — кивнул князь, не отводя от меня пристального взгляда. — То есть ты считаешь, что это достаточная гарантия?

— Не то чтобы достаточная гарантия, — я задумался, пытаюсь удачнее сформулировать свою мысль, — это просто неплохая основа для долгосрочных отношений. Но договор — это хорошо, а ещё лучше, чтобы у партнёра не было и возможности нарушить договор. Поэтому очень важно, чтобы ни у кого не возникло мыслей, откуда эти сплавы берутся, но здесь есть сложность: всем известно, что Арди сотрудничают с рифами. Мы с Ольгой Ренской долго над этим думали и решили сделать так, чтобы следы вели к Ренским. То есть чтобы это было не совсем просто раскопать, но вполне возможно. У Ренских в Рифеях интересов довольно мало, они работают в основном на Мурмане, так что любой шпион придёт к выводу, что наши связи с рифами — это ложный след, а на самом деле сплавы приходят с Мурманна.

— Неплохо, — одобрил князь. — Это всё?

— Нет, княже, это необходимо делать, но мы должны учитывать и такую вероятность, что нашему условному оппоненту станут точно известны все детали нашего сотрудничества с рифами. В конце концов, никто же не

застрахован от предательства доверенного сотрудника. Допустим, это произошло, и некий оппонент решил у нас эту торговлю отобрать и даже сумел соблазнить рифов гораздо лучшими, чем у нас, условиями.

— Продолжай, — князь выглядел действительно заинтересованным.

— Этому оппоненту нужно решить, как забирать сплавы и как поставлять рифам нужные им товары — деньги сами по себе им ведь не особенно нужны. Делать это возможно только по воздуху — дорог в тайге нет. Но Доломитный ведь не примет чужие дирижабли. Поэтому оппоненту необходимо тайно построить воздушный порт у какого-нибудь другого входа, а рифам — проложить узкоколейку ещё и туда. Однако дело это дорогостоящее, а регулярные рейсы чужих дирижаблей довольно сложно держать в секрете. То есть чтобы влезть в это дело, оппоненту нужно решить несколько серьёзных проблем: для начала выяснить, что сплавы приходят от рифов, потом каким-то образом установить с ними контакт в обход нас, затем убедить их нарушить договор с Ренскими — а рифы, кстати, с ними очень не хотят ссориться, — и после этого построить где-то в тайге тайный воздушный порт и наладить регулярные рейсы дирижаблей — опять же, тайные. Каждая из этих проблем, в принципе, решается, но в целом дело почти безнадежное.

— Но в принципе, это возможно, — задумчиво заметил князь.

— Нерешаемых задач не бывает, княже, — пожал я плечами. — Вопрос только в цене решения. Мы не можем сделать решение невозможным, но мы можем сделать его настолько дорогим, что затея просто не будет окупаться.

— А что ещё можно сделать? — поинтересовался он.

— Можно, например, пообещать хорошую премию тому, кто заметит полёты чужих дирижаблей, — предложил я.

— Они могут каждый раз летать другим маршрутом.

— Не в Рифеях, — возразил я. — Карты там очень примерные, дирижабль летит по наземным ориентирам, там просто не получится заметно менять маршруты. Даже мы возим алхимию всего лишь по нескольким маршрутам, хотя наш капитан летает там годами, и у нас есть подробные лоции. А чужие дирижабли кто-нибудь из старателей обязательно

заметит, народ по всем Рифеям ходит. Тайком там можно раз-
другой пролететь, а на третий хоть кто-нибудь, да увидит.

— Насчёт наблюдения за воздухом поговори с Куртом, он
всё организует, — распорядился князь.

— Пока это не нужно, княже, — покачал головой я. —
Раньше, чем через год, чужой порт там в любом случае не
появится.

— А есть смысл заставить карл принять подданство?

— Смысла нет, княже, — твёрдо заявил я. — Может, когда-
нибудь в будущем, но прямо сейчас это абсолютно ничего не
изменит в наших с ними отношениях. Только вызовет у них
излишнее раздражение, как ярмо, которое хочется скинуть. Не
надо торопиться, княже — пусть привыкают жить, как граждане
княжества. Уйдёт это поколение, подрастёт другое, и для него
идея подданства будет выглядеть совсем иначе. Да может быть,
и вообще не понадобится навязывать им формальное
подданство — есть же роды, которые вроде бы неграждане, но с
которыми мы прекрасно живём вместе. Важен не ярлык, а
реальные отношения.

— Я доволен тобой, Кеннер, — с удовлетворением сказал
князь. — Хорошо продумал, всё учёл. Главное, не забывай, что
ты и за реализацию всего этого отвечаешь. Кстати, учиться ты
ведь в следующем году заканчиваешь? Вот этот год я тебя особо
трогать не буду, а через год возглавишь какой-нибудь приказ. И
даже не думай возражать!

— Я же слишком молодой, княже, ну какой из меня глава
приказа? — беспомощно сказал я.

— Слишком молодой, — согласился князь. — А что делать?
Ты думаешь, у меня много доверенных людей, на которых я
могу положиться? Ты делаешь, что поручено, и делаешь это
хорошо, а это главное. Да справишься ты, что ты волнуешься?

— Я же совершенно не знаю, как работает приказ. У меня
нет там своих людей, на которых я мог бы опереться. И каким
главой я буду? Просто болваном, который ничего не может ни
решить, ни проконтролировать.

Князь искренне засмеялся — кажется, я сейчас какую-то
глупость сморозил.

— Всё-таки ты и впрямь очень молодой, Кеннер, — сказал
он, добродушно посмеиваясь. — Ну, это простительно, откуда
тебе знать, как работают государственные учреждения? Не

нужно тебе там опираться ни на каких своих людей. Свои люди были бы тебе нужны, если бы ты делал в приказе нормальную карьеру, поднимаясь с самого низа. Но глава так не служит, так служит его товарищ[17]. Товарищ и руководит работой приказа, опираясь на своих доверенных людей, потому что руководить должен профессиональный чиновник, который досконально знает, как устроен приказ, и кто за что отвечает. Но для него эта должность — венец карьеры, товарищ никогда не станет главой. Глава приказа — это всегда ставленник князя, который не занимается текущей работой, а определяет политику приказа и следит, чтобы чиновники строем бежали. Определяет и направляет — понятно?

[17 — Напомним, что здесь, как и в дореволюционной России, товарищем называется заместитель.]

— Понятно всё, — кисло сказал я. — Кто тянет, на того и грузят.

— Правильно, — захохотал князь. — Считаю, ты уловил, как государством управлять. Да угощайся ты, что сидишь скромно, как неродной?

Я вздохнул, положил на блюдечко пирожное и подлил себе ещё морса.

— Передай матери, что через неделю к ней приедет император, — вдруг сказал князь. — Точнее, бывший император Конрад Третий.

— Всё-таки приедет? — поразился я. — А я уже был уверен, что его так и не отпустят.

— Да некогда ему было, у них же там сейчас большие дела делаются, ему приходится сыну помогать. Он бы и дальше там сидел, да похоже, припекло его окончательно. Причём он даже не сам едет — это Дитрих приказал его отправить, даже если силой придётся везти.

— А что там за дела? — с любопытством спросил я. — Последнее время мне как-то не до имперских дел было, я не следил.

— А зря не следил, — укоризненно сказал князь. — Постоянно надо всё вокруг контролировать.

«Как-то очень уж знакомо это звучит, — подумал я. — Наш князь будто у Генриха учился».

— Так они сейчас собираются с муслимами воевать? — спросил я, вспомнив разговоры про новый крестовый поход.

— Готовятся, — усмехнулся князь. — А вот собираются ли — вопрос открытый.

— Это как? — не понял я.

— Дитрих сейчас чистит свои авгиевы конюшни. Он даже каким-то образом освободил Штирийскую марку, я уж не говорю про более мелкие владения.

— В каком смысле освободил? — не понял я.

— В том смысле, что маркграф Штирии больше не маркграф, и марка ждёт нового маркграфа.

— Как можно отобрать лен? — изумился я. — Это же невозможно.

— Я тоже думал, что невозможно, — согласился князь. — А вот Дитрих, похоже, считал, что вполне возможно.

— Представляю, какой вой там стоит, — покрутил головой я.

— Да, я тоже так это себе представлял, — усмехнулся князь. — Но ты знаешь, почему-то всё тихо. Вот сейчас, под видом крестового похода, он проведёт чистку, а потом уже подумает, действительно ли он хочет воевать.

— Похоже, Дитрих Второй будет ещё покруче Дитриха Первого, который Великий, — заметил я.

— Похоже на то, — кивнул князь. — И это тревожит. Империя большая, даже все княжества разом с ней не сравнятся. И если к ней приложить действительно сильного императора, то соседям есть о чём задуматься. Захочет ли он воевать? А если захочет, то с кем именно?

— Глобальный поход на нас вряд ли случится, — уверенно заявил я.

Однако такой уж уверенности я на самом деле не чувствовал. Мне казалось, что с Высшими на нашей стороне, европейцам не удастся организовать ещё один поход Наполеона или Гитлера. Но в самом ли деле это надёжная гарантия? Я уже достаточно много знаю о Высших, чтобы понимать, что их возможности вовсе не безграничны. В миролюбие же европейцев я не верил и в том мире, а в этом они даже не пытаются изображать из себя зайчиков — по причине отсутствия американцев градус лицемерия здесь гораздо ниже.

— Надеюсь на это, — вздохнул князь. — Отбиться, думаю, мы отобьёмся, но воевать нам совсем ни к чему. Ты понимаешь

теперь, почему твоя работа с карлами — это приоритетная задача для княжества?

— Понимаю, княже. Дружить надо, но на одну дружбу полагаться нельзя, надо бы и хорошую дубину про запас иметь.

— Верно понимаешь, но всё же лучше, чтобы дубина не понадобилась. Поэтому ни в коем случае не упускай из виду отношения с имперцами. Твои связи очень важны для княжества — продолжай их поддерживать и развивать. И приезд Конрада — это удобная возможность, не упускай её.

— Я всё понял, княже, — подтвердил я.

— У Дитриха сейчас много владений освободилось, — задумчиво сказал князь. — Может, всё-таки удастся протолкнуть тебя в имперские графы?

— Я в это не верю, княже — зачем я им? Заслуг у меня нет, и лояльности тоже нет — я ведь вовсе не скрываю, что я полностью на стороне княжества. Даже если Дитрих и согласится вдруг дать мне титул графа, то обставит это такими условиями, что нам этот титул даром будет не нужен. И при этом никакого влияния я иметь не буду — он об этом обязательно позаботится.

— Всё так, — согласно кивнул князь, — но ведь до чего было бы хорошо! Ладно, что об этом говорить.

— А где Конрад остановится, кстати? — полюбопытствовал я. — Не в больничной же палате. Ему какая-то резиденция нужна, хотя бы для свиты.

— В «Ромашковом лугу», — князь испытующе посмотрел на меня.

— Где? — не понял я.

— В государственной резиденции «Ромашковый луг», — пояснил он, пристально на меня глядя.

Я не сразу вспомнил, что это. Эта резиденция располагалась в живописной излучине речки Вишеры[18], отгороженная густым лесом от вплотную подступившего к ней города. Место замечательное, и селили туда лишь действительно важных гостей.

[18 — Примерно на том месте, где у нас располагается деревня Сперанская Мыза.]

— Но тебе не светит, Кеннер, — с некоторым удовлетворением заключил князь.

— Не светит что, княже? — в полном недоумении

переспросил я.

— Не светит получить эту резиденцию, — пояснил он.

— А зачем бы она мне была нужна? — я окончательно потерял нить разговора.

— В самом деле не нужна? — было очень похоже, что князь совсем не ожидал от меня это услышать.

— Ну, мы года два назад обсуждали идею приобрести резиденцию в городе или рядом. Но потом посчитали, во что обойдётся её содержание, и решили, что возможность устраивать там несколько приёмов в год не стоит таких денег. С тех пор этот вопрос больше не поднимался. Мы устраиваем наши приёмы в «Зарядье» и в обозримом будущем не планируем это менять.

— Странно, — удивился князь. — А мне передали, что ты заинтересован в приобретении «Ромашкового луга» — наводишь справки, ищешь пути, всё такое.

— Совершенно точно этого не было, княже, — решительно отказался я. — Не нужен мне такой груз, вот честно. Я бы отказался, если бы ты предложил.

— Интересные вещи ты мне рассказываешь, — задумчиво сказал князь. — И ведь не врешь, похоже. Тогда кто же такие слухи распускает и почему?

— Мне бы тоже хотелось это знать, княже.

— Что-то мне уже любопытно стало, кто здесь настолько интригами увлёкся, что решил, будто может князя использовать. Разберёмся. Ну ладно, Кеннер, не буду тебя больше задерживать, дел у тебя полно.

Я встал и поклонился.

* * *

Я заглянул в уже привычную гостиную и увидел там ту же привычную картину.

— Привет, Тамила, — бодро поздоровался я, входя и бесцеремонно устрояясь в кресле.

— Зови уж лучше Лапой, — проворчала она, не тратя лишних усилий на приветствие. — Тамила старое имя, его уже, считай, и нет.

Ага, знакомо — новое имя заменяет старое, прямо как у лесных.

— Но записалась-то ты в документы Тамилой Лапой, — указал я.

— Так что делать, если вам два имени нужно, — равнодушно пожала плечами она. — Вот и записалась.

— А Тамила — это самое первое имя? — продолжал допытывать я. — Какое самое первое у тебя было?

— Настоящее имя кому попало не сообщают, — недовольно сказала она. — Да и не кому попало тоже не сообщают. Родители знают, супруг часто знает. Ох, до чего же ты приставучий — как тебя жена терпит?

Ещё одно свидетельство, что Лапа и в самом деле родилась очень давно. У нас в старые времена ведь то же самое было, что и у лесных: настоящее имя только близкие знали, а для остальных была кличка, которая со временем могла и поменяться.

— Да так и терпит, — пожал плечами я. — Плачет и терпит, такова уж женская доля. Слушай, Лапа, а сколько тебе лет?

— Ты разве не знаешь, что женщину о возрасте спрашивать нельзя?

— Ой, да брось ты, — отмахнулся я. — Моя жена тебе морду била — можно сказать, мы уже практически родня. Что ты тут какие-то секреты устраиваешь на пустом месте?

Лапа скептически хмыкнула, но после некоторого раздумья всё же ответила:

— Тридцать два мне.

— Так ты молоденькая совсем! — обрадовался я. — У меня-то некоторым подружкам уже за двести. Но ничего, до сих пор бодрые, да ещё какие бодрые! Что далеко ходить, взять ту же Драгану, ты её ещё наглой соплячкой называла — помнишь?

Лапа что-то неразборчиво буркнула себе под нос.

— Ничего не пояснишь насчёт возраста? — настаивал я.

— А должна? — окрысилась она.

— Не должна, — согласился я. — Но ведь я от тебя ответа и не требую. Просто прошу по-человечески пояснить, как такое может быть, что родилась ты в какие-то былинные времена, и при этом сейчас тебе всего тридцать два. Каким же образом ты ухитрилась так ускориться? Или замедлиться, даже не знаю, как здесь правильное сказать. В общем, промчатся по волнам времени.

— Не буду я тебе ничего объяснять, — хмуро сказала она.

— Жаль, жаль, — покачал я головой. — Ну ладно, не буду к тебе приставать, зря ты меня приставучим обозвала, обидно даже. Давай поговорим про наших крокодилов — про них-то ты расскажешь? Я же вроде как заказчик, помнишь?

— Пойдём, — коротко сказала Лапа, вставая с кресла.

Мы зашли в дверь напротив, за которой оказалась не комната, а лестница вниз. В конце лестницы обнаружилась солидная металлическая дверь, которую она отперла ключом устрашающего размера. В давние времена верили, что замок чем больше, тем надёжнее — возможно, и Лапа в это верит.

За дверью обнаружился большой бетонированный подвал с какими-то верстаками вдоль стен и непонятными частями приборов на полках. А в центре комнаты стояло здоровенное чучело с дубиной, и впрямь похожее на заказанного крокодила.

— Что-то у него морда коротковата, — с сомнением сказал я.

— Ты головой-то сам подумай, — недовольно отозвалась Лапа. — Это же не настоящий крокодил, который весь в одну линию, как бревно. Если этому такую же длинную морду приделать, он просто вперёд падать будет. Вертикальная ориентация требует, чтобы морда совсем короткая была — у меня даже с такой укороченной мордой большие проблемы были.

— Ну, логично, — согласился я. — А кусаться он умеет?

— Для укуса нужны мощные челюстные мышцы. Если их на укороченную морду поставить, то морда совсем круглая станет. Вообще не будет на крокодилю похожа. В общем, кусаться он не может, может только пасть слегка разевать, чтобы клыки показать.

— Ну, в принципе, пойдёт, — подумав, сказал я. — Кусаться нам на самом деле и не нужно. Ну и как он работает? Прдемонстрируешь?

— Подходи к нему, только медленно, — предложила она.

Я начал осторожно приближаться к чучелу. Когда я подошёл сажени на три, глаза у крокодила вспыхнули красным, и он уставился на меня. Когда я приблизился ещё на сажень, он приоткрыл пасть и громко зашипел. Довольно жуткий звук.

— Хватит, — скомандовала Лапа. — Если ближе подойдёшь, он начнёт тебя дубиной лупить.

— А если отскочить?

— Опять успокоится.

— А если успеть мимо него пробежать — будет преследовать?

— Ты слишком многого от меня ждёшь, — недовольно нахмурилась она. — Я не могу сделать разумное существо, или даже что-то со сложными инстинктами. Он будет стоять на месте — это просто чучело с несколькими примитивными шаблонами поведения. Тебе чего-то большего хотелось?

Я глубоко задумался — а чего мне, в самом деле, хотелось? Как-то всё с этими крокодилами было второпях, между делом.

— Знаешь, не надо мне большего, — наконец сказал я. — Совсем не надо, чтобы он кого-то преследовал — у случайного человека должна быть возможность сдать назад и остаться целым. В конце концов, это же чисто декоративная вещь, реальная охрана будет на людях. А как мимо него проходить?

— Возьми вот это, — она сунула мне в руку круглый камешек с дыркой в середине. — Вот теперь иди.

На трёх саженях глаза так же зажглись красным, но шипения уже не последовало, и я беспрепятственно прошёл мимо, провожаемый взглядом красных глаз.

— На шесть крокодилов дам тебе двенадцать ключей, — заявила Лапа. — Если понадобится больше, будешь покупать отдельно.

— Насколько далеко прикрывает ключ? — спросил я.

— Круг диаметром около двух саженей. Вполне достаточно, чтобы провести с собой двух-трёх человек. Если надо провести большую группу, то нужно либо вести по частям, либо отключать крокодила.

— А как его отключать? — заинтересовался я.

— Пойдём, покажу, — скомандовала она.

Мы обошли крокодила вокруг. Лапа взялась за хвост, уверенным движением выдернула его из крокодила, и тот сразу обмяк.

— У него в хвосте мозг, — пояснила она. — Только имей при себе ключ, когда будешь обратно вставлять, а то сразу дубиной получишь.

— Как-то... необычно это, в хвосте-то, — заметил я в лёгком замешательстве.

— Самое надёжное место, — наставительно сказала Лапа. — В брюхе у него стальная пластина, так что от пуля мозг хорошо

защищён. А пока мозг не повреждён, крокодил так и будет работать. Ну или надо вообще его полностью изрешетить.

— Всё равно хвост выдёргивать как-то пошловато выглядит.

— Тебе надо чтобы работало, или чтобы всё красиво было? А то заказал бы чучело девки, чтобы сиськами трясла для всех, кто близко подходит.

— Не в этот раз, — поморщился я. — Но спасибо за такой замечательный совет.

— Ну так что — устраивает работа?

— Устраивает, — подтвердил я.

Глава 18

— Ты как хочешь, Кени, а я этот дурацкий меч с собой не возьму, — решительно заявила Ленка. — Можешь ходить с ним сам, если ты готов выглядеть клоуном в глазах всего курса. Я не готова.

— Ты слишком зависима от чужого мнения, — я попробовал зайти с другой стороны. — Неужели тебя в самом деле волнует, что о тебе думают какие-то мещане?

— Во-первых, у нас на курсе далеко не все мещане...

— Да, есть и крестьяне, — пробурчал я.

— ... а во-вторых, да, меня волнует, что обо мне думают окружающие, — поставила точку она.

Моя попытка воззвать к аристократическому высокомерию самым жалким образом провалилась. Ну, я не сильно-то и надеялся — не припомню случая, когда бы получилось взять её на слабо.

— Зачем ты вообще собрался тащить эти железки? — с искренним недоумением спросила Ленка. — Дуэли там не планируются, и лезть под землю мы тоже не собираемся. А в остальном винтовка решает.

— Меня смущают намёки на какие-то провалы, — признался я. — Давай представим, что в районе такого провала перестанет загораться порох, или хотя бы изменится динамика горения.

— Полная чушь, — безапелляционно заявила она. — Натуральная философия и вульгарная алхимия — это основы мира, они никак не зависят от Силы и работают всегда и везде. Не могу поверить, что ты сам этого не понимаешь. Почему тебе надо это объяснять?

Потому что я точно знаю, что это не так, дорогая. Например, в этом мире не станет работать даже примитивный транзисторный радиоприёмник, так почему бы не представить мир, где порох будет гореть с другой скоростью?

— В любом случае, Лен, огнестрел может подвести, а честная сталь никогда, — устало сказал я, не желая спорить об основах мира и прочих высоких материях. — Чем тебе поможет винтовка при встрече с хищным кустом?

Ленка осеклась, не став выкладывать очередной аргумент, и всерьёз задумалась. Она наверняка хотела сказать, что легко

сокрушит этот куст Силой, но вовремя вспомнила, что Сила-то как раз может легко подвести. Во всяком случае, как Владеющие мы пока мало что из себя представляем, и на Силу нам особо полагаться не стоит.

— Какой-то резон в твоих словах есть, — наконец, признала она. — Хорошо, я возьму меч, но носить его не буду. То есть, постоянно носить не буду.

— Вот и договорились, — согласился я. Не стоит требовать от неё больше того, что она в данный момент готова уступить. Главное, что принципиальное согласие есть, а на месте уже и разберёмся, когда и как этот меч носить.

Нагрузились мы доверху, и я с тихой грустью вспомнил наших лошаков, оставленных в Нитике на попечение хозяина гостиницы. Как там они? Хорошо ли кушают? Соблюдают ли режим дня? Нам бы они сейчас здоровогодились. Я представил себе лицо Генриха Менски, привези я с собой пару лошаков для посадки в дирижабль, и печально вздохнул. Наши преподы глубоко уверены, что если есть студенты, то лошаки ни к чему, поскольку разница между ними, в сущности, минимальна — и тех и тех можно прекрасно загрузить доверху. У военных, кстати, так же.

На улице нас уже ждал мой водитель Демид и здоровенный, как сарай, пикап, купленный как раз для таких случаев. А что делать? Лимузин для подобных поездок приспособлен плохо, а опять одалживать машину у интенданта рысей как-то неприлично.

В пикап влезло всё, но полупустым он определённо не выглядел, и я опять с неудовольствием подумал, что таскать всё это нам придётся на себе. Мечи, винтовки, запас патронов и гранат, пистолеты и ножи, полевые рационы на непредвиденный случай, запас сухого спирта, кое-какая посуда, двухместная палатка — пикап со всем этим вполне мог справиться, а вот дальше лошак бы не помешал.

— Давай, Демид, рули в Примшу, — сказал я, с комфортом устраиваясь на просторном сиденье. — Нам нужен гражданский порт, причал шесть-четыре.

Очередное путешествие началось. Какие приключения ждали нас впереди? Я очень надеялся, что никакие.

В Примше всё было по-прежнему — бронзовый Изяслав IV всё так же всматривался в бледно-голубое летнее небо,

проводящая взглядом улетающие дирижабли. У причала шесть-четыре уже толклись все три наших группы в полном составе с преподавателями боевой практики — они все вместе приехали на автобусе Академиума. Однако моё внимание привлекли вовсе не они, а совершенно неожиданная здесь Алина Тирина, которая стояла в стороне, заложив руки за спину и лениво наблюдая за возбуждённым кипением студентов. К ней мы и направились, приветливо помахав нашим.

— Здравствуй, Лина! — поздоровался я, а Ленка с ней без лишних слов расцеловалась. — Кого-то встречаешь? Или провожаешь?

— Лечу с вами, — улыбнулась она. — Я руководитель экспедиции.

— Звучит знакомо, — нахмурился я, как бы вспоминая. — Что-то такое вертится в голове. Ты ничего похожего не припоминаешь?

— Припоминаю, — она улыбнулась ещё шире.

— Ты из-за Анеты? Или наша мама попросила присмотреть? Или всё вместе?

— Ни то и ни то. Хотя я, конечно, за всеми присмотрю. Просто в таких экспедициях обязательно должен быть руководитель в ранге Старшего. Никто не рвался, ну а я вызвалась.

— То есть никто не хотел, а ты согласилась? — с подчёркнутым сомнением спросил я. — Отчего бы вдруг такое самопожертвование?

— То, что для одного обуза, для другого может быть возможностью, — объяснила Алина, насмешливо на меня глядя.

Отчего-то кажется мне, что Алина знает о той загадочной местности гораздо больше меня, и уж точно больше наших преподавателей.

— Возможность, говоришь? — в замешательстве переспросил я.

Было бы неплохо как следует обсудить с ней эту самую возможность, но я был уверен, что в ответ на прямой вопрос она только посмеётся. Вообще-то говоря, отвечала она всегда охотно, но для этого нужно было ясно понимать, о чём ты спрашиваешь, и задавать правильные вопросы. Да собственно говоря, все Высшие по этому же принципу и общались — если

ты не в состоянии задать конкретный и ясный вопрос, значит, в ответе не нуждаешься.

— Ну ладно, будем надеяться, что возможность того стоит, — согласился я, решив всё-таки отложить этот разговор на будущее. — А почему мы здесь стоим? Мы кого-то или чего-то ждём?

Я поднял голову и посмотрел на пришвартованный к нашему причалу небольшой грузопассажирский дирижабль, разрисованный голубыми завитушками, и с крупной надписью «Sapientia[19]» на борту. Судя по названию, дирижабль принадлежал Академиуму, а голубые завитушки, вероятно, символизировали извилистое течение мысли.

[19 — *Sapientia* (лат.) — *Мудрость*.]

— Ждём мою старую подругу, — объяснила Алина. — Она знает те края и будет у нас проводником. Как только она подъедет, перезнакомимся и будем грузиться.

Ждать пришлось недолго — не прошло и пяти минут, как к нам подлетело слегка помятое такси, из которого с пыхтеньем вылезла Тамила Лапа, волоча за собой здоровенный рюкзак и чехол с чем-то длинным и подозрительно похожим на короткое копье.

— Ба, да это же Лапа! — с энтузиазмом воскликнул я. — Сколь же радостно видеть вокруг лица друзей! И можно ли желать лучшего путешествия, чем путешествие в доброй компании?

Лапа подозрительно посмотрела на меня, явно ожидая какого-то подвоха, а Алина заразительно засмеялась.

— Не обращай внимания, Лапка! — сквозь смех проговорила она. — А ты, Кеннер, не замечаешь, что ты слишком предсказуем?

— Предсказуем? — озадаченно переспросил я.

— Когда ты перестаёшь понимать ситуацию, у тебя немного меняется стиль общения. Становишься таким, — она покрутила рукой в воздухе, — я бы даже сказала, слегка развязным. Любой, кто тебя достаточно знает, сразу понимает, что ты сбит с толку и не знаешь, что делать.

А ведь, пожалуй, верно замечено — есть у меня свойство прятать за болтовнёй собственную неуверенность. Не так уж сильно это свойство выражается, скорее даже очень слабо, но Алина вот заметила. А если она заметила, то и другие могут. А

если эти другие не так дружески ко мне настроены, то будет совсем неприятно. Очень плохо, когда ты показываешь свои слабости, некоторые люди на чужих слабостях умеют играть просто виртуозно.

— Спасибо, Лина, — серьёзно сказал я. — Обязательно над этим поработаю. Лапа, можешь мне не верить, но я в самом деле рад тебя видеть. По крайней мере, у нас будет хоть кто-то, кто понимает, чего там ждть. Особенно во время Слияния.

— Что ты знаешь о Слиянии? — поражённо вскинулась Лапа, а Алина посмотрела на меня с удивлением.

— Не так много, к сожалению, — развёл я руками. — Но надеюсь, что ты поможешь мне узнать больше.

Тамила что-то неопределённо буркнула и отвернулась. Как-то не выходит у нас дружбы. Я к ней и так и этак — а всё равно почему-то не мил. Может, и в самом деле ей морду набить? Вон Ленка набила, и нормально отношения у них складываются.

— Ты меня опять удивил, Кеннер, — разглядывая меня, сказала Алина. — Я уже и забыла, как ты умеешь удивлять, но ты сразу же напомнил. Мы обязательно обо всём этом поговорим, но сейчас нам пора заняться делом. Пойдёмте к остальным — познакомимся, да и будем грузиться.

Мы с Ленкой быстро выгрузили из нашей машины свои вещи и тоже подошли к остальным, которых Алина к этому времени уже умело построила.

— Итак, всем внимание! Меня зовут Алина Тирина, и я являюсь руководителем этой экспедиции. Я — Владеющая одиннадцатого ранга, обращаться ко мне следует соответственно. Хотя мои друзья обращаются ко мне неформально, не советую брать с них пример. Представляю вам нашего проводника, почтенную Тамилу Лапу. После того как мы выгрузимся на месте, все её указания должны выполняться немедленно и беспрекословно — это, кстати, относится и к преподавателям. Лапа, представляю тебе преподавателей: господин Генрих Менски отвечает за первую группу, госпожа Лея Цветова за вторую, а госпожа Эмма Папне — за третью. Если тебя интересует кто-то из студентов, познакомишься сама. В случае каких-то проблем с дисциплиной, сообщай об этом преподавателям — они немедленно примут меры, можешь в этом не сомневаться. Вопросы, предложения, жалобы? Нет? Очень хорошо, сейчас берём вещи и двигаемся на посадку,

экипаж разведёт всех по каютам. До взлёта всем сидеть в каютах, в коридор не вылезать, экипажу не мешать. После того как ляжем на курс, преподавателям собраться в кают-компанию для инструктажа. Выполнять!

Однако неплохо у Алины получается командовать, мне ещё не приходилось видеть её с этой стороны. Она решительным шагом двинулась к подъёмнику, и студенты, доверху нагруженные вещами, послушно потянулись за ней.

— И что ты думаешь насчёт всего этого? — спросила Ленка после того как мы сумели распахать вещи по тесной каюте и уселись рядом на узкой койке, прислушиваясь к предполётной беготне экипажа.

Несмотря на полную неопределённость вопроса, я прекрасно его понял.

— Всё очень запутано пока, но кое-что уже начинает понемногу проясняться, — ответил я. — Знаешь, у меня с самого начала было какое-то непонятное предчувствие насчёт этой практики. Что с ней всё обстоит не так, как выглядит, и что есть во всём этом какая-то мутная подоплёка. Поначалу думал, что дело в каких-то жутких зверях, нас же ещё и Генрих ими пугал. А потом начал подозревать, что дело вовсе не в зверях, и что мои предчувствия с чем-то другим связаны. А сейчас Алина это подтвердила.

— Почему ты так думаешь? — с интересом спросила Ленка.

— Зачем Матери рода куда-то лететь, чтобы пасти студентов? Она ведь даже не штатный преподаватель Академиума, кто бы мог её заставить? Насчёт того, что никого другого не нашлось — это же полная ерунда. Какая разница, кто там хотел или не хотел? Декан назначил бы кого-нибудь приказом, да хоть нашу же Ясеневу, и полетела бы Магда руководить практикой как миленькая, никуда бы не делась. Нет, у Алины есть свой интерес, и она точно знает, зачем летит. И, как оказалось, она ещё и дружит с Лапой, а значит, наверняка многое знает о тех краях.

— Вообще-то, Алина и в Нитику с нами ездила, — заметила Ленка.

— Там у неё была понятная причина, — покачал головой я. — Ей пришлось поехать ради наследницы, иначе ей не удалось бы Анету к нам запихнуть. Здесь такой необходимости нет, едут все студенты.

— Может, она просто хочет Анету защитить в опасной поездке?

— Ты сама-то в это веришь? — я насмешливо посмотрел на неё. — Не могу себе представить Алину в роли насадки. Если Анета погибнет, Лина, конечно, погорюет, но я уверен, что у неё на такой случай уже давно есть другая кандидатка в наследницы.

— Да, наверняка так и есть, — согласилась Ленка. — Вот ещё интересно — как она с Тамилой подружилась, если та с Ганой враждовала?

— Действительно, любопытный момент, — согласился я. — Обязательно попробую это выяснить. Но, вообще-то, здесь нет ничего необычного. Если она дружит с Ганой, из этого совершенно не следует, что она тоже должна враждовать с Лапой. И вообще, была ли там на самом деле какая-то вражда? Я уже что-то сомневаюсь.

Мы немного посидели молча, прислушиваясь к предполётной беготне матросов. Внезапно топот и перекрикивания как-то разом стихли, дирижабль вздрогнул, и длинные ряды вышек в иллюминаторе поплыли назад и вниз.

— Как-то сложно это всё, — вздохнула Ленка. — Очень уж запутано. Ты, Кени, просто говори мне, кому наступать.

* * *

— Господин Эрик, здесь почтенная Мира Дорн, — раздался голос секретарши из переговорника.

— Я её ожидаю, пусть заходит, — отозвался Эрик.

Он с облегчением отодвинул в сторону финансовый отчёт, от которого у него уже шла кругом голова, и саркастически усмехнулся, вспомнив свои прежние наивные представления о жизни аристократов. Действительность оказалась совершенно иной, и беспокойная жизнь командира вольного отряда сейчас уже казалась курортом.

Дверь открылась, впусив Миру — выглядела она, как всегда, безукоризненно, и Эрик привычно удивился, как такая красивая женщина может оставаться одинокой. Впрочем, он повидал уже достаточно, и для него вовсе не было секретом, что у красивых женщин жизнь отнюдь не безоблачная, а чаще даже совсем наоборот.

— Здравствуйте, господин Эрик, — коротко поклонилась она.

— Здравствуй, Мира, — тепло улыбнулся ей Эрик, поднимаясь из-за стола и указывая ей на уютные кресла в углу. — Рад тебя видеть, ты меня буквально спасаешь от бесконечных бумаг.

— Ну, я ведь тоже не с пустыми руками, — улыбнулась в ответ она, устраиваясь в кресле.

— Твои бумаги нормальный человек хотя бы в состоянии понять.

— Финансы? — сразу же догадалась Мира.

— Они, — вздохнул Эрик. — Кира не даёт мне заскучать.

— Госпожа никому не даёт скучать, — засмеялась Мира.

— Это точно, — согласился Эрик. — Так по какому делу ты хотела меня видеть?

Мира открыла тонкую папку, которая лежала у неё на коленях, и достала несколько листов машинописного текста.

— Помните, я запрашивала у вас доступ в хранилище для нашего корреспондента?

— Нашего? — не понял Эрик.

— Не именно нашего, конечно — газетного. Но который с нами активно сотрудничает. Прикормленного, если вы простите мне такое грубое определение.

— Да, припоминаю, было такое, — кивнул он.

— Ну вот, она подготовила репортаж. Я проверила, но нужно, чтобы и вы посмотрели. Вы отвечаете за хранилище, и я не хочу делать такие вещи через вашу голову. Прочитайте, пожалуйста, и если всё нормально, то опубликуем завтра в утреннем выпуске.

— Давай, посмотрю, — кивнул Эрик, протягивая руку за листками.

«Наши читатели наверняка помнят мой репортаж о строящемся хранилище семейства Арди, где мне удалось побывать, с немалым трудом получив разрешение на посещение. И вот пришло время для обещанной второй части репортажа — хранилище готово, и со дня на день откроется для широкой публики. К моему удивлению, получить разрешение на репортаж оказалось не в пример проще, чем в прошлый раз. В ответ на мой наивный вопрос почтенная Мира Дорн, начальница секретариата Арди, которая и выдала мне разрешение, снисходительно

улыбнулась и объяснила: 'Вы же пойдёте, как клиент, и увидите то, что будет видеть любой наш клиент. Всё отличие только в том, что ваш сопровождающий будет отвечать на вопросы».

Я и в самом деле буду самым первым клиентом хранилища, и этот факт приятно щекочет моё эго. Редакция планирует послать меня в длительную командировку в снега Мурмана, и я ни в коем случае не хочу оставлять свои невеликие ценности в пустой квартире. Возможность воспользоваться хранилищем Арди пришлось весьма кстати.

И вот в назначенный день я вхожу в небольшое трёхэтажное здание. Размер здания меня нисколько не смущает — я прекрасно помню бесконечные коридоры глубоко внизу под этим обманчиво скромным строением. На мне тут же скрешиваются профессионально подозрительные взгляды вооружённых охранников, но меня уже встречают, и охрана теряет интерес — к моему немалому облегчению.

Встречает меня миниатюрная блондинка очень делового вида, которая представляется просто Светланой.

— А где же Алекс, который сопровождал меня в прошлый раз? — тут же интересуюсь я.

— По правилам клиента должен сопровождать сотрудник того же пола, — строго отвечает она. — В определённые моменты клиент остаётся с сопровождающим наедине, и многие женщины наверняка будут чувствовать себя некомфортно рядом с мужчиной.

— А некоторые при этом могут заявить о домогательствах, — гордясь своим умом, догадываюсь я. — И начнут требовать деньги за молчание.

— Семейство Арди никому не станет платить за молчание, — уверенно говорит Светлана. — В подобном случае произойдёт открытое разбирательство, и если выяснится, что наш сотрудник действительно виноват, то ему не позавидуешь.

— А если...

— А если это окажется клеветой, то не позавидуешь клиенту. Из клеветника сделают показательный пример.

Я киваю, соглашаясь. Пример наверняка будет очень показательным, и я ни в коем случае не хотела бы оказаться на месте того, кто решит таким незамысловатым образом заработать на семействе Арди.

— Поверьте, это правило ввели исключительно для удобства

клиентов, а с мошенниками мы разберёмся и без этого, — подводит итог обсуждения Светлана, а мы тем временем входим в клиентский зал с целым рядом закрытых матовым стеклом кабинок. Над каждой горит зелёный огонёк.

— Все свободны, так что мы можем занять любую, — поясняет Светлана.

Внутри кабинки находится стол с двумя стульями напротив друг друга, куда мы и усаживаемся.

— Как будет осуществляться доступ к вашей ячейке? — спрашивает она. — По документу, по паролю, по предъявлении какого-то предмета?

Пароль я наверняка забуду, никаких уникальных предметов у меня нет, так что я без лишних слов протягиваю своё удостоверение личности. Заполнение клиентской карточки заняло всего лишь несколько минут, и вот ещё один служащий приносит пару никелированных ключей замысловатой формы.

— Это клиентский ключ, — придвигает ко мне один из них Светлана. — Для того чтобы получить доступ к ячейке, вы должны будете предъявить ключ и этот же самый документ. Пойдёмте к лифту — заявку на вашу ячейку уже отправили вниз.

— А куда именно её отправили? — сразу же интересуюсь я.

— Не знаю, — извиняющимся тоном отвечает она. — Служащие, которые работают с клиентами, имеют доступ только к клиентской зоне. Я слышала, что все ячейки находятся в бронированных стойках, но в самом хранилище никогда не бывала. Вы, конечно, можете попробовать запросить разрешение на посещение, но, честно говоря, вряд ли его получите.

Привычных кнопок в лифте не оказалось — Светлана вставляет свой ключ в узкую щель, и лифт плавно едет вниз.

— На каком мы уровне? — с любопытством спрашиваю я, когда двери открываются вновь.

— Не знаю, — получаю я неожиданный ответ. — Никто не знает. Даже те, кто здесь работает, могут только гадать, на каком уровне они находятся.

— Но можно ведь понять это по времени спуска, — с недоумением замечая я.

— Лифт спускается с такой скоростью, чтобы время спуска было одинаковым для каждого уровня.

Я не могу сдержать удивления. Когда я прошлый раз уезжала

в длительную командировку и оставляла свои ценности в банке, их просто положили в жестяную ячейку, а стойка с этими ячейками стояла прямо в клиентском зале банка. У Арди, похоже, радикально иной подход.

Здесь я, наконец, отворачиваюсь от Светланы и смотрю вперёд. Одного взгляда мне хватило, чтобы рвануться обратно в лифт — увы, уже закрывшийся.

— Всё в порядке, — успокаивает меня Светлана, — они безопасны.

— Точно безопасны? — дрожащим голосом переспрашиваю я.

— Пока вы со мной, они совершенно неопасны, — заверяет она. — Извините, я заговорила и забыла вас предупредить.

«Или не стала предупреждать, чтобы не сглаживать впечатление», — думаю я. Увы, самое циничное объяснение чаще всего и оказывается правильным. Но скорее всего, я всё-таки напрасно подумала так о Светлане — подобные ухищрения здесь не нужны, это впечатление не сгладить никаким предупреждением.

Пока мы шли к единственному выходу из лифтового зала — Светлана уверенно, а я на подгибающихся ногах, — твари неотрывно следили за нами горящими красным светом глазами. Рост в целую сажень, зубастые крокодилы морды, шипастые булавы в чешуйчатых лапах — я боюсь даже представить себе, как бы они меня встретили, проникни я сюда одна. Когда в моё прошлое посещение Алекс упоминал бойцовых крокодилов, я не восприняла его слова всерьёз — как оказалось, совершенно напрасно.

— И много здесь таких? — нервно спрашиваю я, когда крокодилы, наконец, остались позади.

— Только на входе у лифтов, дальше обычная охрана, — сочувствующим голосом говорит Светлана. — Поначалу всем было страшно, потом привыкли.

Радуется, что кто-то, оказывается, может к этому привыкнуть — насчёт себя я не уверена.

Путь наш оказался недолог, и очень скоро мы оказались в большом зале с множеством пронумерованных дверей.

— Это клиентская зона, — объясняет мне Светлана, — дальше пройти нельзя. А сейчас нам надо предъявить наши ключи охраны.

Охранник за бронированным стеклом внимательно проверяет

наши ключи и сообщает, что нам нужен восьмой отсек. Внутри отсека на столе уже стоит даже на вид тяжёлый ящик-ячейка с двумя замочными скважинами. Светлана открывает свой замок и покидает меня, а я остаюсь наедине с ячейкой. Вставляю свой ключ и поворачиваю его — с негромким щелчком замок открывается, и толстая стальная крышка плавно поднимается вверх. Да, это определённо не ящичек из консервной жести в углу клиентского зала.

Я бросаю последний взгляд на свои скромные ценности и решительно опускаю тяжёлую крышку. Мягко щёлкают оба замка. Сейчас Светлана проводит меня обратно, а затем кто-то, кого мы уже не увидим, заберёт мою ячейку в неведомые глубины, где прогуливаются твари с крокодильими мордами и горящими глазами, ожидая возможности опустить свои шипастые булавы на голову какого-нибудь незадачливого грабителя'.

— Живописно изложила, — хмыкнул Эрик, переворачивая последнюю страницу. — Но в целом пойдёт.

— Способная девочка, — кивнула Мира. — Мы уже зачислили её в постоянные контакты. Она поняла, что мы не собираемся её бросать, и ценит это.

— Вот только крокодилы эти мне категорически не нравятся, — с отвращением заметил Эрик.

— Мне тоже, — вздохнула Мира. — Но вариантов было немного. Предполагалось, что это просто шутка, но мы упустили из виду, что от такого семейства, как наше, шутки не воспринимаются. К шутникам невозможно относиться серьёзно, и не придумай господин такой выход из ситуации, нас постепенно и стали бы воспринимать, как шутов. Здесь, конечно, большей частью моя вина, — самокритично добавила она. — Я очень сильно просчиталась.

— Все ошибаются, Мира, — мягко сказал Эрик. — Хотя, конечно, без крокодилов было бы лучше.

— Лучше, — печально согласилась Мира.

Глава 19

Солнце уже почти ушло за горизонт. Последние лучи били мне прямо в глаза, и пришлось задёрнуть шторку иллюминатора. Ленка счастливо посапывала на верхней койке, а вот мне спать совершенно не хотелось. Просто сидеть без дела в полутёмной каюте было скучно, и я потихоньку, стараясь её не разбудить, выскользнул в коридор, аккуратно прикрыв за собой дверь каюты. А кстати, это точно дверь? Вроде бы моряки называют дверь клинкетом, а как же принято на дирижаблях? Как-то неловко не знать таких вещей, я же всё-таки бывалый воздушник, помощник механика с опытом монтажа вакуумных баллонов, и ещё умею давать малый ход, а иногда даже и полный.

Я посмотрел налево, посмотрел направо — коридор был совершенно пуст. Народ сидел по своим каютам, а самые опытные наверняка тоже залегли спать. Я немного постоял, раздумывая и заранее зная, что ни до чего не додумаюсь, а потом неторопливо двинулся в сторону кают-компаний. А куда ещё? Не идти же приставать к экипажу. Ленка, конечно, прямо с утра обследует каждый уголок и перезнакомится со всеми, включая последнего юнгу, но я не такой коммуникабельный.

Кают-компания сначала показалась мне пустой, но потом я заметил в уголке Алину с книжкой.

— Привет, Лина, — поздоровался я входя. — Тоже не спится?

— Слишком засиделась дома, — подняла глаза она. — Уже отвыкла спать когда нужно, а не когда хочется.

— Лена умеет, а вот у меня никогда не получалось, — с сожалением сказал я.

— Домашний мальчик, — усмехнулась Алина.

— Ну, в общем, да, — немного виновато признался я. — Слушай, а как ты умудрилась пролезть в руководители? Мне казалось, что Максакова скорее костыми ляжет, чем тебя пропустит.

— А она-то здесь при чём? — не поняла Алина.

— Как при чём? Разве не Круг Силы управляет Академиумом?

— Ничего подобного, — покачала головой она. — Круг Силы никакого влияния на Академиум не имеет, и Максакова там

обычный преподаватель без каких-либо особых прав.

— Даже так? — удивился я. — А у меня сложилось совсем другое впечатление, глядя, как Драгана командовала ректором.

— Ты же и сам прекрасно знаешь, Кеннер, что неформальные связи часто значат гораздо больше, чем формальная иерархия, — укоризненно сказала Алина. — Академиум не подчиняется Кругу Силы, но его основной спонсор — это княжество, а учитывая отношения Драганы с князем, можно смело сказать, что она и была главным спонсором. У Максаковой большого влияния на князя нет, и когда Анна стала главой Круга, ректор припомнил ей всё. Это же ни для кого не секрет, что именно она вынудила Драгану провести над вами эксперимент на психологическую устойчивость. В результате Академиум подпортил отношения с тобой — насколько я слышала, ты не стал посылать очередной чек, а ректор очень на него рассчитывал. А потом всё это дошло ещё и до Милы, и она устроила ректору скандал. Он в конце концов всё-таки уговорил её не уходить, но лекционные часы она урезала. В общем, Анне сейчас сложно даже просто на приём к нему попасть, не то что указания давать.

— Вот сейчас из твоих слов для меня стало совершенно ясно, что без Драганы там на самом деле не обошлось. Думаю, она сама была не против того эксперимента, но умело осталась в стороне и свалила всё на Максакову.

— Не совсем так, — возразила Алина. — В теории она могла бы воспрепятствовать, но политика — это искусство компромисса, а компромисс состоял в том, чтобы она постояла в стороне. Не забывай, что это сейчас Анна сама по себе, а тогда у неё за спиной была мощная группировка Мариэтты Кисы. Гане было, конечно, интересно посмотреть на результат эксперимента, но если бы у неё была реальная возможность Анну остановить, она бы это сделала.

— Всё ясно, везде политика, — вздохнул я. — Слушай, а что ты вообще с Анной не поделила?

— Тебе так интересно услышать историю грызни двух старых тёток? — недовольно поморщилась Алина.

— Смотря каких тёток — некоторые истории просто необходимо знать. Я общаюсь с вами обеими, и мне хочется хотя бы примерно представлять, что у вас за отношения, и какие темы с вами затрагивать не стоит. А то ведь и сам не

заметишь, как влезешь в вашу свару.

— Нет там ничего интересного, Кеннер, да и свары никакой нет, — вздохнула она. — Просто мне неприятно это вспоминать, да и Анне, наверное, тоже. Гана там цапалась с Кисой, и постепенно они втянули нас с Анной. Всё равно ведь не получается стоять в стороне, когда подруга с кем-то враждует. Мы с Кисой цапаться не могли — она аристократка, я наследница рода, — нам никто не позволил бы всерьёз враждовать, там бы ведь и родня втянулась. За такое князь мог нас с ней и в ссылку отправить, чтобы остыли. Поэтому Киса отыгрывалась на Гане, ну а я на Анне. На Драгане не особенно отыграешься, так что у них там дело до лютой ненависти дошло, а у нас с Анной всё постепенно заглохло. Как-то не по душе мне оказалось измываться над безответной мещанкой.

— Но вы не помирились?

— Анна меня, кажется, так и не простила, а мне всё равно. Хотя последнее время Анна мне кивает при встрече, так что, наверное, вражду всё-таки не лелеет.

— Я слышал версию, что та ваша вражда как раз и помогла вам всем возвыситься.

— Не знаю, — Алина задумалась. — Нет, вряд ли. Про Гану с Кисой ничего не скажу, а мы с Анной там просто сбоку стояли. Не тот у нас с ней был накал страстей, чтобы на что-то повлиять.

— А как ты с Лапой познакомилась?

— Ты же знаешь историю, как она Драгане наваляла?

— Насколько я знаю, не наваляла, а просто выкинула за порог, — поправил я.

— Ну вот я тогда ею и заинтересовалась. Заглянула к ней, познакомилась, поговорила. Постепенно и подружились.

— То есть тебя она не стала за порог выкидывать?

— А меня-то с чего ради? — изумилась Алина. — Лапа вовсе не дикарка, которая на людей кидается. Просто Гана... да ты же сам её манеры знаешь. Она уважает только того, кто способен её на место поставить — ну вот такой она человек. Начала говорить резко, а Лапа тоже девушка с характером, вот и повздорили.

— Мне кажется, ты преувеличиваешь насчёт её манер, — с сомнением заметил я. — Со мной и Леной Гана вполне корректно общалась. А ведь мы вряд ли смогли бы её на место

поставить.

— Гана, очевидно, считала, что смогли бы, — усмехнулась Алина. — Да и у меня есть такое подозрение.

— Хм, — в замешательстве промычал я, но решил эту тему дальше не развивать. — Так что дальше было у Лапы с Ганой?

— Ничего не было, конечно, — Алина с удивлением посмотрела на меня. — Что там Гана могла сделать — мстить, что ли? Устроить какую-то вендетту с мещанкой — это же себя в посмеище превратить. Она позлилась, потом посмеялась, потом махнула рукой и забыла.

— Она, может быть, и мещанка, но совсем не простая мещанка, — я внимательно посмотрел на Алину, но та никакого удивления при этом известии не выказала. — Как, потвоему, она сумела Драгану выкинуть за порог?

— Ты про её иммунитет к Силе? — с любопытством спросила она. — Откуда ты про него знаешь?

— Лапа сама сказала, — признался я.

— А она, случаем, не сказала, что у неё этот иммунитет есть только в пределах её дома? И что где-то в другом месте она Гане ничего не смогла бы сделать?

— Нет, не сказала, — покачал головой я. — Да, это многое объясняет. А Гана это знает?

— Вряд ли, я сама только недавно это узнала. Тоже всё время думала, что на неё по каким-то причинам Сила не действует, а потом Лапа призналась, что у неё в доме кое-какие артефакты есть.

— Интересно, — оживился я. — Такой артефакт, да на бронеход бы поставить.

— Штучные вещи, — покачала головой Алина. — Очень дорогие, а главное, стационарные. Иначе Лапа сама бы такой артефакт носила.

* * *

Мы оглянулись на скрипнувшую дверь, и я без особого удивления обнаружил там Тамилу Лапу. Как говорится, помяни чёрта...

— Заходи, Лапка, присоединяйся, — помахала ей Алина. — Мы как раз тебя обсуждаем.

— Ты слишком мной интересуешься, — недовольно сказала

мне Лапа, устраиваясь на соседнем стуле.

— А как же тобой не интересоваться, Лапа? — развёл я руками. — Очень уж ты мутная, я просто не понимаю, чего от тебя ждать.

— Это ты мутный, по-моему, — парировала она.

— Я мутный? — удивился я. — Как раз наоборот, со мной всё понятно. А если тебе что-то непонятно, просто спроси. Я отвечу, у меня никаких секретов нет.

— А тебе-то что в Лапе непонятно? — с любопытством спросила Алина.

— Да много чего. Например, с возрастом есть серьёзная неясность.

— Насчёт этого мог бы и сам легко догадаться, — улыбнулась Алина. — Ты же сам в такой ситуации был.

— Ты про те два с небольшим месяца, которые пропали неизвестно куда? — осенило меня. — Однако есть некоторая разница — два месяца или полторы тысячи лет.

— Но принцип-то один и тот же. Просто нас было четверо, и мы друг друга поддерживали. Поэтому нас и не затянуло, мы всего лишь посидели на краю. А Лапа полностью попала, да ещё в очень неудачное время.

Получается, что эти самые «провалы», про которые говорил Добрый Крот — это то же самое, что мы видели в Нижнем мире? Впрочем, это очевидно... хотя нет, совсем не очевидно. Ясно, что это нечто похожее, но совсем не обязательно то же самое.

— То есть если бы нас затянуло, то мы бы так же пропали на полторы тысячи лет?

— Нет, мы бы, скорее всего, просто погибли, — извиняющимся тоном ответила Алина. — Не все провалы одинаковы. Мы тогда очень сильно рисковали.

— И тем не менее вы туда полезли и потащили с собой нас? — укоризненно спросил я.

— Я тогда этого не знала, — она пожала плечами. — Что об этом говорить? Мы выжили, и кое-что приобрели.

— Да-да, — саркастически согласился я. — То, что нас не убивает, делает нас сильнее[20]. Именно таким образом идиоты, которым повезло выжить, оправдывают свою дурость.

[20 — Кеннер чуть-чуть изменил фразу, принадлежащую Фридриху Ницше.]

Алина улыбнулась и ничего на это не ответила.

— И вообще, подруги, не пора ли просветить меня насчёт вашей реальной цели? — с намёком спросил я.

— А ты не обнаглел, студент, требовать отчёта от руководителя экспедиции? — недовольно осведомилась Лапа.

— Руководитель экспедиции буквально только что объяснила мне, что неформальные отношения часто значат больше, чем формальная иерархия.

— Да, Кеннер, с тобой надо очень тщательно следить за тем, что говоришь, — засмеялась Алина. — Вообще-то, реальная цель экспедиции вам была объявлена — сбор некоторых интересных растений и добыча некоторых интересных животных. Но я признаю, что у меня есть и своя личная цель, и я готова тебе о ней рассказать — понятно же, что вы с Леной в стороне не останетесь. Но сначала сам расскажи нам, что тебе известно об этих местах.

— Ну, я знаю, что сейчас происходит некое событие, которое лесные называют Слиянием. У карл тоже происходит нечто подобное, и они называют это Вздохом Геи. Во время Слияния есть риск куда-то провалиться. По всей видимости, провалиться туда, откуда как раз и лезет всяческая живность.

— И это всё, что тебе известно? — неверяще переспросила Алина.

— Это всё, — подтвердил я. — Ещё лесные упоминали про каких-то родичей, но я не знаю, что это за родичи, и какое отношение они имеют к Слиянию.

— Это просто поразительно, Кеннер, — покачала головой Алина, — насколько ловко ты умеешь создать впечатление полной информированности, на самом деле не зная совершенно ничего. Я вроде и хорошо тебя знаю, а всё равно постоянно на твои штучки ловлюсь. Как же я всё-таки жалею, что Мила в своё время к нам не пришла. Женили бы мы тебя на Анете, и я бы тебе даже главенство в роде уступила, честное слово. А как Ренские сейчас локти кусают, ты бы только знал. Тебе-то они этого не показывают, конечно.

Я смутился, не зная, что сказать.

— Мутный он, мутный, — с удовлетворением заметила Лапа.

— Ну ладно, пусть я достаточно мутный для того, чтобы стать Матерью рода, — согласился я, — но давайте всё же

вернёмся к рассказу Алины. Который она, кстати говоря, всё никак не начнёт.

— Это долгий рассказ будет, — предупредила Алина.

— Ну да, нам же всего лишь пару дней лететь, — согласился я. — Отложим до тех пор, пока у нас не появится месяц-другой на общение?

— Хорошо, хорошо, — улыбнулась она. — Я не отказываюсь, просто предупреждаю, что придётся начинать издалека. В общем, как мы все знаем, примерно шестьдесят миллионов лет назад на земле жили динозавры...

— Спасибо, что не стала начинать с протобактерий, — с облегчением заметил я. — Но ты права — пары дней нам точно не хватит.

Алина мимолётно улыбнулась и продолжила:

— ... и у некоторых видов небольших ящеров имелась цивилизация...

— Надеюсь, эта информация от очевидца? — скептически осведомился я.

— Кеннер, я понимаю, что мой рассказ звучит очень необычно, — мягко сказала Алина, — но если ты будешь продолжать в таком роде, то мы никуда не придём. И мне совершенно не хочется терять своё время на пустую болтовню.

— Извини, больше не буду, — поднял руки я. — Просто к этому немного трудно отнестись серьёзно. Но я постараюсь, честно.

Алина кивнула и продолжила:

— Насчёт цивилизации не совсем ясно, конечно — это понятие слишком уж расплывчатое. Где она начинается? Древние люди жили группами, вместе кочевали и вместе охотились — можно ли это назвать цивилизацией? И если да, то чем тогда является львиный прайд? В общем, если там и была цивилизация, то совершенно не нашего типа. Наша цивилизация является материальной, потому что нашим предкам пришлось придумывать инструменты и создавать материальные вещи, чтобы выжить в неблагоприятной среде. Предки хигриссов чувствовали себя комфортно без всего этого, и развивались скорее в духовном направлении.

— Мне кажется, — осторожно заметил я, — что невозможно уверенно судить о временах, которые отстоят от нас на шестьдесят миллионов лет.

— Совершенно верно, — согласилась Алина. — Но о суждениях речь не идёт. Я просто пересказываю тебе рассказы их потомков, для которых с тех пор прошли не миллионы лет, а всего лишь сотни тысяч или даже десятки. Хотя к их рассказам, конечно, тоже стоит относиться с некоторым недоверием.

— То есть потомки этих динозавров ещё существуют?

— Ещё как существуют, твари, — усмехнулась Тамила.

— И к нам они, случалось, раньше пролезали, — согласно кивнула Алина. — А дальше что-то случилось с климатом, и все динозавры начали постепенно вымирать. Но по всей видимости, их соборная душа была уже достаточно развита, чтобы осознать, что умирает, и достаточно сильна, чтобы пробить дорогу в другое место. А Гея почувствовала, что огромная часть её куда-то уходит, и потянулась следом. Вот так и возникли провалы. Они стремятся закрыться, но Гея их открывает вновь в попытках вернуть своё. Говорят, что провалы постепенно слабеют, и через тысячу-другую лет закроются окончательно, но пока что у Геи получается их удерживать.

— И что это за другое место? — спросил я.

— Не знаю, — пожала плечами Алина. — Может быть, какая-то планета, но вот Лапа говорит, что тот мир слишком сильно от нашего отличается. Что там даже физические законы немного другие.

— Ну, если говорить теоретически, то он может состоять из тёмной, то есть из призрачной, материи, — предположил я. — Тогда он существует прямо вот здесь, а мы его просто не ощущаем.

— Я это не совсем понимаю, — развела руками Алина. — Это Гана подобной заумью увлекалась.

— Да на самом деле это просто, — махнул рукой я. — Вполне может существовать другой набор элементарных частиц, который не взаимодействует с нашим набором. Тогда построенный на нём мир будет для нас невидимым и не ощущаемым, и будет проявляться только гравитацией. Примерно восемьдесят процентов массы Вселенной относится к призрачной материи, так что вполне возможно, что она и образует альтернативные миры.

— Может быть, и так, — согласилась она. — Здесь можно только гадать. Может, это другая планета, может, какой-то призрачный мир. А может, Сияние специально создало для них

отдельный мир, чтобы сохранить перспективную душу.

— Так что было дальше с этими потомками?

— Они во время Слияний делали набегі сюда за рабами[21], — сказала Тамила. — Довольно много людей отсюда к себе утащили, только благодаря этому и выжили. Там мир не настолько благоприятный для них, как Земля мезозойской эры, а материальная культура у них была совершенно неразвита. Даже и сейчас неразвита, где-то на уровне примитивных орудий.

[21 — Автор понимает, что подобные теории выглядят довольно натянуто, однако и в реальной истории есть следы, которые можно истолковать подобным образом. Например, статуэтки убейдской культуры. Изображения воинов-ящеров встречаются и на украшениях из крымских курганов (фото такого украшения можно увидеть в Иллюстрациях). Разумеется, автор не настаивает на именно таком толковании.]

— То есть мы там можем встретиться с какими-то тварями вроде твоих крокодилов? — недоверчиво спросил я.

— Нет, ящеры уже в прошлом, можешь не бояться, — усмехнулась Лапа. — Это уже практически полуживотные. Где-то далеко они ещё живут небольшими группами, но рядом с провалами их не бывает.

— Спасибо, не буду бояться, — поблагодарил я. — Однако, если поход за рабами занимает несколько тысяч лет, то такое предприятие не выглядит особо перспективным.

— Всё зависит от степени связи. Слияние ведь не просто так названо, — объяснила Лапа. — Во время Слияния задержка будет буквально несколько дней. Поначалу связь была очень слабой, и добирались предки хигриссов миллионы лет, при этом большая часть их погибла. Потом Гея пробила проход побольше, и путь стал гораздо ближе. Я провалилась в самое неудачное время, но добиралась всего лишь полторы тысячи лет. Всё равно много, конечно.

— То есть семьсот пятьдесят лет туда и семьсот пятьдесят обратно? — уточнил я.

— Только туда, — отрицательно покачала головой Лапа. — После того как пройдёшь этот путь и полностью настроишься на ту сторону, дальше можешь ходить почти свободно, лишь бы провал был как-то открыт. Хотя всё равно опасно, можно легко

потеряться. Мне даже рассказывали, что сильные шаманы там могут ходить вообще без провалов, с любого места, но может, и соврали. Про шаманов вообще мало что точно известно, тем более про сильных.

— То есть ты, Алина, хочешь прогуляться в другой мир? — сделал вывод я.

— Нет, я ещё не настолько сумасшедшая, — улыбнулась она. — Просто сейчас есть возможность настроиться на ту сторону.

— Зачем тебе? — удивился я.

— Чтобы было, — объяснила она. — Раз подвернулась возможность, то почему бы её не использовать? Может быть, в будущем и понадобится туда сходить. Кроме того, есть шанс получить какой-нибудь Дар. Вот Лапка получила дар видеть связи — каким образом она твоих крокодилов связала, как ты считаешь?

— Дар — это хорошо, — задумчиво сказал я.

Глава 20

— Что там, Кени? — послышался заспанный голос Ленки с верхней койки.

Завидую её способности спать когда и где угодно. Не то чтобы она часто так делает, но вот в таких ситуациях, когда делать совершенно нечего и надо просто ждать, она легко может задремать, тогда как я мучительно переживаю медленно тянущееся время. Не будь она аристократкой, военная служба была бы для неё совершенно естественным занятием. Да и вообще Ленка гораздо охотнее проводит время в дружине, чем в модных салонах. При этом её никак нельзя назвать оторвой — она каким-то образом ухитряется быть при этом любящей и заботливой женой. Я знаю свою жену с младенчества, но её характер в некоторых моментах продолжает оставаться для меня полной загадкой. Впрочем, я и не собираюсь ничего отгадывать — меня всё устраивает как есть.

— Похоже, мы прилетели, — отозвался я, пытаюсь хоть что-то разглядеть в иллюминатор. — По-моему, этот толчок как раз и был оттого, что мы на якорь встали. Давай просыпайся, милая, а то не успеешь умыться пока суета не началась.

Ленка красиво потянулась, а затем одним плавным движением слетела с койки, так что я едва успел подхватить её на руки.

— Хорошая реакция, — засмеялась она, чмокнула меня в нос, быстро обулась и убежала.

Послышались звонкие удары кувалды о металл, и я окончательно убедился, что мы швартуемся. Матросы привычно забили в неподатливую лесную почву штуки вроде длинных железных ломов — не знаю, как они на самом деле называются, я всё-таки ненастоящий воздушник, — закрепили на них швартовные растяжки, и на этом процесс причаливания завершился. Мы прибыли.

Дверь распахнулась, и в каюту влетела Ленка — уже умытая и свежая.

— Кени, собираемся поскорее, — быстро проговорила она, вытаскивая свой рюкзак и торопливо запихивая туда вещи. — Генрих злой, как бес, орёт сейчас на Сельковых, а потом отправится к нам.

— А чего он орёт-то? — удивился я, тоже поспешно пакуя

свой рюкзак. — Вот предупредил бы заранее, что подлетаем, тогда бы и орал.

— Он Янсену приказал всех предупредить, — объяснила Ленка. — Янсен своей группе сказал, а нашей и второй ничего говорить не стал.

— Почему не стал? — не понял я.

— То ли плохо понял, то ли забыл, то ли просто не захотел с нами общаться, — пожала плечами Ленка. — На него Эмма орала, но я не дослушала, как он там оправдывался.

— Допрыгается Кристер, — с осуждением заметил я. — Ему же за такие вещи могут и тёмную устроить, или ещё чего-нибудь в таком роде. Думаю, на него все сейчас злые. Наверняка наша принцесса Лея тоже не упустила случая как следует поорать на вторую группу.

— Принцесса Лея? — засмеялась Ленка. — Это ведь из той сказки про звёздные войны, что ты мне в детстве рассказывал?

— Ты до сих пор помнишь? — поразился я. — Тебе же тогда лет шесть было.

— Конечно, помню, — уверенно подтвердила она. — Я все твои сказки помню. И про Незнайку, и про Карлсона, и про Изумрудный город, конечно. Про Изумрудный город вообще была моя любимая сказка, ты же её про меня сочинил. Я в детстве всегда засыпала, представляя, как иду по дороге из жёлтого кирпича. До сих пор поражаюсь, как ты в таком возрасте мог для меня такие замечательные сказки сочинять.

Я что-то промычал в растерянности. Действительно, это дети о подобных вещах не задумываются, а взрослый не может не удивиться таким историям от шестилетнего ребёнка. Я был уверен, что Ленка давно все эти вечерние сказки забыла. Оказывается, помнит.

— И ты тоже не вздумай их забывать, — строго сказала она. — Тебе их ещё нашим детям рассказывать.

— Не забуду, — вздохнув, пообещал я.

Дверь рывком распахнулась, и на пороге возник Генрих Менски. Злость его ощущалась буквально физически.

— Мы готовы, наставник, — немедленно отрапортовал я. — Прикажете выдвигаться?

Генрих растерялся — он явно ждал совсем не этого.

— Выдвигайтесь, — наконец хмуро сказал он и прикрыл дверь — причём плавно.

— Похоже, Лина вставила преподам серьёзную клизму за то, что у них студенты расслабляются, — вполголоса заметил я. — Вот им и не терпится поделиться ощущениями со студентами.

— Тоже так думаю, — кивнула Ленка. — Пойдём, что ли?

Мы навьючили на себя наши рюкзаки и поспешно направились к трюму. В дирижаблях обычно имелся ещё один, так называемый «капитанский выход», но у меня и мысли не возникло двигаться в сторону рубки. Студенты совершенно явно не попадали в категорию достаточно важных пассажиров, так что я вполне резонно предположил, что нам предстоит спускаться по верёвочной лестнице из трюмного люка. Так оно и оказалось — в трюме уже толпилась большая часть студентов. Все они выглядели порядком взъерошенными, особенно Кристер Янсен — преподы сумели в полном объёме донести до подопечных недовольство руководителя экспедиции, и ещё как следует добавили от себя.

К нам подошла Анета, и я с интересом заметил, что она как раз взъерошенной не выглядит.

— Как там ваша Лея — сильно бушевала? — спросила Ленка.

— Поорала, — кивнула Анета. — Но меня почему-то пропустила. Правда, я очень быстро собралась.

— Не хочет тебя задевать, потому что не знает, как Алина на этоотреагирует, — предположила Ленка.

— Скорее всего, — согласилась Анета. — Только Алина никак бы неотреагировала, у неё любимчиков нет.

— Но преподы-то этого не знают, вот и не связываются, — заметил я. — Хорошо иметь родню в начальниках. А вообще, Алина круто взялась — когда мы в Нитику ездили, она как-то помягче себя вела.

— Здесь же преподаватели есть, — пожала плечами Анета. — Вот Алине и пришлось сразу себя поставить.

Правильно она всё поняла. Тогда у Алины были только студенты, иерархия никаких сомнений не вызывала, вот она и вела себя довольно демократично. А сейчас вместе со студентами ехали достаточно авторитетные преподаватели, которые Алину не знали, так что она решила сразу разъяснить всем кто есть кто и установить рамки. Я отметил для себя примечательный факт, что у Анеты не возникло никаких сомнений в необходимости поступить именно так. Алина

определённо не пренебрегает её воспитанием, а значит, Анета не просто формальная наследница, а вполне себе реальная. То есть Алина действительно планирует передать ей главенство в роде, и Анета пользуется у рода достаточным уважением, раз род таким планам не противится. Надо будет как-нибудь мягко намекнуть Ленке, чтобы она продолжала дружить с Анетой и не вздумала с ней поссориться. Я ощутил лёгкий укол совести из-за такого несколько циничного отношения к нашей общей подруге — но что поделать? Я обязан всегда действовать в интересах семейства, как бы неприятно это ни выглядело для меня лично.

В трюме появилась Алина, но на неё мало кто обратил внимание. А вот это совсем напрасно — обращать внимание на начальство нужно всегда.

— Построиться по группам, — негромко приказала Алина.

Мы с Ленкой и Анета немедленно направились к своим группам. Однако многие студенты либо не услышали приказ за болтовнёй, либо просто не обратили внимания. Алина поднятием брови обозначила лёгкое недоумение и несильно хлопнула в ладоши. Хлопнула совсем несильно, однако от хлопка зазвенело в ушах, а некоторых ударная волна подхватила, заставив довольно унижительно прокувыркаться. По странному совпадению кувыркались исключительно те студенты, которые не поспешили исполнить приказ.

— Я надеюсь, этого было достаточно, чтобы привлечь ваше внимание, — в мёртвой тишине ледяным голосом сказала Алина. — Следующий, кто посмеет игнорировать мои распоряжения, об этом сильно пожалеет. А теперь все строятся по группам и прыгают в люк начиная с первой группы. Наставники групп прыгают последними. Внизу сразу отходите в сторону, чтобы не создавать помехи следующим. Тех, кто не отойдёт сам, буду убирать с дороги я. Пошли! — скомандовала она и первой прыгнула в открытый люк.

И с чего я вообразил себе какую-то верёвочную лестницу? Инерция мышления, не иначе. Следующим прыгнул я, а следом за мной Ленка. В воздухе я чуть замедлился и немного отодвинулся — приземлились мы вместе, держась за руки, и сразу же отошли в сторону. Алина мимолётно улыбнулась нам и почти незаметно кивнула. Меня разбирало любопытство, как она будет убирать с дороги тех, кто замешкается и не отойдёт в

сторону сам, но, к сожалению, таких не оказалось. Алина явно уже сумела внушить к себе уважение, так что её предупреждение все восприняли серьёзно. Хотя что тут особо гадать? Просто отправляла бы пинком в полёт саженой на десять.

Наконец, прыгнула и третья группа — и, говоря откровенно, не все из них проделали это изящно. Я с интересом отметил, что все немедленно построились по группам, не дожидаясь приказа. А потом всё-таки вывалилась верёвочная лестница, по которой довольно шустро спустилась Лапа. В чём бы её способности ни состояли, она определённо не Владеющая, раз не может даже прыгнуть с относительно небольшой высоты. Я обвёл глазами студентов и вдруг с удивлением обнаружил, что Янсен уже приобрёл вполне достойный бланш — кто, а главное, когда успел его оприходовать, причём на глазах преподавателей? Хотя, скорее всего, преподаватели просто вовремя отвернулись.

Лапа спустилась, но Алина продолжала чего-то ждать, и через полминуты выяснилось чего. По лестнице немного неловко спустилась наша целительница Дея — а я даже и не подозревал, что она тоже летит с нами. Впрочем, если подумать — как в таком походе без целительницы? Студенты ведь, в сущности, мало чем отличаются от детей, и приключения себе находят точно так же. Может, Янсен и уговорит её убрать свой фингал, чтобы не пугать диким видом зверей лесных.

— Времени у нас немного, — объявила Алина, а время и в самом деле было далеко за полдень, — но пройти вёрст десять за остаток дня мы успеем. Точнее, успеем пробежать — ведь всем вам хочется немного размяться после утомительного путешествия, — (Генрих одобрительно хмыкнул). — Первой бежит почтенная Тамила, а за ней группы в том же порядке, в котором прыгали. Преподаватели бегут сзади и помогают отстающим. Пошли, пошли!

Не думаю, что отстающие обрадуются помощи преподавателей. Я шепнул Ленке: «Пообщаюсь с Линой» и немного отошёл в сторону, чтобы никому не мешать. Генрих посмотрел на меня с сомнением, но молча пробежал мимо. Я пропустил всех, чувствуя лёгкое раздражение от удивлённых взглядов, а потом пристроился к Алине, которая бежала последней.

— Что, Кеннер, трудно бежать? — ехидно спросила она. — Надо сделать выговор Менски за то, что не помог тебе.

— Ой, Лина, хоть ты не упражняйся в остроумии, — отмахнулся я. — Тем более, это тебе совсем не идёт. Не твой образ совершенно. А кстати, почему мы бежим? Неужели нельзя было ближе подлететь?

— Что, в самом деле не хочешь бежать? — удивилась Алина.

— Да нет, просто интересно.

— Лапа говорит, там частенько бывают вихри Силы. Непонятно, что может случиться с дирижаблем, если он попадёт в такой вихрь. Мне, знаешь ли, совсем не хочется объяснять ректору, каким образом я сумела угробить его дирижабль. Он ведь наверняка ещё и возмещать заставит, а я-то победнее тебя буду.

— Так уж и беднее, — усомнился я.

— Беднее, беднее, — заверила она. — Слышала я, какой ты дирижабль строишь.

— Так не себе же строю, а жене, — недовольно ответил я. — Мне бы и в голову не пришло такое для себя строить, меня и наш курьер вполне устраивает. Просто имел неосторожность пообещать, вот и приходится держать слово.

Алина только покрутила головой.

— Так ты ради этого вопроса нарушил порядок движения?

— Нет, конечно, это так, просто в голову пришло, когда ты про бег заговорила.

— Я про бег заговорила, — фыркнула она.

— На самом деле я про Лапу хотел спросить. Не могу понять, за что она на меня крысится — я ей вроде никак дорогу не переходил. Что её не устраивает?

— Ну, мы с ней это не обсуждали, — задумалась Алина. — Так что наверняка ничего сказать не могу. Кое-какие догадки у меня есть, но это просто предположения.

— Хотя бы предположения, — вздохнул я. — А то я уже не понимаю, как к ней подойти. Может, действительно ей в табло настучать? Лена с ней вроде нашла общий язык таким образом.

— Подружиться с ней хочешь?

— Не то чтобы подружиться, просто какие-то нормальные отношения завязать. У нас с ней кое-какие общие дела есть, и мне не нравится, что она на меня волком смотрит.

— Общие крокодилы, что ли? — захохотала Алина.

— Какая разница, что? — с досадой сказал я. — Сегодня крокодилы, завтра какие-нибудь бегемоты. Но вот как-то не выходит у нас быть нормальными партнёрами.

— Ну, как мне кажется, — с некоторой неуверенностью сказала Алина, — причина в том, что вы с ней слишком разные. С нашей точки зрения, она ведь просто окаменелость. Лапа, конечно, к нашему времени как-то приспособилась, но она выросла совсем в другом мире, и это сказывается. Во-первых, судя по некоторым оговоркам, она из очень бедной семьи, возможно, даже из семьи холопов. Неспроста ведь она в поволье пошла, на самом деле ей пришлось. А кто ты, Кеннер? Ты ведь, по сути, верховой боярин из золотых поясов[22]. Как она может к тебе относиться, и как может тебе доверять?

[22 — «Золотыми поясами» называли представителей знатнейших родов древнего Новгорода, которые, собственно, Новгородом и правили. Именно они определяли решения народного вече.]

— Я, кажется, своё положение не выпячиваю, — хмуро возразил я.

— Не выпячиваешь, — согласилась Алина. — Но она тебя всё равно воспринимает именно так, для неё пропасть между вами никуда не девается. Она же с детства так воспитывалась, это мгновенно не уйдёт.

— Но с тобой-то она ладит, а ты ведь тоже в Совете Лучших заседаешь.

— Вот только ты забыл, что голос у меня там совещательный, — хмыкнула она. — Что-то обсуждать я могу, а вот голосовать права не имею. Я, конечно, не из низов общества, но в отличие от тебя, в новгородскую госпóду не вхожу. Это всё было во-первых. А во-вторых, ты очень продуманный делец, Кеннер, а наша Лапа — девчонка простая, и ей все эти отношения «ты мне — я тебе» довольно чужды.

— Что не помешало ей нормально так с меня содрать, — недовольно заметил я.

— За твоих крокодилов? — засмеялась Алина. — Ну, девушке ведь надо на что-то жить. Но я имела в виду немного другое. Я же давно за тобой наблюдаю, и за последние годы ты очень сильно изменился. Ты постепенно становишься умелым дипломатом и жёстким дельцом. В тебе начинает чувствоваться стальной стержень, ты порой очень сильно давишь волей. Даже

я иногда это чувствую.

— Не уверен, что рад о себе такое слышать, — грустно сказал я.

— Это естественный процесс, Кеннер, — мягко сказала Алина. — Ты глава сильного семейства, от тебя зависят многие тысячи людей, ты просто не можешь быть лапочкой. Но при этом ты всегда ведёшь дела открыто и честно, и за это тебя уважают. Уважают даже больше, чем ты думаешь, и даже люди, которые тебя не любят. Но возвращаясь к Лапе — она всё это хорошо ощущает и не может разговаривать с тобой как равная. Она чувствует себя нижестоящей и от этого злится, понимаешь?

— Но и ты ведь тоже не лапочка, Лина, — указал я. — Достаточно посмотреть, как ты всех здесь построила.

— Я просто гораздо старше тебя и лучше умею лицемерить, — усмехнулась она. — И тебе тоже надо бы этому поучиться — людям недостаточно того, что ты с ними ведёшь дела честно и стараешься, чтобы эти дела были взаимовыгодными. Научись казаться мягче, когда жёсткость неуместна. А насчёт того, что я кого-то построила — ты не замечаешь, как ты сам здесь всех построил? А ведь ты, в отличие от меня, не руководитель экспедиции, а простой студент.

— Я? Всех построил? — поразился я.

— Ты, кто же ещё? — засмеялась Алина. — Я уверена, что Менски тебе ни слова не сказал, когда ты нарушил прямой приказ руководителя экспедиции и совершенно нагло отстал от своей группы — так?

— Так, — признал я. — Но опять возвращаясь к Лапе — можно как-то всё-таки найти с ней общий язык? Можешь что-нибудь посоветовать?

— Общайся. Покажи, что ты достоин доверия, и она постепенно оттаёт. Иначе, наверное, никак.

— Ясно, — вздохнул я. — А про ящеров ты можешь поподробнее рассказать?

— Нет, Кеннер. Лапа что-то говорила про соборную душу и прочую такую муть, но я в это вообще не вникала. У нас Гана такую зауём любит, а мне достаточно того, что мы с этими ящерами не встретимся.

Я вернулся на своё место. Когда я обгонял Генриха, он опять с сомнением посмотрел на меня и снова промолчал. Не думаю, что слова Алины насчёт «всех построил» правильно описывают ситуацию, но какая-то доля правды в её словах и в самом деле есть. Я не стал останавливаться на своём месте, а продвинулся чуть дальше, поравнявшись с Лапой.

— Привет, Лапа! — дружелюбно поздоровался я. — Выделишь мне несколько минут?

Она подозрительно посмотрела на меня и буркнула:

— Чего ты хочешь?

— Не заводи себя, — мирно сказал я. — Никаких злобных замыслов я не питаю, честно. Просто хочу поспрашивать тебя о ящерах — меня их история очень заинтересовала. Как так вышло, что они совсем недавно делали набегі за рабами, и вдруг превратились в полуживотных?

— Не вдруг они превратились. Они уже в моё время начали всё реже появляться.

— Да нет, всё-таки вдруг. Полторы-две тысячи лет — для расы это стремительная деградация. Сама посуди — между нами и тобой как раз полторы тысячи лет, но ты от современных людей ничем не отличаешься. Общество сильно изменилось, конечно, а люди остались теми же самими.

— Да, общество изменилось, — с грустью сказала Лапа. — Мне многое здесь трудно принять. Для меня мой город только что назывался Господин Великий Новгород, и внезапно он уже не Господин, и даже не Великий.

— В официальных бумагах город по-прежнему Великий, — пожал плечами я. — Но заметь, что твой Господин Великий Новгород даже близко не может сравниться с нашим просто Новгородским княжеством ни по населению, ни по размеру, ни по влиянию... да ни по чему угодно.

— У нас было народное вече, — указала она, — а у вас правит князь.

— Вот прямо вижу перед собой картину, как тридцать шесть миллионов граждан собираются на вече и начинают выкрикивать свои пожелания, — с иронией сказал я. — Какое ещё народное вече, Лапа? У вас господа решала, что на вече кричать будут. А кто пробовал не то кричать, мог и нож в бок получить. Во внезапно образовавшейся давке.

— Бывало и такое, — признала она.

— У нас, конечно, вече не собирают, зато народ реальный голос имеет. Свой голос, а не тот, что господа укажет.

— Это каким образом? — изумлённо посмотрела на меня Лапа.

— Крестьяне и мещане — через Совет Общин. Который, кстати, и в Совете Лучших Людей представлен.

— Вот как? — озадаченно пробормотала она.

— То есть ты не интересовалась, как у нас власть устроена? — догадался я. — Увидела, что вече нет, и решила, что князь единолично правит? Я тебя уверяю, у нас народ гораздо больше голоса имеет, чем в ваше время, и у князя власть далеко не абсолютная. В общем, поинтересуйся этим как-нибудь, много открытий для себя сделаешь. Наверняка что-то непонятно будет — спрашивай, охотно объясню. У нас власть довольно сложно устроена, и не всё на виду лежит.

— И ты мне всё расскажешь? — недоверчиво спросила она.

— А почему нет? Государственные секреты я выдавать не собираюсь, конечно, так они тебе и не нужны. Можешь ещё и Лину поспрашивать, она тоже может многое рассказать.

Лапа молчала, глядя куда-то вдаль. Мы бежали так молча несколько минут, а затем она вдруг спросила:

— Как ты с Алиной сошёлся?

— Алина с нашей матерью старые подруги. А потом мы с Леной съездили с ней в пару экспедиций, и как-то незаметно тоже подружились.

Она опять надолго замолчала. Я терпеливо ждал, и через пару минут она сказала:

— Так что ты хотел спросить?

— То, что спросил. Почему ящеры так стремительно деградировали?

— В двух словах не объяснить, — ответила она, причём на удивление мирно. — Я ведь и в университет пошла, потому что меня эта тема интересовала. Вроде что-то поняла, но правильно или нет, не знаю. Понимаешь, я сама с ящерами дела не имела — ну, несколько штук убила, но про их общество знаю только из рассказов старших. Будешь слушать мои фантазии?

— Буду, конечно, я ведь за этим к тебе и подошёл, — заверил её я. — Даже фантазии от человека с профильным образованием, который знаком с предметом — это то, что стоит послушать.

Она немного помолчала, собираясь с мыслями.

— Очень важно понимать один момент, — наконец, сказала она, — цивилизация ящеров изначально была духовного типа. Материальная культура у них практически отсутствовала. Еды в то время было достаточно, климат тёплый с небольшими сезонными и суточными колебаниями — им были просто не нужны какие-то искусственные приспособления.

— Я видел их статуи у алтарного зала, — осторожно заметил я. — У тех тварей были броня и оружие.

— Это всё появилось уже потом, — покачала головой она. — Я говорю о тех временах, когда они ещё не эмигрировали.

— Мне кажется интересным ещё один момент: человек начал развиваться под давлением среды — появились инструменты, ремёсла, постепенно пошло развитие отдельных индивидуумов и общества в целом. Но что вызвало развитие ящеров, если среда была благоприятной? Неважно, духовное развитие или материальное — должен быть какой-то толчок.

— Вопрос сразу в точку, Кеннер, — кивнула Лапа. — Какой-то толчок наверняка был, вот только мы вряд ли узнаем какой. Старшие говорили мне, что ящеры сами этого не знают — слишком давно это было. Да и какие воспоминания могли сохранить полуразумные твари? Я имею в виду, которые в то время были ещё полуразумными. Может, их подтолкнули боги, а может быть, и сама Гея.

Удивительно, как она изменилась, заговорив о том, что ей самой интересно. Знакомая мне Тамила Лапа как будто куда-то исчезла, а вместо неё появился учёный-исследователь. Сейчас её университетское образование было совершенно явным и не вызывало никаких сомнений.

— Вообще, тема цивилизации духовного типа безумно интересна, — продолжала она, — но она не имеет прямого отношения к теме одичания ящеров. Я упомянула это только затем, чтобы подчеркнуть, что после попадания в Мир Полночи они оказались в довольно неблагоприятной среде, но при этом у них полностью отсутствовала материальная культура. Очень много ящеров погибло при переходе, и не меньше погибло после. Возможно, они в конце концов погибли бы все, но их старшие всё-таки нашли выход — они научились ходить к нам. Если бы переходы были в более населённых местах, их, наверное, просто бы перебили, но в этих землях

поселений было очень мало, и у ящеров получалось угонять людей к себе целыми деревнями. Их долгое время даже не замечали — в те времена гораздо больше людей гибли от междоусобиц. Да и свои рабов тоже захватывали для продажи.

— Так ящеры переняли у людей материальную культуру или просто заставили их на себя работать?

— Просто заставили работать.

— То есть они таким образом свои проблемы решили, — сделал вывод я. — Но это никак не объясняет их деградацию — рабовладельческие общества в целом довольно стабильны.

— Ты ошибаешься, Кеннер, — возразила она. — Любое паразитическое общество нестабильно, и рано или поздно ему приходится либо отказаться от паразитизма, либо умереть. Но ты прав в том, что разложение может длиться достаточно долго. Однако ящеры пошли дальше, чем стоило бы. Рабовладельческое общество более или менее стабильно, пока использование рабов ограничено неквалифицированным трудом. У ящеров же рабы через какое-то время начали заниматься буквально всеми сторонами жизни, вплоть до управления поселениями. То есть сами ящеры занимались духовными практиками и творчеством — ну, или просто развлекались, — а люди полностью обеспечивали функционирование общества.

— И люди такое терпели? — удивился я.

— До поры до времени. А потом старшие ящеров, которые пришли ещё с Земли, возвысились и куда-то ушли. Новых старших, которые поднялись уже после эмиграции, у ящеров оказалось слишком мало, да и были они довольно слабыми. Соплеменников они всё-таки сумели защитить от истребления, но удержать людей уже не смогли. И оказалось, что у ящеров уже нет ни сильных лидеров, ни единого общества.

— И они одичали, — закончил я.

— Без старших, которые обеспечивали единство общества и преемственность знаний, другого результата быть и не могло. И подняться вновь они уже никогда не смогут — мир их вычеркнул из списка кандидатов на возвышение.

— Что ты имеешь в виду? — заинтересовался я.

— Ну, есть такая любопытная теория, — почему-то смутилась Лапа. — В общем, паразитические цивилизации имеют очень малую ценность для мира, потому что

цивилизации должны развиваться сами, а не пытаться ехать на других. Мир их ещё как-то терпит, пока они заставляют других работать за себя, но когда они заставляют за себя думать, их ценность для мира становится равной нулю, и Вселенная просто скидывает их в мусорное ведро. С ящерами это и произошло — они отдали рабам слишком многое из того, что обязаны были делать сами.

— Очень интересная точка зрения, — искренне сказал я. — Трудно сказать, насколько она верна, но над этим определённо стоит подумать. Слушай, Лапа, а мне вот такая мысль в голову пришла: с рабами всё понятно — если за тебя думает раб, то он естественным образом занимает твоё место, а ты автоматически становишься отходом эволюции. А вот представим, что за тебя думает машина.

— В каком смысле «думает машина»? — не поняла Лапа.

— Представь себе машину, которая умеет думать.

— Вот прямо думать? — удивлённо переспросила Лапа. — Решать за тебя задачи, советовать, куда вложить деньги, управлять твоим предприятием?

— Да, вот это вот всё, — подтвердил я. — И может быть, даже больше.

— Ну ты и фантазёр, — засмеялась она. — Надо же такое придумать! Но если не ограничивать полёт фантазии и всё-таки представить, что такое возможно, то я не вижу каких-то принципиальных отличий. Какая разница, на чём ты паразитируешь? Если машина думает за тебя и производит некий интеллектуальный продукт, то она и представляет интерес для мира, а ты становишься не нужен. И рано или поздно закончишь, как эти ящеры. А твоя машина будет, наверное, жить дальше и развиваться вместо тебя.

Nota bene

Книга предоставлена [Цокольным этажом](#), где можно скачать и другие книги.

Сайт заблокирован в России, поэтому доступ к сайту через VPN. Можете воспользоваться [Censor](#) [Tracker](#) или [Антизапретом](#).

У нас есть Telegram-бот, о котором подробнее можно узнать на сайте в [Ответах](#).

* * *

Если вам понравилась книга, наградите автора лайком и донатом:

[За последним порогом. Земли полуночи](#)